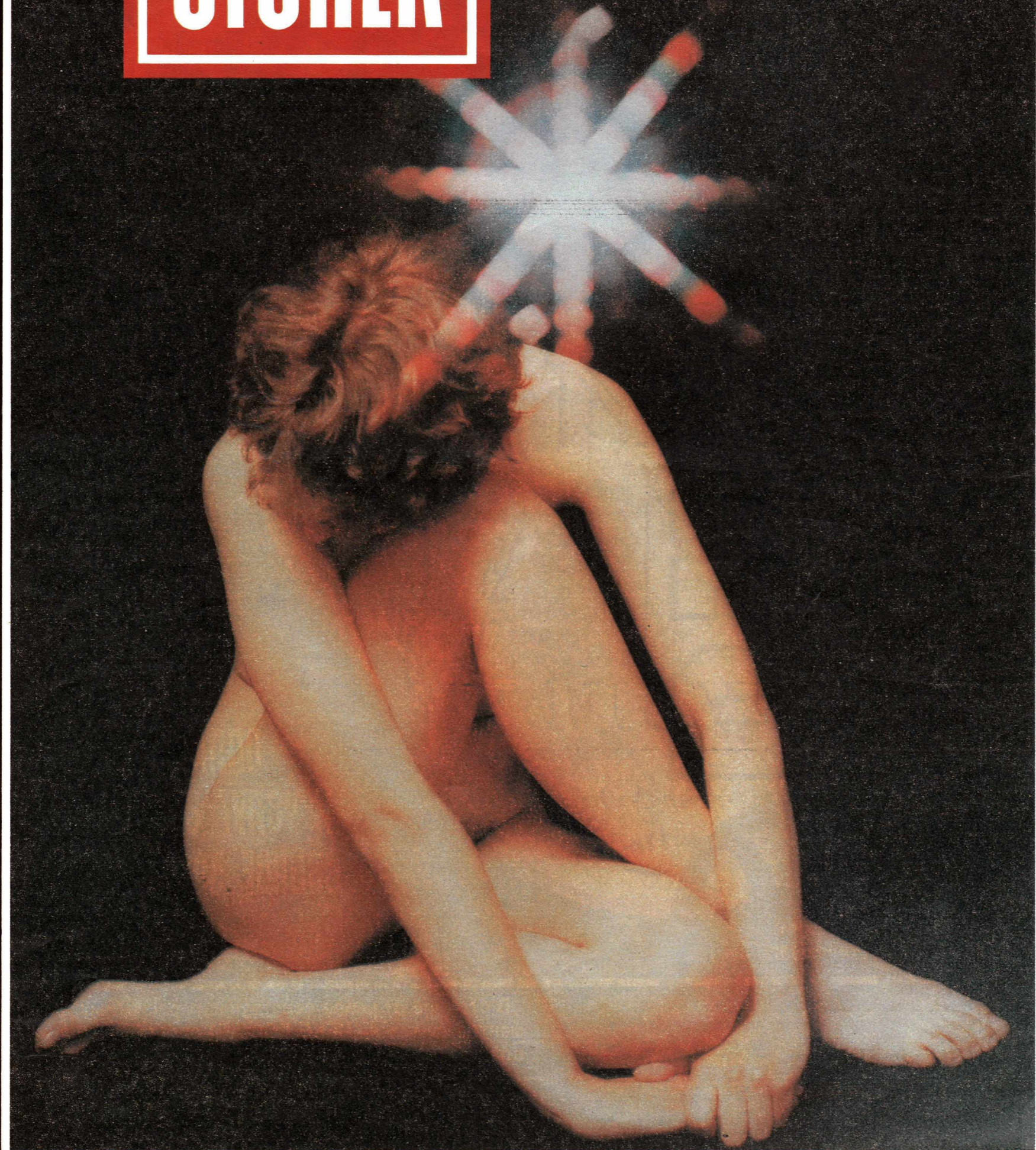

ОГОНЁК

ГОЛЬ НА ВЫДУМКУ ХИТРА

**РАСЧЕТЫ
БЕЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
НАЛИЧНЫХ ДЕНЕГ —
СТРАХОВКА ОТ
НЕПРЕДВИДЕННЫХ
СИТУАЦИЙ.**

**ЧЕКИ
РОССИИ**
выдаются
учрежде-
ниями
Сбер-
банка
Рос-
сийской
Федерации
как за
счет средств
во вкладах,
так и за
счет наличных
денег, и не имеют
каких-либо ограничений
по сроку их использования.

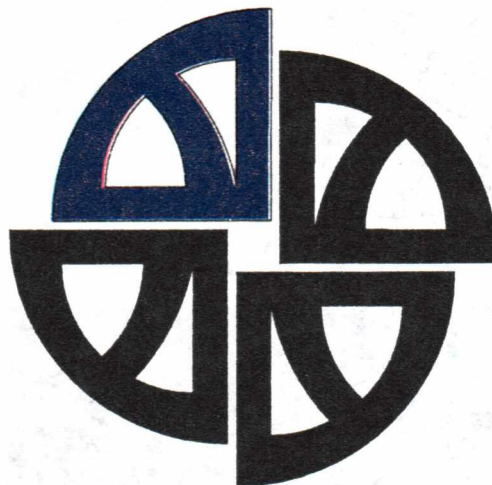
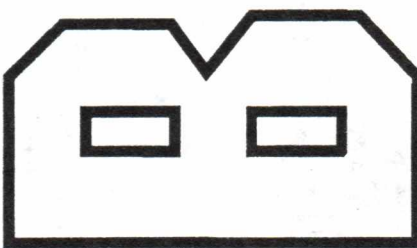
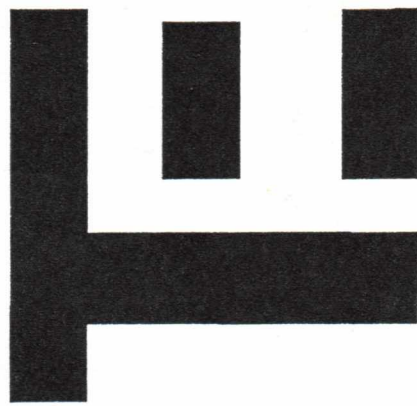
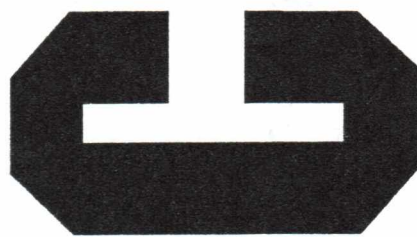
**НОВАЯ
ФОРМА
БЕЗНАЛИЧНОЙ
ОПЛАТЫ ТОВАРОВ
И УСЛУГ СТОИМОСТЬЮ
СВЫШЕ 500 РУБЛЕЙ —
ЧЕК РОССИИ**

**СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЙ
БАНК**
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В отличие от ранее действующих расчетных документов сумма на **ЧЕКЕ РОССИИ** проставляется его владельцем при оплате товара.

Расчеты по **ЧЕКАМ РОССИИ** осуществляются всеми юридическими и физическими лицами на территории Российской Федерации.

Информационный центр "BINTEC"
Тел.: (095) 463-94-54, (095) 463-12-81

Информационный центр "BINTEC"
Тел.: (095) 463-94-54, (095) 463-12-81

ОГОНЁК

**РАБОТЫ
ЛУЧШИХ
ФОТО-
МАСТЕРОВ
—
ДЛЯ
ЗАКАЗ-
ЧИКОВ
«ОГРЕ»
!**

Фото Якова ШУБИНА

ВЫ МОЖЕТЕ СДЕЛАТЬ ЗАКАЗ НЕ ТОЛЬКО НА ПУБЛИКАЦИЮ ВАШЕЙ РЕКЛАМЫ
В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ «ОГОНЬКА»,
НО И НА ЕЕ ОФОРМЛЕНИЕ НАШИМИ ХУДОЖНИКАМИ

ТЕЛЕФОНЫ: 212-12-00, 212-11-59.

НАСТОЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО- НА КАЖДЫЙ СТОЛ!

ФИРМА СТИПЛЕР ПРЕДСТАВЛЯЕТ

НОВЕЙШИЕ РАЗРАБОТКИ HEWLETT-PACKARD:

HP DeskJet 500C - цветной струйный принтер с разрешением 300 точек на дюйм. Подобное качество печати прежде достигалось только на лазерных принтерах. Теперь Вы имеете то же самое в цвете!

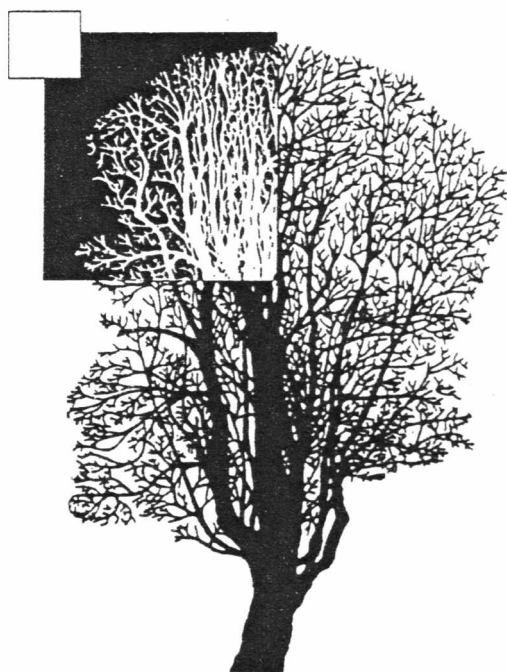
HP ScanJet IIc - настольный цветной автосканер с разрешением 400 точек на дюйм. Вы получаете возможность включать в свою печатную продукцию цветные иллюстрации самого высокого качества.

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ: MICROSOFT WORKS 2.0

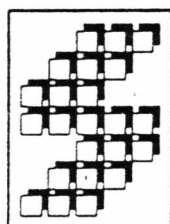
* ТЕКСТОВЫЙ ПРОЦЕССОР * БАЗА ДАННЫХ *
ЭЛЕКТРОННЫЕ ТАБЛИЦЫ * ДЕЛОВАЯ ГРАФИКА
* КОММУНИКАЦИИ *

Microsoft Works содержит самые необходимые средства для продуктивной работы на компьютере. Качество Вашей работы будет неизменно высоким - независимо от Вашего опыта. Все, что содержится в более сложных и дорогих пакетах, *Microsoft Works* предлагает сразу как единое целое.

Официальный дистрибутор фирм
Hewlett-Packard и **Microsoft**
предлагает профессиональный инструментарий
за рубли по общедоступным ценам.

STEEPLER LTD.

ФИРМА СТИПЛЕР, МОСКВА 103031 А/Я 30, ТЕЛЕФОН: 246 81 92

АМЕРИКА ИЩЕТ РАБОТУ ДЛЯ
РУССКИХ УЧЕНЫХ.

НО МОЖНО РАБОТАТЬ В
РОССИИ, А ЗАРАБАТЫВАТЬ
ПО-АМЕРИКАНСКИ,

войдя в структуру Международного
технологического концерна
BINITEC,

безусловно соблюдающего
положения ст. 27 Всеобщей
Декларации прав человека об
уважении права автора на
произведение. Сертификационный
Центр BINITEC приступил к
регистрации Ваших разработок
на международном уровне
1 марта 1992 года.

Совместно с WISTEX IMPORTS Ltd
и комиссией NARCC мы охраняем
Ваше авторское право на
территории Северной
Америки, Западной Европы,
Юго-Восточной Азии.
Продав лицензию за рубеж, автор
получает вознаграждение
в валюте покупателя.
Ваш валютный счет в
Германии или Швейцарии
откроет

BERING GmbH Berlin.

Информационный центр BINITEC
круглосуточно:

телефоны: (095) 463-94-54, 463-12-81,
телекс: 412122 INFOR SU

Выходит с 1 апреля 1923 года

УЧРЕДИТЕЛЬ —
ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ
РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

№№ 14—15
(3376—3377)

4—18 апреля

Главный редактор
Л. Н. ГУЩИН

Редакционная коллегия:

А. Ю. БОЛОТИН,
Г. В. КОПОСОВ,
Б. Д. МИНАЕВ,

В. В. ПЕРФИЛЬЕВ
(ответственный секретарь),

Г. В. РОЖНОВ,
Г. М. ЦЕЛМС,
В. Б. ЧЕРНОВ,
А. С. ЩЕРБАКОВ

(первый заместитель главного редактора),

В. Б. ЮМАШЕВ

(заместитель главного редактора).

Совет редакции:

Е. Г. БОННЭР, П. Г. БУНИЧ,
Е. А. ЕВТУШЕНКО, М. А. ЗАХАРОВ,
В. А. КОРОТИЧ, Ю. В. НИКУЛИН,
С. Н. ФЕДОРОВ, Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО.

Ведущий редактор А. Ю. БОЛОТИН.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Фото Виктора ГРИЦЮКА.
(См. в номере материал «Золотая броня».)

Оформление Н. П. КАЛУГИНА
при участии М. С. САВОСТЬЯНОВОЙ.

Сдано в набор 16.03.92. Подписано к печати
31.03.92. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага для глубо-
кой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл.
кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 1 712 307 экз.
Заказ № 1547.

Адрес редакции: 101456, ГСП,
Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69;
Отделы: Публицистики — 250-46-90; Внутренней
политики и социальной защиты — 212-24-27; Лите-
ратуры — 212-63-69; Искусства — 212-22-19; Мо-
рали — 250-51-45; Писем — 212-22-69; Фото —
212-20-19; Справки по рекламе — 212-12-00.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Типография издательства «Пресса».
125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

© «Огонек», 1992.

КОНФЛИКТЫ

Александр БОЛОТИН,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото Олега ЛИТВИНА

*«Не оскверняйте земли, на которой
вы будете жить; ибо кровь осквер-
няет землю, и земля не иначе очи-
щается от пролитой на ней крови,
как кровью пролившего ее».*

(Из Библии).

КАК ЭТО БЫЛО

Жестокая примета времени — мы отучились удивляться, даже если речь идет о смерти. Мне показали кинолен-ту. Предупредили: зрелище не для сла-бонервных. И вот на экране пошли кад-ры, снятые оператором Чингизом Му-стафаевым 28 февраля, через два дня после трагедии в азербайджанском го-роде Ходжалы. Чингиз был на одном из двух военных вертолетов, прорвавших-ся на территорию, контролируемую ар-мянскими боевиками. К качеству съем-ки есть претензии, камера дрожит. Вид-ны склоны заснеженных холмов Нагор-ного Карабаха. Близкий план: повсюду разбросаны мертвые тела. Трупы де-тей... Двое бойцов в форме отряда на-циональной обороны тащат по снегу убитого. Видно, что дело для обоих не-привычное. Крупно: плачущий солдат передает в вертолет окостеневшее тельце ребенка. Звук за кадром, тез-тез, по-азербайджански — быстрее-бы-стрее... По склону холма скользит вер-толет — армяне мешают. В разбитых иллюминаторах торчат стволы автома-тов. Снежная пыль от винта вертолета, резкий скрежет мотора и уходящая вниз земля...

Глава исполнительной власти Ходжа-лы Эльман Мамедов — штатский чело-век, находился среди мирного населе-ния, когда вечером 25 февраля начался штурм. Он рассказывает, что в течение двух часов армяне стреляли из танков, БТР, забрасывали снарядами «ала-

...Эта пуля еще не твоя

Я улетел из Москвы розовым прозрачным днем, когда весна очистила горизонты и солнечный свет упал на город, рождая в душе состояние относительного покоя. Казалось, что вместе с зимней одеждой москвичи пытаются сбросить мрачное оце-пенение. То ли праздность робко затесалась в толпу, то ли беспечность, но на лицах людей появилась улыбка, долго-жданная за последнее время. И так не хотелось думать, что где-то на территории бывшего СССР идет настоящая война и в бой уходят танки и пушки, сея смерть некогда дружных между собой людей. Вспомнилось, как впервые увидел Баку с акватории моря. На рейде гулял ветер, скрипели мачты парохода, я вытер платком лицо и тотчас зажмурился от пронзительного света. Он исходил от величественных город-ских кварталов, полных огня и жизни, и не было сомнения, что это великолепное сияние вечно. Что приготовил отныне мне берег?

заны». Город был блокирован с трех сторон, осталось открытым только аскеранское направление.

— Мы знали, что этот коридор предназначен для выхода мирного населения, — говорит Эльман, — и оставшиеся в живых люди перебрались через реку с ледяной водой и уходили в сторону Кетийинской горы. По дороге в лесах многие обморозились и погибли. Наконец, 26 февраля в семь часов утра мы вышли на поле около армянского села Нахичевани. Здесь попали под шквальный огонь, началось массовое истребление безоружных жителей. Некоторые пошли в сторону села Гюлаблы и там были взяты армянами в заложники. Мне и семи моим товарищам повезло. Весь день мы провели в случайно найденном укрытии и только на следующее утро, когда пошел снег, добрались до Агдама.

Необходимость сомневаться — обязательный «рабочий инструмент» репортера. Да и специалисты в один голос утверждают, что видеокассета еще не документ. Можно привести десятки свидетельств очевидцев событий в Ходжалы, но вряд ли сейчас, когда известно, что конфликт в Нагорном Карабахе превратился в затянувшийся кровавый спор, имеет смысл тщательный подсчет потерь и с той и с другой стороны. Их слишком много. Идет война, гибнут люди, в том числе и мирные жители. Мне непонятно другое важное обстоятельство: нападение на Ходжалы не было внезапным, о том, что оно готовится, было хорошо известно в Баку. Знали здесь и об «аскеранском коридоре», оставленном армянской стороной для эвакуации мирного населения. Почему не удалось предотвратить трагедию? — вот вопрос, на который пока не удалось получить определенного ответа.

ХОТЯТ ЛИ РУССКИЕ ВОЙНЫ?

В Баку сейчас многие говорят, точнее, говорят все. Еще точнее, говорят о своей ненависти к армянам. Мне не всегда импонирует азербайджанская интонация в рассказах о бедах — она несколько плаксива, по-восточному многоречива и преследует явную цель — разжалобить собеседника. Но когда от увиденного и услышанного кровь стынет в жилах, а дрожащие пальцы роняют сигарету, то ничего, кроме острого чувства сопереживания, не ощущаешь. Ты видишь перед собой только несчастный народ, на голову которого обрушилась беда. Лично для меня самое страшное — что рядом с проклинаемыми армянами все чаще упоминаются проклинаемые русские. И, как ни горько на душе, основания для этого есть.

В памяти бакинцев еще не зажила кровавая рана, нанесенная жителям города войсками бывшей Советской Армии в январе 1990 года. Сейчас сброшена завеса с той злобющей политической интриги, развенчан идеологический штамп о якобы неизбежности подавления экстремизма, многое стало достоянием широкой общественности. Независимые эксперты с документальной точностью установили факты расстрелов людей в упор с особой жестокостью, умышленные наезды танков и БТР на легковые машины, обстрелы больниц, машин «скорой помощи», мародерства, грабежей квартир и граждан, оскорбления и унижения человеческого достоинства.

Увы, история повторяется. Здесь сейчас широко распространено мнение, что личный состав 366-го гвардейского мотострелкового полка сыграл в подготовке и проведении ходжалинской операции далеко не последнюю роль. Говорят о том, что в части регулярно распродавались оружие и воинское имущество. За деньги вооружались армяне, а азербайджанские боевики, а некоторые офицеры выступали в качестве советников и консультантов. Говорят, что практиковался своеобразный прокат, когда оружие с вечера попадало в руки одной из сторон, а утром

возвращалось обратно в часть. Не знаю... Возможно, все это домыслы. Возможно, все это касается узкого круга лиц, вставших на преступный путь. Установить с абсолютной точностью, так ли это было на самом деле, невозможно, тем более что военные умеют хранить свои тайны. Но то, что полк выведен в Грузию и там расформирован, — это факт. Вряд ли подобную меру в отношении воинского соединения следует считать знаком отличия за доблесть и героизм.

— Авторитет армии у населения катастрофически падает, — с горечью рассказывал мне генерал-майор Владимир Васильевич Тимошенко. (В свое время приказом министра обороны он был откомандирован для работы в Верховном Совете Азербайджана, сейчас член Национального комитета республики.) — Удивляет политика как российского правительства, так и командования Объединенными вооруженными силами, — продолжает генерал. — Большая армия на острие национального конфликта — это запланированные преступления. Каждый неверный шаг военных воспринимается местным населением как покушение на его свободу и независимость. В результате около 500 тысяч русских, проживающих в Азербайджане, становятся заложниками необдуманных действий Центра.

Русские войны не хотят. Но, став не по своей воле приводным механизмом чужой войны, ее материалом, они попадают в сатанинскую межнациональную карусель. Война без праведной цели развращает личность человека в погонах, стирает в его сознании элементарные нравственные ориентиры, толкает в пропасть жестокости и безумия. Так было в Афганистане, так было в Тбилиси и Баку... Так в Карабахе.

НАВЯЗАННЫЙ СТЕРЕОТИП

Помнится, лет десять назад знаковый журналист шутил: побывав в городе, названном в честь знаменитого азербайджанского портвейна. Сегодня Агдаму не до шуток. Фронтальной город затаился, сжался, как пружина, оцепенел «ежами» противотанковых заграждений. Утром, когда мы ехали из Евлаха, навстречу сплошным потоком шли грузовые и легковые машины, нагруженные наскоро собранным домашним скарбом. Агдам покидают беженцы. В тот день наблюдалось относительное затишье — планировался обмен пленными и заложниками, но следы страшного разрушительного огня, который обрушился на Агдам в полдень 12 марта, повсюду. Я видел снесенную крышу на здании средней школы № 1, полностью сгоревший торговый пассаж, поврежденную снарядом двухэтажную городскую столовую. Повсюду вместо оконных рам — листы железа. Всего в результате ракетного обстрела, по предварительным данным, разрушено около ста зданий. А ведь Агдам находится за границей Нагорно-Карабахской области, на, так сказать, чистой территории Азербайджана.

В бакинских кабинетах и коридорах власти любят ссылаться на якобы особую роль коррумпированного армянского лобби в центральных государственных и информационных органах, проводящего планомерную работу по дискредитации азербайджанского народа в глазах народов СНГ и мировой общественности. У меня решительно нет никаких данных, чтобы согласиться с этой версией или ее опровергнуть. Но если призвать на помощь свой личный опыт, могу дать, конечно, субъективную оценку — в плане пропаганды национальных идей гибкая и целеустремленная армянская сторона более преуспела. Но имеем ли мы право отдавать свои симпатии армянам или азербайджанцам?

Общество, в котором все дозволено, но которое еще далеко не осознало, что можно, а от чего следовало бы решительно воздержаться, сегодня крикливо политизировано. Политика стала доступна, как массивный парто-

кратический лоб для звонкого демократического щелчка. С политикой перестали церемониться. Трибуны парламентов и страницы газет захлестывает многоголосая политическая говорильня. А когда говорят все разом, чтобы быть услышанным, надо крикнуть громче. И кричат. Совсем плохо, когда кричат, подкашивая решение национальных вопросов.

Могут в определенной степени понять некоторых наиболее экспансивных армянских или азербайджанских патриотов, заикнувшихся на национальном интересе. Дело вроде бы привычное — у себя дома такие тоже есть. Не могу понять и оправдать своих земляков и землячек, благополучно проживающих в Москве, выезжающих в Ереван лишь, скажем, на сессию Верховного Совета и тем не менее безапелляционно берущих на себя роль третейского судьи в столь запутанном и архисложном споре. Третий здесь не просто лишний — он преступно лишний. Даже если подобное суждение может принести какие-то политические дивиденды.

Сегодняшний Азербайджан — сплошная кроваво-жадная рана. Я был в бакинских больницах, видел искалеченных стариков, женщин, детей. У каждого из них погиб кто-то близкий, физические страдания усугубляют душевные. Есть вещи выше человеческого понимания, хотя и к ним можно привыкнуть. Но вот картина, которая стоит у меня в глазах по сей миг. Шестилетняя девочка замерзла в окрестностях Ходжалы. Когда ее положили на больничную койку, температура тела составляла лишь 30 градусов. Никто не знает, выживет она или нет. На ее миловидном личике застыла гримаса страшного мучения, будто вся боль мира сошла на этого несчастного ребенка. Если бы увидели глаза девочки наши российские горе-вещуны. Может быть, тогда внутренний голос им подсказал бы: уgomонитесь!

В КАБИНЕТАХ ВЛАСТИ

Агдамские казармы — передовая фронта. В полуподвале много усталых людей в защитного цвета форме. Они пьют чай, смотрят телевизор, некоторые спят. Временное затишье... В отделении кабинеты на стене — портрет Атаюрка, что буквально переводится, как «отец турок». Это знаменитый Мустафа Кемаль — первый президент Турецкой республики, яростный сторонник укрепления национальной независимости и суверенитета страны. Кстати, в свое время Кемаль горячо поддерживал установление дружественных отношений с бывшим СССР. Под портретом сидит Тахмасиф — лидер Агдамского отделения Народного Фронта Азербайджана, журналист по профессии, редактор газеты «Ана Торпаг» («Родная земля»). Тахмасиф рассказывает, что отделение НФА насчитывает 2750 человек. Это врачи, учителя, журналисты, рабочие, крестьяне, служащие учреждений. Сегодня все они с оружием в руках.

— Напрасно армяне думают, что им удастся взять Агдам, — говорит он, — мы эвакуировали свои семьи и теперь будем стоять насмерть. Если погибнем, весь азербайджанский народ будет помогать нашим родным и близким. Назад пути нет.

«Назад пути нет» — прокручивая в голове эту фразу, ибо в сотнях километров от Агдама, в Баку, я слышал, что вопроса о политическом решении конфликта вообще не существует. Заместитель Председателя Верховного Совета Тамерлан Караев сказал прямо: «Если на короткий срок удастся прекратить огонь — это будет результат давления на руководителей Армении со стороны мирового сообщества. Больше нам поддержки ожидать неоткуда. Позиция российского Центра, пытающегося сохранить империю, настолько прозрачна, что о ней и говорить уже скучно. Он помогает нам не будет, а оружие у нас нет. Да нам и не нужна помощь русских. Азербайджан — нейтральное

государство, равноправный член ООН и ни с кем не хочет вступать в военный союз».

Некоторые бакинские стратеги уверенно прогнозируют широкомасштабное наступление армян на северном казакском, южном кубатлинском направлениях и непосредственно через Нагорный Карабах. После завершения боев (если они завершатся в обозримый период времени) граница между республиками пройдет значительно восточнее. А это значит: появятся сотни тысяч новых беженцев, новые жертвы будут брошены на алтарь распри. Зато все воочью наконец-то убедятся, кто истинный агрессор, а кто борется за свободу. Странный метод доказательства своей правоты.

Еще свежи в памяти драматические события, сопровождавшие работу чрезвычайной сессии Верховного Совета, на которой оппозиция решительно потребовала отставки первого президента республики Аяза Муталибова. В течение двух дней заседание проходило под аккомпанемент митинга, развернувшегося прямо у здания парламента. В самый напряженный момент казалось, что на площади произойдет бойня, ибо для разгона участников митинга сюда стягивались верные президенту вооруженные неформальные группировки и войска 4-й армии Объединенных вооруженных сил СНГ. К счастью, кровопролития удалось избежать. Но президент, обвиненный в предательстве национальных интересов, не сумевший защитить свой народ и допустивший трагедию в Ходжалы, ушел. Все полномочия до новых выборов в соответствии с конституцией сессия передала новому Председателю ВС Ягубу Мамедову, а премьер-министру Гасану Гасанову поручила сформировать коалиционное правительство. И тем не менее ожидаемой разрядки напряжения не получилось.

Внешне спокойный Баку кипит изнутри. Обстановка, готовая к взрыву. Руководители республики не торопятся открывать все секреты в беседах с приезжими журналистами, но на кое-что проливается свет. Во всяком случае, в интервью корреспонденту Азербайджанского телевидения Я. Мамедову откровенно заявил, что ему хорошо известны те, на чей совети ходжалинская трагедия. Речь шла не об армянской стороне. «Как же могло произойти, что Ходжалы четыре месяца находился в блокаде, четыре месяца там не было муки, а азербайджанский народ не протянул ему руку помощи? Почему не были вовремя выведены из окружения женщины и дети? Кто преднамеренно выдал в руки этим дикарям наших матерей и сестер, наших детей?.. Кровь ходжалинских жертв не останется непрощенной».

Подобные заявления, а также постоянные недвусмысленные намеки на внутренних врагов, занимающих ведущие позиции на самом верш, позволяют сделать предположение, что республика на пороге новых непредсказуемых событий. Похоже, разыгрывается и русская карта. В почтовых ящиках русское население находит открытки с призывом убираться вон, а азербайджанское — с обращением «помочь» русским побыстрее это желание осуществить. Хотя официальные власти все время призывают не обращать внимания на провокации. Возможно, силы, спланировавшие ходжалинскую акцию, что явилось поводом для смены президента, попробуют вывести на сцену новую сильную фигуру, которая не только раздаст министерские портфели нужным людям, но и подавит социальный взрыв, найдет какие-то точки опоры в карабахской проблеме, железной рукой наведет порядок, получив в итоге доверие народа. Кто будет этой фигурой — сказать трудно. Но претенденты есть. Не исключено, что серьезно может рассматриваться кандидатура Гейдара Алиева, следящего сейчас за событиями из Нахичевани. Хотя возможны и другие варианты.

Что касается отношения азербайджанского народа к русскому населению, то, по-моему, оно традиционно и однозначно — благожелательное. Может быть, если бы я искал здесь врагов, то я бы их нашел. Но я их не искал, а друзья находились сами.

Во всяком случае, за время моей командировки в Баку, Евлахе, Мингечауре и Агдаме я не почувствовал ни одного неприязненного взгляда за своей спиной, не услышал ни одного оскорбительного слова в свой адрес. Думаю, что поспорить нас будет достаточно трудно.

ЧТО ДЕНЬ ГРЯДУЩИЙ...

Пока в Баку спорят, Тахмасиф из Агдама воюет. Он искренне считает, что во время войны нельзя бороться за власть. Отделение НФА приостановило все политические действия, объявив в своих рядах чрезвычайное положение. Бесхитростный Тахмасиф и его боевые соратники, наверное, немало бы удивились, узнав, что по улицам Баку по-прежнему бесцельно слоняются толпы молодых людей, которые убивают время в весенних скверах и у игровых автоматов, он был бы озадачен тем обстоятельством, что во многих городах и районах республики каждый занят своим делом, бойко идет торговля и процветает спекуляция, а привычный на войне закон «Все для фронта, все для победы» для многих жителей — пустой звук.

Заботы Тахмасифа по-военному будничны. Сегодня, например, должны привезти вымененных заложников и пленных. «Живых?» — спрашиваю я. «Порозному бывает»...

Самое интересное, что в этом человеке я не почувствовал дикого, необузданного, какого-то иступленного ожесточения, которое здесь наблюдается у многих. Он и о противодействующей стороне говорит как-то мягко, примирительно. «Есть у нас свой друг армянин, он говорит, что многие армяне не хотят больше воевать, надоело. Если бы в наши дела не лезли высокие азербайджанские и армянские начальники, да и русские не совали свой нос, мы быстрее бы договорились».

...Это был небритый мужик с косым шрамом на левой щеке. Он сидел на корточках, как любят сидеть азербайджанцы, у кирпичной стены полуразрушенного дома в Агдаме и курил сигарету «Конгрессмен». Рядом в такой же позе дремал его товарищ, облокотившись на зажатый между ног автомат.

— У русских все хорошо? — спросил меня небритый.

Я несколько удивился философской широте вопроса и ответил:

— У русских не все хорошо.

— Вот, вот, — встрепенулся философ, — будет еще хуже. Армяне за все ответят, но и вы скоро будете стрелять друг в друга. Сначала отделится Татарстан, потом башкиры, затем кто-нибудь еще.

Его товарищ открыл глаза и, как-то натянуто улыбаясь, процедил:

— Все виноваты и всех ждет ад, который нам пришлось испытать.

Я пожал плечами и хотел уходить. В этот момент за сквериком с чахлой растительностью в направлении железнодорожного вокзала раздался характерный дробный звук автоматной очереди. Очевидно, уловив в моих глазах тень испуга, улыбочивый покровительственно буркнул:

— Не бойся. Если ты слышишь выстрел, то эта пуля уже не твоя.

— Еще не твоя, — мрачно поправил его небритый.

Баку — Евлах — Агдам

Константин СМЕРНОВ,
Энрико САРЗИНИ (фото)
специальные
корреспонденты «Огонька»

СТРАХ

всего человек двадцать пять.

Хохотали американцы, что-то кричали друг дружке англичане, мой фотограф — итальянец из Парижа — болтал с невесть как заблудшей сюда швейцаркой, кто-то совал мне пластинку чунгама, а мне было страшно. Мне было до одури страшно, и я только старался, чтобы никто не заметил этого по моему лицу. Я мечтал, чтобы самолет не зашелся, хотя он уже рулил по взлетной полосе, чтобы сейчас, вот сию минуту, кончился керосин, чтобы на трассу мгновенно навалилась страшная гроза, снежный буран, самум, чтобы летчика вдруг свалил мгновенный паралич.

Но пилот, видно, чувствовал себя отлично, и самолет под его уверенными руками уже мчал к порогу полосы, чудесная погода с весенним юным солнцем летела за стеклышком иллюминатора, и вдоволь было керосину. Мы взлетели, и мой страх взлетел со мной, чтобы уже не расставаться до возвращения. Я взглянул на часы. Было 10 часов 20 минут.

Самолет взял курс на Степанакерт. Мы летели на войну.

* * *

Никогда я не был на войне. Никогда в меня не стреляли из пистолета или автомата, не палили по мне из пулемета или пушки. Только в раннем детстве вид оружия вызывал у меня в душе какие-то сладкие отзвуки; чем взрослее я становился, тем омерзительнее казалось мне любое оружие.

И вот едва мы вышли из самолета, как расположившаяся примерно в полукилометре от нас покатающая сопка вдруг вспухла серым нарывом, и нашу разноцветную компанию тут же накрыл грохот близкого разрыва. За ним — следующий, и еще, еще...

— Из Агдама бьет... Артиллерия... — прищурившись, произнес бородатый па-

рень в характерной полувоенной форме с АК наперевес. Был он худ и невысок ростом, и армейский ремень, застегнутый на последнюю дырку, все же изрядно провисал, придавая его фигуре некую анархическую развязность.

Обстрел тем временем продолжался, и нас быстро погрузили в кузов большого грузовика, извинившись за транспорт (бензин в Карабахе на вес золота), и мы двинулись в Степанакерт.

По пути мы завернули в поселок Ходжалы, название которого, естественно, было у всех на слуху — за две недели до нашего приезда армяне захватили его. При этом, по сообщению азербайджанской стороны, были зверски убиты сотни мирных жителей — женщины, дети и старики.

Мы проехали по его улицам, но, странное дело, при взгляде на этот необитаемый поселок я не почувствовал в тот момент ощущения недавней трагедии, хотя обладал всей информацией о происшедшем. Здесь было много недостроенных домов, замершие башенные краны, что производило впечатление привычного долгостроя. В последнее время здесь велось интенсивное жилищное строительство — армянская сторона объясняет это стремлением Баку колонизировать эту местность. Однако же при ясном солнечном свете Ходжалы выглядел вполне мирно, словно люди еще не заселили его. Подобные зрелища мне доводилось неоднократно видеть на просторах бывшей родины.

Вскоре мы въехали в Степанакерт и снова я не ощутил ожидаемого потрясения — по улицам ходили люди, кое-где играли детишки, что создавало вполне мирную картину, далекую от характера сводок, поступающих отсюда. Бесспорно, признаки войны виднелись повсюду. Выбитые стекла витрин и квартир, черные зализы пожаров на

стенах домов, провалы от снарядных попаданий — все это мелькало по сторонам, опять же напоминая привычную картину нашей мирной разрухи.

И, пожалуй, только одна примета неизменно сопровождала пробегающую мимо панораму — все тот же страх, усиленный неодолимым, паскудным чувством постоянной опасности, грозящей неизвестно откуда, неизвестно когда. Ощущение это появилось в аэропорту в момент обстрела, и, замечу, быстро стало привычным — вероятно, ожидание смерти в определенных экстраординарных обстоятельствах становится вполне бытовым. Впоследствии я убедился в этом не только на собственном небогатом опыте — большинство людей здесь, в Карабахе, испытывают те же чувства, но будничность лишает их остроты, ведь обстрелы армянских поселений — это повседневность.

Впрочем, уверен, азербайджанское население Карабаха и ближайшего приграничья — в том же положении. Ибо активная артиллерийская дуэль ведется теперь обеими сторонами с применением всего доступного на сегодняшний день арсенала.

Вскоре из Степанакерта мы отправились в сторону Аскерана, откуда то и дело доносились отзвуки перестрелки.

Однако до Аскерана мы не доехали, поскольку по пути встретили БТР, броню которого облепили вооруженные бородатые парни — боевики здешнего отряда явно отправлялись «на дело». Оказалось, что противоборствующая сторона несколько дней назад захватила село в горах, армянам удалось в результате выбить азербайджанцев оттуда, но в старой грегорианской церкви у вершины засела упорная кучка боевиков азербайджанской народной армии — люди на БТРе отправлялись освобождать церковь. Сколько азербайджанцев оставалось в церквушке — никто не знал, однако отряд уже потерял вчера двоих, пытаясь завладеть церковью, выкуривая засевших там всеми возможными способами — от слезоточивого газа до гранат, что, впрочем, никакого эффекта не дало. Само собой, мы двинулись следом.

Увы, до места действия мы так и не добрались — машина наша застряла на склоне горы в мокрой глине, и БТР исчез из поля зрения. Тем не менее истории этой суждено было сделаться достоянием гласности, ибо ни в этот день, ни на следующий армянским боевикам не удалось овладеть церковкой. Только с третьей попытки они вернули храм со старинным кладбищем, угловив сдать единственного оставшегося в живых захватчика. Это был молодой парнишка, черный от дыма, прошедший пять дней без воды и питья под водруженным над церковкой зеленым знаменем. Вот на фотографии парень несет его в окружении армянских боевиков. Вглядитесь в его лицо: сколько страха в его безумных глазах, куда ведут его, что будет с ним... Его вели мимо трупов его товарищей, сложивших здесь головы, а внизу, под горой, виднелась родина — Азербайджан.

Где сейчас находится этот пленный — неизвестно. Может быть, он в степакаертском изоляторе, а может быть, из пленного он превратился в заложника — уникальное явление, чрезвычайно распространенное в Карабахе. Добавлю: явление чудовищное по скрытому в нем смыслу.

Рассказывают, что в пору правления здесь азербайджанских властей местные органы и военная комендатура сплошь и рядом арестовывали лиц армянской национальности под разными предлогами вроде нарушения паспортного режима или комендантского часа. Арестованных, как правило, отправляли в тюрьмы Шуши, Гянджа или в Баку, где часть из них остается и поныне.

Теперь же, когда Нагорный Карабах более не контролируется азербайджанским правительством, родственники или друзья арестованных пускаются во все тяжкие, чтобы любым способом

«добыть» азербайджанца. Во многих случаях это удается, и тогда захваченный заложник — независимо от пола и возраста — поступает в распоряжение захватившего его человека. Заложник живет в его семье, его кормят, а тем временем по известным каналам на ту сторону уходит предложение об обмене, скажем, Расима на Ованеса, или Фатимы на Гранта. Поговаривают, впрочем, и о том, что можно обменять в крайнем случае труп — если не на человека, то уж на канистру бензина...

Недалеко от Степанакерта в селе живет в армянской семье женщина-азербайджанка с двумя детьми. Дети играют вместе с детьми хозяев, они едят за одним столом, спят на соседних кроватях, а в это время ее муж, оставшийся в Азербайджане, пытается «раздобыть» армянских заложников, чтобы выменять свою семью...

На исходе пятницы я снова попал в Ходжалы. Трое подвыпивших боевиков, попутно захвативших меня из Аскерана в Степанакерт, остановились у края дороги, шедшей через пустое село. Мы вышли из какого-то странного гибрида грузовика с автобусом, к которому зачем-то была привязана квасная бочка на колесах, и двинулись по раскисшей земле к темным пятнам домов. И только тут я вдруг с пронзительной горечью осознал, что ступаю по земле, где свершилась трагедия, где еще недавно жили люди: на земле валялся открытый холодильник с простреленной дверцей. В дырку от пули зачем-то была вставлена ножка детского стульчика с проломленной спинкой. Спускались сумерки.

Эти трое, по их словам, участвовали в штурме Ходжалы, но я не стал допытываться о деталях. Кого обвинять в этом великом несчастье? Мест застит глаза: Ходжалы был захвачен в годовщину Сумгаитской резни... Теперь один из моих спутников приехал сюда, чтобы пометить дом, который он намеревался занять. Дом, впрочем, новый, не совсем достроенный. Но я на минуту представил себе его будущую жизнь здесь, где он две недели назад орудовал автоматом. Мне стало страшно...

На радостях они стали палить в воздух из пистолета, а потом и из автомата, хотя, насколько мне было известно, стороны заключили соглашение о прекращении огня. И я вдруг подумал, что кое-кто, возможно, вовсе не горит желанием прекратить эту бессмысленную войну. Для многих она стала не только единственной возможностью выдвинуться, обменять жизнь, в которой нужно работать и добывать хлеб в поте лица своего, на авантюрное, хотя и опасное, существование. Как известно, на горе можно составить серьезный капитал и некоторые давно поняли это. Причем в равной степени это касается обеих сторон конфликта, ибо процент хороших и дурных людей в любой нации постоянен.

Слов нет, большинство из тех, кто сражается здесь, свято верят в свою миссию защитников родины. Но когда об этом говорит сильно выпивший человек с автоматом — мне не по себе, ибо святые вещи спяну не делаются. Да и не только водка здесь правит бал...

Вечером я возвращался на ночлег по пустому Степанакерту. Пожалуй, в моей жизни не было более сильного ощущения — мертвый необитаемый город, что-то вроде Зоны в знаменитом «Сталкере». Только изредка пробредет человек с тачкой, где катится бидон — с водой в городе тяжело. И только желтоватые сплохи огня чуть освещают из подвальных отдушин — люди переселились в подвалы.

За четыре прошедших дня я был под обстрелом «Града», бил в мою сторону крупнокалиберный пулемет, я видел трупы и людей, готовых на убийство. Но все же самым сильным потрясением был для меня этот город, лишенный жизни.

Спаси их, Господи...

Степанакерт — Москва

Левон Тер-Петросян: «ГЛАВНОЕ — ДОБИТЬСЯ МИРА»

Г. ЖУКОВЕЦ,
Г. МАРТИРОСЯН,
специальные
корреспонденты
«Огонька»

Президент мягко улыбнулся, выслушав наш первый вопрос, давая понять, что для ответа он не из самых легких и прогнозы не его стихия. Но мы настойчиво ждали ответа. Вопрос был задан, и прозвучал он так:

— В народе вы снискали репутацию искреннего и трезвого политика. Нам хотелось бы из ваших уст услышать прогноз относительно того, как может развиваться конфликт в Нагорном Карабахе и вокруг него?

— У меня сложилось стойкое убеждение, что если бы не было Карабахского конфликта, то в республике по большому счету не было бы проблем. Армения — компактная, малозатраченная республика со сплоченным народом, добившимся независимости.

Казалось бы, у нас есть все, чтобы преобразовать экономику, налаживать внешнеполитические связи и нормально строить нашу жизнь. Но вот Карабах смещал все карты. А после того, как Армения и Азербайджан приобрели независимость, эта проблема автоматически стала интернациональной. Так что нам нужно подчиниться правилам новой игры — международной. Я могу вас заверить, что мы соблюдаем правила этой игры. Это дает и определенные перспективы в урегулировании Карабахского конфликта, потому что мировое сообщество, до тех пор пока существовал Советский Союз, считало эту проблему внутренним делом СССР и никак не вмешивалось. Сейчас же оно как-будто почувствовало свою ответственность, свою обязанность вмешаться в урегулирование этого конфликта. Думаю, что теперь есть определенные перспективы для создания механизмов, обеспечивающих безопасность мирного населения, гарантированных международным правом, которые дадут возможность начать конструктивные переговоры между конфликтующими сторонами.

Эта возможность есть, и она, к счастью, претворяется в жизнь. Очень серьезно занимается Карабахским конфликтом БСЕ. В этом направлении прикладывают значительные усилия Франция, США, Иран. Опыт посреднической миссии Ирана, в частности, доказал, что возможно добиться временного перемирия, прекращения огня.

— Какие миротворческие модели вам более близки: иранская, американская, французская?..

— Я бы не выделял тот или иной план, предложенный отдельными странами. В любом случае ни один из вариантов невозможно осуществить без уси-

лий других стран. В каждом плане мирного урегулирования есть рациональные предложения. Сейчас, по моему, происходит некоторое раздробление усилий. Необходимо собрать воедино все предложения вместе.

Наш же план таков: прекращение огня и создание механизма контроля за соблюдением прекращения огня. Этот механизм — международные наблюдатели. Это первый этап.

Второй этап — создание системы гарантий для безопасности населения Нагорного Карабаха. Сейчас единственная система безопасности — самооборона, другой пока не существует. В этом и заключается опасность, потому что эта система означает войну. Мы за прекращение огня, за установление мира, но долгожданный мир придет тогда, когда система самообороны будет заменена другой, более надежной системой гарантий мира на этой земле.

— Но возможно ли решить эти проблемы путем переговоров только между Азербайджаном и Арменией?

— Такая постановка вопроса была ошибочной с самого начала конфликта. Мировое сообщество уже признает, что Карабах — это самостоятельный политический фактор. Так что договариваться о чем-то, не учитывая мнения Нагорного Карабаха, значит с самого начала сорвать результаты этих договоренностей. Нагорный Карабах по мирному урегулированию конфликта должен быть представлен как равноправный субъект.

**ЕСЛИ БЫ
НЕ БЫЛО
КАРАБАХСКОГО
КОНФЛИКТА, ТО
В РЕСПУБЛИКЕ
ПО БОЛЬШОМУ
СЧЕТУ
НЕ БЫЛО БЫ
ПРОБЛЕМ.**

В последней резолюции СБСЕ это признано.

— То есть, по сути, это уже означает трехсторонние переговоры между Арменией, Азербайджаном и Нагорным Карабахом?

— Трехсторонние, или многосторонние. И это уже определенное достижение. Вот почему я сейчас более оптимистично подхожу к разрешению этой проблемы. Есть уже четкие механизмы, через которые мы можем добиться мира в нашем регионе. Главное — добиться мира. А что же касается статуса Нагорного Карабаха, его дальнейшей судьбы, — все это уже предмет переговоров.

— Какова может быть роль России в урегулировании конфликта?

— Это сложный вопрос. У меня есть своя точка зрения на него. Россия так занята своими внутренними проблемами, что это не позволяет ей осуществлять долгосрочную политику в нашем регионе. Но рано или поздно внутренние проблемы России будут решены, и она вернется к своим стратегическим интересам.

Россия вернется, но вернется в сферу культурного, экономического влияния. Россия не позволит, чтобы образовавшийся вакуум заполнили другие. Сейчас же Россия старается часть ответственности возложить на международные организации. В этом, думаю, надо даже приветствовать ее усилия. Ведь в значительной степени благодаря ей удалось привлечь внимание международной общественности к Карабахской проблеме.

То есть Россия не отказалась от решения Карабахской проблемы, а отказалась от того, чтобы решать ее единолично. Я думаю, это более эффективно, чем, например, отдельно взятая посредническая миссия Назарбаева — Ельцина.

— Есть ли в Армении оппозиционные силы, которые считают, что разрешить конфликт нужно другим путем?

— Есть. И я больше всего опасаясь политической демагогии. Как это ни парадоксально, я даже готов согласиться, чтобы к власти пришли коммунисты, нежели ее захватили бы политические авантюристы, какие бы силы они не представляли.

У оппозиции не одна карта против нас, а несколько. Это — наши трудности в Карабахе, в зоне землетрясения, беженцы, разваливающаяся экономика, блокада... Сколько у нас трудностей — столько у них карт. Но мы решили бы все проблемы гораздо эффективнее, если бы был преодолен Карабахский кризис.

— И вы в этом вопросе оптимист?

— Пессимизм, который ничего не имеет общего с осмотрительностью, в политике приносит вред, приводит к отчаянию, которое не помогает разрешить проблему. Я же иду от жизни.

Ереван — Москва

Р. С. Находясь в Баку, корреспондент «Огонька» попросил экс-президента Азербайджана А. Муталибова прокомментировать последние события, происшедшие в Нагорном Карабахе и вокруг него. К сожалению, бывший глава республики дать интервью отказался.

■ Не могу взять в толк, почему столько все средства нашей российской информации: бедные мы, бедные, голодные мы, голодные, несчастная Россия, обездоленные люди, нищие старухи! Послушаешь всех, призывающих потуже затягивать пояса — и станешь как-то неловко за себя: я-то, семидесятилетняя бабка, живу себе. Затем, прикинув и взвесив все, начинаю понимать, что эти ажи и охи неспроста и преследуют определенную цель...

В прошлом я преподавательница, ныне — пенсионерка. Когда была здорова, не чванилась, подрабатывала во вневедомственной охране, теперь, перенесла инсульт, инвалид II группы. Лыгот, естественно, никаких. Ни сберкнижки, ни дачи, ни погреба — все из магазина. И тем не менее концы с концами пока свожу, голодной смертью умирать не собираюсь. Жила бы совсем славно, да приходится содержать сорокалетнего сына, прожывающего со мной. Сын этот после принудительного лечения вот уже три года как бросил и пить, и... работать...

Поэтому не думаю, будто среди пенсионеров я самая зажиточная. Есть старички очень и очень имущие: с большими накоплениями, с машинами и дачами. Вот они-то, избалованные подачками государства, не понимая унизительности своего положения, все напоминают о своих заслугах, требуя дополнительных льгот. А я полагаю: нуждаются по-настоящему те, кто лишен способности передвигаться, прикован к койке, и за кем ухаживать некому.

Который уже год партократы всех мастей, и сейчас еще правящие бал, пугают нас голодом, холодом, мором! Подливая масла в огонь своими речами о безысходности России, они надеются, что народ не выдержит и кинется на штурм «Белого дома», на с таким трудом отвоеванную и еще хилую нашу демократию. Я ненавижу всех этих плакальчиков, оплакивающих еще живое тело России! Рыдающих над народом, до которого им, в сущности, нет дела!

Н. АНГАРСКАЯ

Дивногорск Красноярского края

■ Мне стыдно за свое поколение, не говоря уже о тех, кто старше меня. Сегодня опять по ТВ показывали митинг коммунистов на Манежной, что ли, площади. Сожмнутые ряды... плечом к плечу, каменные физиономии борцов-коммунистов, р-р-радетелей за наше, рабочих, светлое будущее. Не-е-т! Они, как французские короли, ничему не научились. Мне стыдно и мерзко глядеть на эти

ПОЧТА

разъяренные рты, вылезающие из орбит глаза... портреты генералиссимуса и, конечно, Ильич тут, дедушка Ленин... Да хоть бы скорее мы все, наше поколение, будь оно проклято, ушли в небытие и не путались под ногами. «До-о-о-лой!» — всю-то жизнь преследует меня это «До-о-о-лой!!!». Довели нас до нищеты, а страну до позора и все равно: «До-о-о-лой!» Господи! Когорта славных, мать вашу... Под танки ведь ползут с портретом Ленина над головой! Вот что такое коммунизм! Вот он! Оружие глотки, глаза без малейшей мысли, плечо вперед и-и-и... пошли, не глядя на то, что под ногами. Топчи! Переступай! Дави! Не оглядывайся... Впер-р-ред! Не поступимся, не-е-т...

Р. БЫЗОВ,
сплавщик с Вычегды
пос. Жешарт Усть-Вымского района,
Республика Коми

■ Сейчас я понимаю, какой надо быть душой, чтобы решиться в нашей стране родить ребенка и уж тем более взять ребенка из детского дома. Я одна из таких дур. Восемь лет назад я взяла на воспитание двух детей. Детки прекрасные, умненькие, красивенькие и очень ласковые. Я делаю для них все, что в моих силах, но и они уже на пределе. Чувствую, что с той «жизнью», которая сегодня, я не потяну. Мой нищенский оклад с частыми больничными и пособиями на детей заставили меня жить впроголодь. Дети болезненные, стоят на учете у кардиолога.

Я умею шить, могла бы брать заказы и зарабатывать еще какие-то деньги, но не имею возможности, так как давно решаю мой квартирный вопрос. Еще в 1990 году было принято решение о предоставлении мне квартиры, но уже 1992 год, а квартиры нет. Утешает только то, что есть люди, которые живут гораздо хуже. Стала появляться страшная мысль в голове — сдать детей назад, а самой все кончить.

Подскажите: у кого сегодня просить помощи? Помогите нам. Мне стыдно, что я попрошайничю. Простите.

В кругу моих знакомых никто не знает о том, что у меня приемные дети, поэтому прошу фамилии моей не называть.

Мой адрес есть в редакции.

Т. Г-К
Минск

■ Наши отношения к так называемой гуманитарной помощи разнообразно, а к помощи, исходящей из Германии, оно, как правило, наполняется горечью воспоминаний о минувшей

войне. Обзоры наших экономистов-аналитиков наполнены рассуждениями о том, что Германии эта помощь ничего не стоит и осуществляется за наш же счет от перепродажи российского газа.

Несмотря на то, что все мы находимся в плену политических и идеологических кампаний, общественных потрясений, жизнь обычного человека подчиняется нравственным законам. С проявлением нормальных человеческих чувств я столкнулся, когда группа туристов из Германии посетила Санкт-Петербург и Москву в канун праздника 8 Марта. Простые и добрые люди были хорошо информированы об извилистых путях проникновения официальной гуманитарной помощи на прилавки нашего уличного бизнеса и поставили перед собой цель: передать помощь «от сердца к сердцу, из рук в руки». Эта акция была организована фирмой «Акционаде Райзен» из Баден-Бадена по инициативе руководителя Ханни Ходулак. При этом сработали международные профессиональные контакты ученых-физиков. Выбор туристской фирмы «Акционаде Райзен» и сотрудников Фраунгоферовского института прикладной механики остановился на научном коллективе металлофизиков НТВП «Поверхность», с которыми у них имелись научные связи.

Рациональные туристы не делали каких-либо бессмысленных символических поступков, к которым мы так привыкли, они просто передали чутко подобранные вещи: детские игрушки, мыло, присыпки, кремы, ползунки, детское питание, фруктовые и молочные смеси, шоколад и другие мелочи, необходимые детям. Зам. главного врача детской городской клинической больницы № 1 Иван Семенович Луцилин помог передать подарки тяжелобольным детям «из рук в руки».

Так следует ли отводить руку дающего? Помощь, исходящая от доброго сердца тружеников, далеких от всяких расчетов и отрывающих часть своего личного дохода в пользу жителей другой страны, гуманна. Цель поступка — вселить в наших соотечественников уверенность в международной поддержке. Страх перед дестабилизацией обстановки в нашей стране, сулящей неисчислимы бедны нам и нашим соседям, оправдывает жест бывшего победителя. Скажем им спасибо и примем поддержку с легким сердцем.

О необходимости помощи вы можете сообщить в Германию по адресу: URLAUB AUF DEM BAUERNHOF E. V., FRIEDRICH STR. 41 D 7800 FREIBURG, GERMANY ELFRIEDE IRTOF

А. КОВАЛЕВ,
директор НТВП «Поверхность»

СУД ПОСТАНОВИЛ...

Свердловский районный народный суд г. Москвы обязал редакцию журнала «Огонек» опубликовать опровержение относительно некоторых сведений, содержащихся в статьях А. В. Рыскина.

Суд установил: в статье «Цена голубой крови» (№ 36 за 1988 г.) не соответствует действительности утверждение, что академик Ю. А. Овчинников почти с самого создания программы «Искусственная кровь» был против работ Белоярцева, и что ака-

демик А. П. Александров исключил фамилию Овчинникова из списка руководителей научно-технической программы, вследствие чего «случилась обида» и что «с этого дня и начались в Институте биофизики все беды»; неверно также, что академик Овчинников «не простил судьбе такую несправедливость», и «на протяжении нескольких лет все просьбы и предложения разработчиков «Перфторана» наталкивались на откровенный бойкот в лице

вице-президента АН СССР» и «постепенно перерастал этот бойкот в кампанию травли, инициаторы которой не брезговали никакими средствами от организации доносов и анонимок в следственные органы до распускания слухов».

В статье «Голубая кровь» — открытый «финал» (№ 12 за 1989 г.) не соответствует действительности, что «откровенный бойкот программы «Искусственная кровь» со стороны вице-президента АН СССР академика Ю. А. Овчинникова перерос в кампанию травли, развязанной против директора Института биофизики Г. Р. Иваницкого, где

Белоярцеву и его коллегам досталась роль заложников, приносимых в жертву личным амбициям вице-президента», что «работу фактически погубили».

В статье «Голубая кровь» — патент на джентльменство» (№ 22 за 1990 г.) не соответствует действительности, что «в трагической цепи событий существенную роль сыграл вице-президент АН СССР Ю. А. Овчинников», а также то, что он имел отношение к кампании травли разработчиков препарата, к действиям правоохранительных органов и КГБ, к самоубийству Белоярцева.

**Новая власть
повторяет
все ошибки
власти прежней:
она так же
надменно-пуглива,
как и в старые
горбачевские
времена.**

Куда или к кому ни придешь — по делам или так, погулять, — везде один и тот же вопрос:

— Ну, и чего будет?

Я отвечаю:

— Ничего не будет.

И глаза вопрошающего леденеют от разочарования.

Обывателю хочется событий.

Я употребляю слово «обыватель» в далевском смысле: человек, «поселенный прочно..., житель на месте...».

Здесь необходимо небольшое отступление. 74 с лишним года тому назад в России произошла революция буревестников. Романтически настроенные люди, оторванные от земли, от домов, пренебрегшие семьей и не увидевшие и не познавшие вкуса медленной, неторопливой жизни, люди, утомленные ожиданием порядка и изможденные собственной неустroенностью, рискнули поддаться соблазну и, навалившись плечами, потщились упорядочить свою жизнь по простому и безусловно-красивому образцу.

И вот именно этот романтизм, восторженный романтизм девственной институтки, обрек Россию на десятилетия большевистского эксперимента.

В августе прошлого года соблазн стреножить жизнь превозмог холодную рассудочность политиков, и хранители «веры отцов» скатились до фельдфебельского приказа: «Остановись, мгновение!». В результате в России произошла новая революция: революция романтиков, уставших от романтизма.

Революция усталых ренегатов.

Усталый ренегат — это уже немножко обыватель, отставной полковник некогда победоносной армии, копающийся на садово-огородном участке. Он еще вспоминает мелодию горниста и бой барабанов; он еще помнит Аустерлиц и Бородино; он еще кричит во сне: «В атаку!» — и просыпается с гулко бьющимся сердцем. Все это так, но больше его уже волнует, какая вырастет картошка и клубника, уродятся ли яблоки и будет ли из чего постаревшей маркитантке, острой на язык мамаше Кураж, осенью варить варенье.

Но к вечеру им обоим, полковнику и маркитантке, хочется событий...

В самом деле: люди, привыкшие к тому, что в течение суток город должен быть взят, испытывают некоторое неудобство от того, что варенье следует варить осенью...

Теперь вернусь к теме данной статьи.

И повторяю еще раз: никаких особых событий в апреле я не жду, ибо, к великому удивлению многих, жизнь наша возвратилась, пожалуй, помимо чужой воли, к естественному течению. Люди, обретшие право существовать по своему образу и подобию, стали нормально-равнодушны.

— Да что же это такое он несет? — воскликнет читатель. — Безумец он или лжец? А митинги в феврале, в марте? А?..

То-то и оно, что митинги, по моему глубочайшему убеждению, возникли не сами по себе, не сообразно отчетливо осознаваемому недовольству толп и масс, а, напротив, как естественная реакция людей на ... страх и неуверенность, истощаемые новой властью.

Новая власть повторяет все прежние ошибки власти прежней: она также неуверенна в своей

законности и также надменно-пуглива, как и в старые горбачевские времена.

Горбачев по-имперски бряцал оружием в Вильнюсе и Риге, Ельцин чуть было не сыграл ту же музыку в Чечне; 28 марта 1991-го Горбачев наводил Москву войсками, 23 февраля года нынешнего Ельцин с Поповым — милицией; Горбачев взывал к памяти предков, намекал на возможные неприятности перед референдумами в Прибалтике, Ельцин — перед тем же в Татарии, — итог все тот же, прямо противоположный державным призывам.

Но если с Горбачевым было все понятно: во-первых, он намертво был связан с прежней, насильственно-романтической традицией власти, и, во-вторых, ему катастрофически не хватало легитимности, то с Ельциным на первый взгляд ничего не понятно.

Спрашивается, с какой стати всенародно избранный Президент так отчетливо подвержен гуденовской меланхолии? Ведь кровавого мальчика нет и не было! И никто вроде бы даже и не примеряет арестантский халат самозванства? Почему же так неуверенна законная власть?

Полагаю, что догадываюсь, «почему». Нынешняя российская власть искренне... **лукава**. Она не произнесла ни одного четкого ответа на самые насущные вопросы. Куда идет Россия? Какой будет Россия? И самый интимный вопрос: будет ли Россия великой?

Власть образца 1992-го унаследовала все внешние атрибуты прежней власти: «членовозы», роскошные кабинеты, хамоватую охрану, льготы и привилегии, дачи и спецбольницы — это было ладно, но и самое серьезное: невнятицу мысли.

Дурацкая идея доцента научного коммунизма о том, что Россия идет третий путь, идея, появившаяся на свет божий ранней весной 1991-го в преддверии III Съезда народных депутатов России, в те времена, когда нельзя еще было окончательно расправиться с ортодоксальным романтизмом и нельзя было открыто признать, что поклоняешься новым богам; так вот, эта идея и сегодня пытается определять политику властей.

Все кому не лень обхаживают народ — вместо того, чтобы внятно объяснить всю тщету поисков социальной гармонии **ныне**.

Все кому не лень взывают к свободному предпринимательству — вместо того, чтобы немедленно объявить амнистию осужденным по хозяйственным делам, амнистию с извинениями и со снятием судимости. Все кому не лень талдычат о борьбе с черным рынком и теневой экономикой — вместо того, чтобы признать их право на существование и успокоиться. Все кому не лень ищут отмываемые деньги — вместо того, чтобы дать этим деньгам возможность нормально работать.

Россия идет к капитализму, идет через весьма сжатый по времени и оттого сконцентрированный период первоначального накопления. И потому дайте возможность людям разбогатеть в досталь.

Россия идет к капитализму, а потому пощадите российского купца и промышленника и скостите ему налоги. Воздержитесь от немедленного грабежа, придет время — сам отдаст.

Миллионы, если не миллиарды, средств в конвертируемой валюте, принадлежащие российским гражданам, лежат на счетах в западных банках. Поклонитесь им, призовите их в Россию, дайте их владельцам все мыслимые и немыслимые гарантии, все необходимые льготы и преференции, и заставьте себя **сдерживать слово**. И тогда эти деньги придут в Россию сами, безо всяких гайдаровских угроз. Но нет, пугают...

Россия идет к капитализму, так востребуйте у предпринимательства его способность и его талант к самозащите: введите налоговые льготы на

образованные им социальные фонды.

И, Христом Богом, угомоните свой фискальный раж.

Какой будет Россия? Надеюсь, что чрезвычайно децентрализованной, с самыми различными типами связи периферии с центром. Не федерация с «республиками в составе», а Союз, **образованный** независимыми государствами, свободными землями и национально-культурными автономиями народов, не имеющих собственной территории. И эти три составные части (да простится мне невольный парафраз с марксизмом) будут обладать самыми широкими правами, кроме единственного: права на отделение. И не потому во-все, что я против демократии, но потому лишь, что всякое отделение неминуемо: а) обижает соседей и б) приводит к переделу границ, что чревато войнами.

Если новая российская власть осознает наконец, что народы не настроены слишком долго ждать доброй воли от империи, как бы она ни называлась, что никакие разговоры о демократизме новой России никого ни в чем не убедят, пока не будет изменен сам **механизм** образования государства; если новая власть: а) сформулирует и б) внятно проартикулирует свою готовность перестроить самую сущность государства, — то в таком случае у нее есть шансы, и немалые, привлечь на свою сторону миллионы людей.

И, наконец, третий вопрос: будет ли Россия великой? Это самый трудный вопрос, ибо ответ на него зависит от усилий каждого из нас, от того, что мы понимаем под величием, и удастся ли нам сговориться засучить во имя этого величия рукава.

Не единая и неделимая, не от моря и до моря, не устрашающая мир своими ракетами, своим бардаком и своей ненасытной и ленивой прорвой, а спокойная, рассудительная, работающая, радеющая о благоденствии всякого народа, ее образующего, — вот истинно великая **РОССИЯ**, ради которой можно и вкалывать.

Но это мои ответы на мною же поставленные вопросы. Власть же, напротив, предпочитает помалкивать, играть в теннис, купаться в проруби, пугаться время от времени и говорить всякие глупости. Власть пока что, к сожалению, оказывается и голосом слабже, и ростом ниже, и мыслями поплоче, чем те, кем она вознамерилась руководить. Власть озлоблена собою и оттого интригует, суется, похамливает — уж очень не хочется ей поспешать вон.

Стало быть, в апреле нас ожидает:

— смена правительства, причем не всего, а его руководства;

— продолжение экономической реформы Егора и его команды;

— сохранение полномочий Президента по формированию правительства;

— скучный и бездарный Съезд народных депутатов, который, возможно, и примет в первом чтении новую конституцию, — только для того, чтобы задвинуть ее в долгий ящик;

— и самое главное: нас ожидает огород и нас ожидает сад, и это лишний раз доказывает, что обыватель, даже и скучающий зимой без событий, по весне — все едино — забудет о своем любопытстве, потому как некогда станет бездельничать.

Как славно, как медленно течет эта река, которую все почему-то называют: Жизнь.

Лукавая власть

Колхоз —
дело
прошрое.
Сегодня
все
озабочены
другим:
что
завтра
будет?

— Мимо двора* стара-
ешься молча пробежать. Они человече-
ский голос услышат — начинают кри-
чать. Жалко. Как представишь, какие
они там страшные стоят: голодные, лох-
матые...

— Лохматые?
— Да. Коровы, когда худые, лохма-
ты становятся.

— Так что ж вы их не кормите?

— А знаете как: скотник пойдет та-
лоны на водку отоваривать, да и загу-
ляет на неделю. Это что. Вы бы про-
шлой зимой приехали. Когда у нас силь-
ный падеж был. Вот когда б вы мате-
риалу насобирали. На Озеречских дво-
рах по три коровы за ночь падало. Их
утром за ноги к леску оттащивали, так
медведи к самым домам, в деревню
заходили. А весной потеплело, дух
стоял...

Все это тоном веселого изумления:
«Ты гляди, что вытворяем?»

В Псковском областном управлении
сельского хозяйства колхоз имени Ка-
линина, что в деревне Загоска, значи-
лся как банкрот, преобразованный в две
ассоциации крестьянских хозяйств со
звучными названиями «Земля» и «Воз-
рождение» и одно малое предприятие,
названия пока не имеющее.

Казалось, жители в спешке бежали
из деревни, впопыхах разбросав, где ни
попадая, технику. Трактора, машины и их
отдельные составные элементы валя-
лись вдоль всей деревни, от дворов до
самой проезжей части рассекающей ее
дороги.

Безлюдье все же оказалось мнимым.
Контора была до отказа забита людьми.
В первый раз с ноября давали день-
ги.

— Двенадцать есть?
— Без четверти.
— Вот видите, какая у нас работа.
Полдня прошло — все здесь толкутся.
Навоз еще никто не возил. А в два часа
по домам пойдут. Если так будет про-
должаться и дальше, то к июню нам по-
настоящему конец придет, — говорит
мне бывший главный зоотехник хозяй-
ства Лема Магомедович Хатуев. Наш
разговор происходит все в той же кон-
торе, на следующий день.

Как ни хотелось бы мне обойти сторо-
ной щекотливый «национальный во-
прос», а из песни слова не выкинешь.
Прокатились по Псковщине прошлым
летом национальные волнения.

Сначала в соседнем с Порховским
(где Загоска) Невельском районе взбу-
товался народ против цыган. Повод —
бытовая драка. Подрались в ДК на тан-
цах. Цыган убил русского. Тут и припо-
нили его соплеменникам — и что спеку-
лируют они водкой да сигаретами, и что

* ферма (местное).

Трагедия русского крестьянства, еще недавно послушно вы-
шагивавшего под бодрый аккомпанемент коммунистических
маршей в светлое никуда и наконец-то дошагавшего до цели,
очевидна. Это общая боль. Но, оценивая страшные реалии
и прогнозируя будущее, мы не можем не заметить, что у людей
раскрываются глаза. Человек на земле начинает думать. Сего-
дня его горькая дума о том, как бы выжить; завтра, верим,
будет прикидывать, как жить по-человечески.

живут богато, что «сменили коней на
«Жигулей», а «молодежь одевается
в основном в импорт, не задумываясь
покупает дорогие вещи», как писала
районная газета. Произошел в Невеле
стихийный митинг, плавно перешедший
в цыганский погром. Цыгане тоже ока-
зались не из тех, кто подставляет вто-
рую щеку: начали отстреливаться. Го-
ворят, раскатывались над городом ав-
томатные и пулеметные очереди. Что-
бы навести порядок, пришлось вызы-
вать войска МВД из Пскова.

Три недели прошло — и то же, как
под копирку, в Порховском районе. На
этот раз с чеченцами. На прощальный
костер в пионерский лагерь «Салют»
пришли братья Акмурзаевы, арендато-
ры соседнего совхоза. Снова драка,
снова убийство, снова русского. Все
остальное — смотри выше. Только до
погрома дело не дошло. Зато состоя-
лась районная чрезвычайная сессия на-
родных депутатов. На нее в ДК собрался
народ со всего Порхова, если не
района, а то и области. А кто не попал
внутрь, те слушали на площади по го-
родскому громкоговорящему радио.
Можно представить себе температуру
этого народного веча.

На том форуме и вспомнили депута-
ты, что есть у них чеченец — председа-
тель прозябающего хозяйства, и пору-
чили начальнику районного сельхоз-
управления Алексею Прокофьевичу
Степанову «провести ревизию в колхозе
имени Калинина и поставить вопрос
о целесообразности пребывания И. К.
Бисаева на должности председателя».

Алексей Прокофьевич выполнил на-
каз, и в разгар сенозаготовки состоя-
лось то роковое собрание, на котором
выразили колхозники недоверие свое-
му председателю и главному зоотехни-
ку... Одним словом, тем, как писала
областная газета, «представителям од-
ного южного государства», «которые
последние годы тут вовсю «хозяйствова-
ли» и «личные интересы которых
значительно отличались от обществен-
ных».

Деревенская жизнь — сложный «бу-
кет» взаимных симпатий и антипатий,
затаенных обид и открытых конфронта-
ций.

И впрямь, случалось, обижал иногда
Иден Курбанович своих колхозников.
Только чаще я слышала такое:

— Идена у нас очень уважали. Он,
кто к нему ни обратится, всем помогал.
Что ни попроси, сделает. А для колхоза
сколько! Когда он приехал, вся Загоска
была — три дома деревянных (в февра-
ле насчитала я без малого полсотни).
Все эти дома он построил. Хозспо-
собом. А для облегчения труда что де-
лал!

Почему же тогда не вступились за
своего председателя, если уважали?

— Идена-то очень уважали. Но по-
том, смотрим, он братьев привез. Они
все тянуть стали, туда-сюда с ящиками
целыми ездить. Люди же все видят.
Если б он их сюда не привез...

Трудно разобраться заезжему кор-
респонденту в том, в чем не разо-
брались ни сами «калининцы», ни
ОБХСС и прочие многочисленные ко-
миссии, не сказавшие ни «да», ни «нет»
в ответ на вопрос: какие интересы
преобладали в деятельности Идена
Курбановича и его команды — личные
или общественные? Так и повисло на
них подозрение.

Может, и впрямь сбили с пути, втяну-
ли братья председателя в новомодную
«коммерческую» деятельность. А мо-
жет, просто сказались в людях обычная
в нашем народе нелюбовь к «богато-
му». Даже если его богатство нажива-
лось на глазах и в общем-то доступны-
ми всем другим средствами.

Недолюбливают же, например, глав-
ного зоотехника Лему Магомедовича
Хатуева. За то, что по богатству «всех
перекрыл». Дом, как склад. Четыре
дойных коровы, пять яловых. Овец дер-
жит от двадцати до полусотни голов.
Два коня. Но это уже не для хозяй-
ства — для души.

Однако колхоз — дело прошлое. Се-
годня все озабочены другим: что завтра
будет? Непривычно как-то, да и не ве-
рится, что отреклось от них государ-
ство. Что не будет теперь ни дотаций,
ни списания долгов. Что пришло-таки
время жить своим умом да трудом. Тут
призадумался...

Когда прогоняли Идена Курбановича,
голова особенно не болела. Подума-
ешь, председатель. Нового привезут.
Как Идена в свое время, в 1982 году.

И тут не ошиблись. В октябре доста-
вил-таки им Алексей Прокофьевич Сте-
панов нового «голову»: Егорова Леони-
да Валентиновича, инженера по сель-

хозмашинам из соседнего колхоза име-
ни Крупской. Двадцати семи лет от
роду. Русского, слава Богу, по нацио-
нальности.

И все-то в нем вроде обещало преж-
нюю жизнь. Тихий такой. Да вот, как
оказалось, не вышло у них с ним спо-
койной жизни. Не успели передохнуть,
Егоров бухнул: «Кто хочет, записывай-
тесь ко мне в ассоциацию. А колхозу
денег больше не будет. На работу мо-
жете не ходить». Сам же назавтра
в банк поехал и объявил, мол, банкро-
ты мы.

Ну, в ассоциацию, так в ассоциа-
цию — не один хрен? Всем почти миром
и записались. Принесли ему сто заявле-
ний, а Егоров возьми да и отбери толь-
ко половину. Пятьдесят человек взял.
В первую очередь тех, за кем техника
записана: шоферов, механизаторов.
Остальным: вот твой пай и до свидания,
может, используя на сезонных работах.

С выделением паев в Загоске не дол-
го мудрили. Посмотрели, кто сколько
получал в последние года два, помно-
жили на стаж работы. Пенсионерам по-
решили выдавать только «в денежном
выражении». Получилось тыщ по две-
надцать. И с рассрочкой в течение 10
лет, как в законе записано. А землю
уговорить в аренду сдать или вступить
пайщиками, за дивиденды.

Работавшим имущественный пай вы-
давали коровами. По новогодним рас-
ценкам (иначе и пенсионерам придется
пересчитывать — ужас!). По 1800 руб-
лей. Задаром, можно сказать. Отсюда
и произошла горькая пенсионерская
обида. Коровенок раздавали в первую
очередь поганеньких, и ехали они пря-
мым ходом на смерть, по 30 рублей за
килограмм «живого» веса. С одной по-
лучалось тыщ по 10—15. Как у пенсио-
неров. А тут кой-кому и по три головы
перепало. И деньги сразу. Не дожида-
ясь, пока растянувшиеся на 5—10 лет
доли сравняются (при нашей-то инфля-
ции) с ценой полбуханки хлеба.

Умные люди в Москве, которые сочи-
няют законы, указы, постановления,
поди, думали, что станет этот имуще-
ственный пай основой процветания еди-
ноличного крестьянского хозяйства.
А в повседневной практике получилось
другое: банальное и бессмысленное до-
разграбление поверженного колхоза.
Денежки ушли у кого на книжку, у кого
на кормежку. В Москве предполагают,
в Загоске располагают.

Как оправился малость народ от та-
кого разворота событий — как же так,
вчера бок о бок трудились, все вместе,
все общее, а теперь?.. — начала тут
складываться, помимо егоровской
«Земли», еще одна ассоциация. «Возро-
ждение». С Лемой Магомедовичем во
главе. Потом и бывший председатель,
Иден Курбанович, заявил о намерениях:
создает, мол, малое предприятие. На-
звания пока не имеющее.

Малая ЗЕМЛЯ или ВОЗРОЖДЕНИЕ?

К моему приезду было у Егорова 50 отобранных им членов да большая часть пенсионеров. Лема Магомедович наберёвал около 20 человек да 30 пенсионерских паев. Кое-кто примкнул к Идену Курбановичу, временно отсутствовавшему.

Сам собою встал вопрос о дальнейшем разделе имущества. «Эх, не подсуетилась администрация района своевременно объявить «Землю» правопреемницей колхоза», — сокрушался председатель Егоров. Тогда бы шиш обломился и Курбановичу, и Магомедовичу. А так приходится без конца вести переговоры, оговаривать «зоны влияния», неделимые фонды. Ни дать ни взять — СНГ в деревенском масштабе.

В дуновении разнонаправленных ветров колеблется, как осиновый лист, председатель Егоров. «Земляне» шипят: уступчив, пашет перед Лемой, «пронирой». Все тому мало. Трактор ему подавай! А Магомедович кипит: отдай, мое!

То отдаст Егоров, то передумает. Одному говорит одно, другому другое. Или одному и тому же, но сегодня одно, а завтра, быть может, и третье. Теряет веру народ. Конец февраля, а никто — ни отделенные тонкой стенкой в конторе председатели, ни рядовые ассоцииеры — не знает толком, что свое, что чужое, где граница, разделяющая их имущество. И пока сыр да бор, народ потихоньку — по привычке и на всякий случай — продолжает «тащить».

Это еще хорошо, Иден в отъезде, третий наследник скудного колхозного скарба. Поехал на родину — мать навещать, да и сгинул куда-то. По Загоске уже и слухи поползли: задержали его, мол, на таможне. Вез большую партию оружия. Да не оружия — водки! Не водки, не слушайте — сахару. Для самогонки. Одно слово — деревня!

Вроде бы круто начинал председатель Егоров. Да стал народ примечать за ним большие и малые промахи, вселяющие в растревоженные души недоверие:

— Он и на дворах-то, наверное, ни разу не был. Не знает, что там и как.

— К сею готовится пора. Уже мужики волнуются, а председатель команды не дает.

Привык народ к каждодневным начальственным ласке да окрику. В два месяца не перевоспитаешь.

С Лемой Магомедовичем идем по дороге вдоль деревни. У одного из хозяйских дворов урчит на холостом ходу трактор, утонув на три четверти передними колесами в глубокой, со льдом, луже.

— Вот видите, работнички. Они почему все к Егорову ринулись? Потому что знают, все как раньше будет.

Между тем стрелка невидимого барометра настроений в Загоске начинает все больше склоняться в его, Магомедовича, пользу. Нет, если уж вразумлять, как говорится, «полный хозрасчет», так лучше уж с таким, как он, «пронирой» — не пропадешь.

Однако же Егоров свою ассоциацию зарегистрировал 31 декабря прошлого, стало быть, года. А с нового началась у них новая жизнь. Уже и счет открыли, кредит взяли, аванс выдают.

А Лема Магомедович пока не оформился. Район, говорит, тормозит. Причина, как утверждает, не только подражывается, но и формулируется вербально: потому что «черномазый».

Чтобы не растерять людей, как стал Егоров деньги раздавать, пошел Лема Магомедович, снял с книжки и тоже своим раздал:

— Людей жалко. Нельзя же так, как Егоров: взял и вышвырнул пятьдесят человек. Куда им теперь? Они что, виноваты?

— А говорят, вы «жестокый».

— Просто я всегда, как есть, как думаю, так и говорю. Я потому и с председателем, с Иденом, хоть он и мой земляк, не ладил. Не то чтобы не ла-

дил, а просто дружбы у нас с ним особой не было. Не умел он потребовать от людей. Эта мягкость и его, и колхоз сгубила. Не можешь потребовать — не берись руководить. Вообще-то, если хотите знать, колхоз аренда сгубила. У нас первыми арендаторами братья Казаковы были. В первый же год тысяч двенадцать заработали. Тогда это большие деньги были. Ну, все и ринулись в арендаторы. Месяц поработали и надорвались, забросили все. А потом к Идену: выручай. А он никому отказать не может. И политика такая была: помогать арендаторам. С аренды и пошли у нас долги.

Идем, беседуем. А трактор все урчит себе в луже: обедает тракторист.

— Лема Магомедович, зачем вам все это? Ассоциация? У вас и так хозяйство большое. Работы вы не боитесь, и одни бы не пропали.

— А гектары свои я что, лопатой буду перекапывать? Сегодня куда без техники? А она, знаете, сколько стоит? Я вам так скажу: если государство не сбалансировало цены — наши с городскими — ничего из этой реформы не выйдет.

Вот сейчас у нас все кричат: фермерство, фермерство... Осенью в области около пятисот хозяйств насчитывалось. А я так думаю, что если из них хотя бы сто приличных, это уже очень хорошо. И то скорей всего это те, кто раньше выделялся, получил кредиты и накупил техники еще по старым, государственным ценам. Остальные только при колхозе и могут существовать.

Нет, чтоб я отделился, я должен гарантию иметь: техника у меня будет. А сегодня у меня такой гарантии нет. Между прочим, у нас в последние годы и так пашня каждый год процентов на 15 сокращается, а в этом может и на все 50 получиться. Что это значит, догадываетесь, наверное...

Председатель «Земли» Егоров и впрямь молод и белокур.

— Мы решили по звеньям разбиться. Три звена — это фермы. В Озерцах, в Кузово и в Дуброво телятник. Плюс еще четыре: зерновое, силосное, лен, картофель.

— Чем же ваша ассоциация отличается от колхоза?

— Ну как же, теперь каждый знает, что здесь он имеет свой законный пай, и от того, как пойдет дела, зависит, сколько он получит...

Как козырную карту выкладывает передо мной Леонид Валентинович договор с Санкт-петербургским малым предприятием «Аккордия». Малое это предприятие в обмен на сельскохозяйственную обещает закупить за границей и поставить «Земле» оборудование для переработки мяса и молока в условиях фермерского хозяйства.

— У каждого есть свои мечты... — И молодой председатель воспаряет до уровня собственного колбасно-сосисочного цеха, пригласив и меня восхититься красотой живописуемых перспектив. Но непослушное мое воображение почему-то рисует совсем другие картины. Например, такую. По окончании работы разбирают «земляне» на части заграничную колбасную линию и разносят по дворам в сугробы — для сохранности. А то ведь в цеху развинчивают, разламывают по ночам. Без сторожато.

Или такую. Возвращается из далекой Чечни Иден Курбанович, показавший «калининцам» за десять лет совместной работы и хватку деловую, и к человеку жалость. И устремляются к нему позабывшие обиды люди, как к золотой середине между ненадежным Егоровым и «жестоким» Лемой Магомедовичем. И сбиваются они, дружно под его надежное, проверенное крыло, вырывая заодно из ассоциации свои законные пай...

Ой, не на посевную пришлось бы все эти миграции. Неподходящее это время для «черного передела».

Георгий РОЖНОВ

В воскресенье 15 марта вечерняя программа «Итоги» необычно долго держала на телевизионном экране портрет безмолвствующего неизвестного, а комментатор нам его подробно аттестовал. Кокошин Андрей Афанасьевич, заместитель директора Института США и Канады, член-корреспондент Российской Академии наук. Повод для знакомства — 46-летний штатский выдвинут кандидатом на пост министра обороны России. Поручители солидные, слово их весомо: Координационный совет движения «Демократическая Россия», представители военно-промышленного комплекса, демократические круги среднего и высшего офицерства.

Еще одна новость прозвучала, за кадром, но умеющие слушать ее не упустили — теперь уж и само министерство обороны России будет наконец создано.

Телевизор и меня приободрил, даже обнадежил — аккуратно завтра, в понедельник, я встречаюсь с Кокошиным, и, чем черт не шутит, вдруг да и подоспел тогда президентская воля, и вознесет моего собеседника на министерские высоты?

Тихий переулочек в двух шагах от Нового Арбата, старинный особняк в два этажа, вахтер с августейшей внешностью, витые ступени, на вешалке перед кабинетом Кокошина две пышущие золотом адмиралские фуражки, секретарша Геля одновременно говорит по двум телефонам, печатает на компьютере, заваривает чай и бдитительно караулит шефа. Сегодня она улыбалась норвежскому послу и индийскому посланнику, репортеру из «Вашингтон пост» — прочих не вычислил.

Первое впечатление: Кокошин молодцеват, элегантен простецки, внешностью мужиковат и приятен, развешенные на стенах грамоты утверждают, что хозяин еще полтора года назад блистал на чемпионате Москвы по регби. Беседу со мной начал с порога: «Не слышали? Ельцин создал министерство обороны. Сегодня». В приемную: «Геля, по радио ничего не передавали?» В телефон: «Лена, что знает пресса? Да, в курсе — министерство есть. Министр — сам Президент? Это точно?»

— Андрей Афанасьевич, я знаю уже, что хотел видеть вас на посту министра обороны России, кто стоит за вами или вернее рядом с вами. Это только их личное мнение? Пожелание, совет Президенту?

— Официальное предложение по моей кандидатуре было сделано сопредседателями Координационного совета «Демократической России» в письме Президенту Ельчину. Вот это письмо.

— Можно я вслух? «Обсудив целый ряд кандидатур, оценив настроения в различных партиях и движениях, в Вооруженных Силах, сопредседатели «Дем. России» и совет блока демократических фракций в Верховном Совете России предложили на пост министра обороны России Кокошина Андрея Афанасьевича». Да, вот еще новое для меня: «На протяжении целого ряда лет Кокошин возглавлял Отдел военно-политических исследований Института США и Канады, в котором были собраны специалисты из разных областей знания, ученые и практики — политики и экономисты, военные, работники оборонной промышленности. Он также является первым заместителем председателя созданного академиком Велиховым Комитета

ученых за глобальную безопасность. Под его руководством вышла целая серия комплексных трудов по проблемам военной политики и военной доктрины, стратегической стабильности, противоракетной обороны». Прочел — и сразу вопрос: у России есть своя военная политика? Военная доктрина? На Украине, где я недавно был, это уже вчерашний день, я привез с собой целый пакет документов по военным вопросам, принятых парламентом. И министерство обороны давно сформировано.

— У нас нет ни первого, ни второго, ни третьего. Хотя в армии настроения в пользу создания российских войск уже давно более чем настоячивы. Ко мне приходили офицеры среднего и даже младшего звена, генералы, адмиралы, никто из них не хочет служить только за деньги и паек. Они хотят знать, кому нужны их знания и опыт, кому они присягают, кому клянутся в верности, за кого, если случится, будут проливать свою кровь.

— Тем более непонятно, как можно было так долго оставлять без управления, без командирской опеки войска, расположенные на территории России?

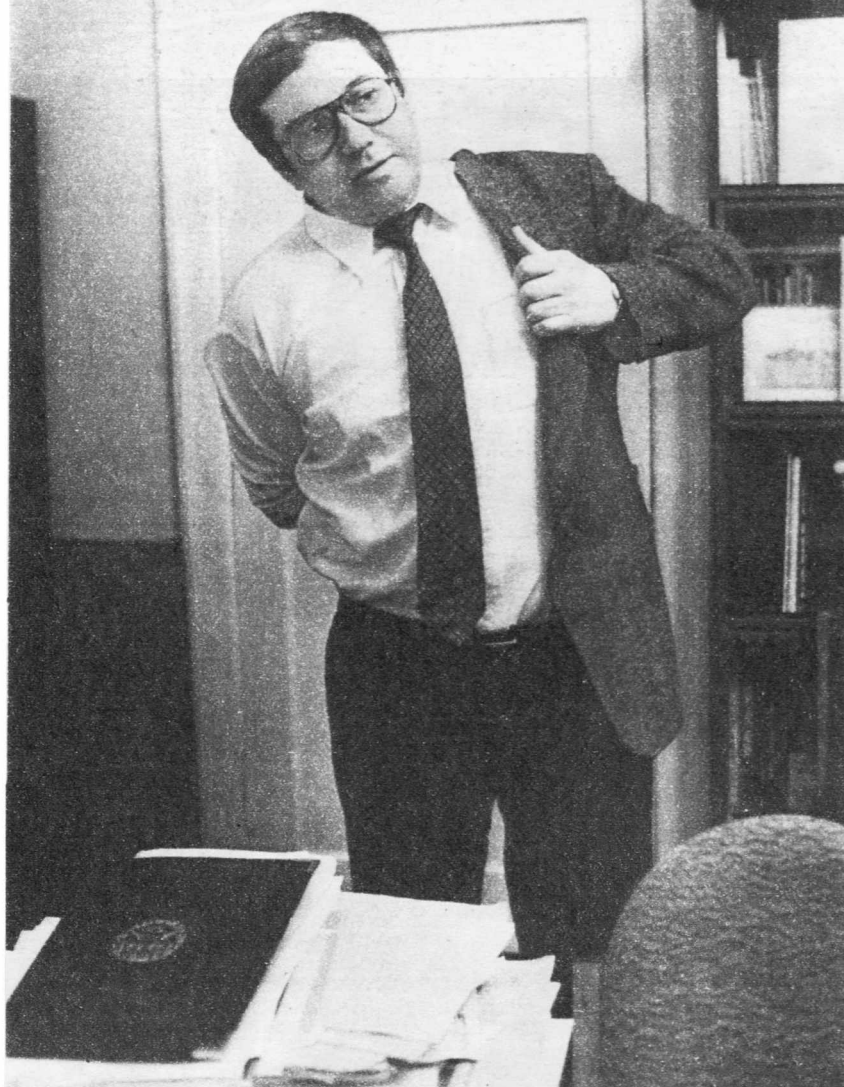
— Мы должны понять сложность выбора Президента — или Объединенные Вооруженные Силы, или российская армия. Ему очень не хотелось спешить с решениями, которые могли бы поколебать или даже разрушить то хрупкое равновесие, которое еще сохранялось в союзной армии после памятного августа и потом, после распада СССР. Поэтому предпочтительнее выглядело управление гигантской военной машиной главнокомандующим Шапошниковым.

— По-моему, маршал Шапошников — единственный в мире военачальник такого ранга, единственный главнокомандующий, который существует как бы сам по себе. Он не подчинен ни законодательной, ни исполнительной власти. Ничейный маршал!

— Да, здесь есть деликатность ситуации, свой парадокс.

— Вам не кажется, что министерство обороны России создано как бы внезапно, вдруг? Даже без инициативы парламента?

— Предпосылки к этому были. Комитет по делам обороны и безопасности рекомендовал создать министерство обороны во главе с гражданским лицом. Позиция Украины окончательно разрешила надежды на сохранение единой армии. А подтолкнуло Президента, мне кажется, обострение ситуации в Закарпатье и Молдове. Да и решение Президента Кравчука приостановить вывоз с Украины тактического ядерного оружия тоже не прошло без внимания. Опять же давайте не забывать, что на этот шаг Ельцин пошел перед встречей глав государств СНГ в Киеве, где именно военные вопросы должны были об-

ВОЙСКА РОССИИ: БОЛЬШОЙ СБОР

суждаться прежде всего. Неудивительно поэтому и его решение взять на себя обязанности министра обороны — на другие решения просто не было времени.

— Хорошо, с министерством определились. А уже упомянутые военная политика и военная доктрина — здесь-то хоть обойдемся без спешки?

— Не скрою — нетерпение есть. Недавно были у меня оборонщики, криком кричат: определите, утвердите хотя бы основы военной политики, не можем же мы наугад ни конверсию проводить, ни оружие придумывать.

— Андрей Афанасьевич, давайте с азов? Что это за премудрости такие — доктрина обороны, например?

— Давайте. Во все обозримые в прошлом годы наша военная доктрина была немыслимой без определения наиболее вероятного противника, потенциальной угрозы государству и соответственно характера будущей войны. Враг — мировой империализм во главе, естественно, с США, война, понятное дело, глобальная, до полной победы над врагом. Сегодня характер определения всех этих параметров радикально изменился. Я считаю, что сейчас у нас нет верного противника в классическом понимании этого слова. Следовательно, и военную доктрину надо строить без настоячивых его поисков.

— Согласен, угрозы с Запада нет. А с Юга? Он безопасен для нас? Для России прежде всего?

— Думаю, было бы большой ошибкой из одной крайности впасть в другую. Рассуждая так, мы легко найдем противника сами себе. А такое желание кое у кого есть — как же тогда объяснить немыслимую и губительную для нас прожорливость военной машины?

— Значит, врагов нет? А обороняться тогда от кого? Армия тогда зачем? Министерство обороны? Не скрою — я намеренно задаваю вас этими вопросами.

— А я задану вас. Нам нужна оборона по всем направлениям, по всем азимутам. Догадываетесь, в какую копеечку это вылетит? Всем нам, налогоплательщикам? Поэтому спешу добавить: эту широкую оборону надлежит нам сделать и необременительной для общества, и достаточно надежной. Абсолютно надежной! Как мы совсем недавно видели характер будущих войн? Они мыслились либо как глобальные стратегические, либо как обычные с применением сил общего назначения. Создавали гигантскую военную машину, полностью не соответствующую характеру тех угроз, которые нас могли подстерегать. По-прежнему делали ставку на общевойсковые ударные соединения, танковые армии. Прошли де-

сятилетия после Победы, а мы все время приспосабливались к концепциям второй мировой войны, к завершающему ее периоду. Запихивали все живое в танки, под броню. Основным инструментом войны — танк. Изобретались мертворожденные концепции «оперативных маневренных групп». Не опомнились даже тогда, когда сирийские танки нашего производства были разгромлены высокоточным израильским оружием — 82-й год, долина Бекаа.

— И все же — военные конфликты вы не исключаете?

— Это было бы невежеством, наивностью. Вполне, к сожалению, возможны конфликты малой интенсивности, как их именуют американцы. Без миллионных армий, без гигантских сражений.

— Какие конфликты вам видятся прежде всего?

— Пограничные. С участием как воинских, так и полувоенных формирований.

— Те, которые мы сегодня видим в Закавказье и Молдове?

— А можем, не дай Бог, увидеть на границах России. Это наиболее вероятный цикл конфликтов.

— Не раз читал, что будущего агрессора может остановить одна только мысль об ответном ядерном ударе. Это так?

— Я бы не стал преувеличивать роль атомной бомбы как сдерживающего фактора — по крайней мере в конфликтах малой интенсивности. Саддама Хусейна это, как мы помним, не остановило. Поэтому давайте не уповать только на нашу ядерную мощь. Давайте верить прежде всего в силы общего назначения, которые можно было бы в сжатые сроки перебросить в любой район, где есть угроза нам и нашим союзникам — я надеюсь, что у нас будут союзники, настоящие, реальные союзники. С помощью именно таких мобильных сил можно практически любой локальный конфликт разрешить выгодно для нас, остановить его эскалацию и дать в руки политиков условия, которые позволили бы им заключить достойный мир.

Вот в концентрированном виде мое видение российской военной доктрины.

— Вы упомянули о союзниках. Они возможны в условиях, когда одна за другой суверенные ныне республики создают собственные армии — две из них уже воюют в открытую?

— Тем более нам нужно стремиться как можно скорее заключить Договор о коллективной безопасности или коллективной обороне — уверен, к нему охотно присоединятся все, кто хочет мира для своего народа. Можно и нужно пойти и на двусторонние отношения — прежде всего с Украиной. Ни в коем случае нельзя допускать конфронтации с нашим великим и, уверен, добрым соседом. Хватит раздоров, мы и так уже изрядно наломали дров. Имей мы уже свою оборонную доктрину, свои вооруженные силы со своим министерством обороны — многие вопросы были бы решены менее болезненно. Например, с тем же Черноморским флотом. Спокойно, уважительно друг к другу мы должны в ближайшем же время решить судьбу двух верфей в Николаеве — там строились и строятся все наши тяжелые военные корабли, понять, как с умом распорядиться ракетными заводами в Днепропетровске.

— Вот — о ракетах. Недавно было принято решение, на мой взгляд, несколько странное — они уже не наце-

лены на объекты на территории США. Все комментаторы задали один и тот же вопрос: а на кого же тогда? Еще одна тайна?

— Они и меня допекали. И это понятно — говорить о боеготовности ракетных войск стратегического назначения можно лишь тогда, когда у каждого боевого расчета есть свое полетное задание. Если мы не прицеливаемся в американцев — тогда в кого же? Ответ вытекает из предлагаемой оборонной доктрины — помните? Оборона по всем направлениям, по всем азимутам. Значит, ракетчики должны иметь многовариантное полетное задание. Причем, в этом я уверен, мы можем позволить себе держать в состоянии полной боевой готовности гораздо меньшее количество ракет. При такой постановке вопроса никто из наших соседей не будет нервничать больше других — персонально для него ни одна из ракет нависать не будет. Впрочем, мы здесь не оригинальны — еще де Голль, отказавшись видеть конкретного для Франции врага, и ее безопасность укрепил, и американцам изрядно нервы попортил.

— С трудом выговариваю еще один вопрос, уже изрядно набивший оскомину: профессиональная армия все еще предмет мечтаний? Так и будем рассылать повестки о призыве всем поголовно? Неужели и сегодня прав Язов, утверждавший, что время солдат-профессионалов еще не пришло, что для этого требуются годы и годы?

— К службе по контракту мы перейдем гораздо раньше, чем предполагалось в недавнем прошлом. Но и с кондачка этого не сделаешь. Опять сошлюсь на опыт американцев. После поражения во Вьетнаме им пришлось не просто потратиться на военных профессионалов. Колоссальная работа была проделана по возрождению в обществе доверия к армии, уважения к человеку

Офицеры
России
хотят знать,
кому они
присягают,
кому клянутся
в верности,
за кого,
если случится,
будут
проливать
свою кровь.

в погонах. Нам тоже придется начинать с азов — создать новую армейскую мораль, новую психологию военнослужащего. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы в армии видели просто кормушку, спасение от возможной безработицы. Нам не нужны люмпены в военной форме.

— Сегодня, после Указа Президента, уже очевидно, что министерство обороны будет учреждением гражданским, мы не увидим больше министра в лампасах. Не будет ли уже это шоком для профессиональных военных, не восстановит ли против штатского «штафирки» наш российский менталитет?

— По моим личным наблюдениям высший слой армейского руководства это действительно покоробит. Но другого пути просто нет — есть боевое управление войсками и административно-политическое. Так по крайней мере принято в большинстве демократических стран. По сути, это две независимые сферы деятельности. Как у нас было до сих пор? Однозначно: министр обороны и начальник Генерального штаба постоянно конфликтовали друг с другом. То министр подминал под себя начштаба, то наоборот.

— Это при нашем-то единоначалии? При привычке младшего смотреть в рот старшему? Не могу себе представить, чтобы Моисеев артачился при Язове.

— Но так ведь было! Просто их стычки не были видны на миру. На протяжении десятилетий мы не знали, где кончаются функции министра и где начинаются прерогативы начальника Генштаба.

— Значит, власть гражданского министра обороны не абсолютна, он не хозяин в своем доме?

— Абсолютной власти ни у кого и не должно быть. Дело министра — проводить в жизнь политическую линию Президента как Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами. Оперативное управление войсками его просто не касается.

— И все же есть какой-то личностный момент — вы никогда не ощущали при встречах с военными эдакой насмешливой подозрительности — вот, мол, в армии не служил, пороха не нюхал, а нас поучает?

— Ну, во-первых, я никогда не стремился и не стремлюсь поучать военных. Во-вторых, я офицер запаса и в МВТУ имени Баумана, которое я закончил, готовили неплохих специалистов по радиоэлектронике. А потом, в какой семье я вырос — все военные! Отец в армии с шестнадцати лет, воевал на Ленинградском фронте, был полковником. Мама преподавала в военной академии. Дедушка начинал в царской армии, продолжал служить в советской. Оба дяди тоже офицеры.

— У вас были беседы с глазу на глаз с сильными мира сего? По поводу министерского портфеля?

— Личные, конфиденциальные — да.

— Андрей Афанасьевич, очень хочется стать министром?

— Портфель в правительстве не главное для меня. Главное — реализовать все те идеи, о которых мы с вами говорили. Будь я государственным служащим, пост министра виделся бы мне вершиной карьеры, это нормальное человеческое желание. У меня же, случись такое назначение, карьера-то и закончится. Позавчера меня выдвинули кандидатом в академики, на выходе ряд трудов — у меня интересная, спокойная, обеспеченная жизнь. А возможные перемены... Во всяком случае, моих домашних они не радуют.

— У вас рука крепкая. Вы выдюжите.

Я хочу поставить точку, не дожидаясь, как будут развиваться события дальше. При всех моих симпатиях к собеседнику меня не очень волнует, станет ли он министром или нет, я лучше пожелаю ему избрания в академики и покойных домашних вечеров. Потому

что уже свершилось главное и для Кокошина, и для многих из нас — министерство обороны России стало гражданским ведомством и уже поэтому на бывшего монстра никак не похоже. Покойнее мне и потому, что идеи, за которые Кокошин ратует, тешат не только его, но весьма большую числом когорту и ученых, и политиков, и военных.

И все же до полной благодати еще как далеко. Прежде всего оттого, что упомянутый выше Указ Президента к уже известным для нас загадкам прибавил новые. Вот первая — Вооруженные Силы России отныне передаются в оперативное подчинение главнокомандующему Объединенных ВС СНГ. В связи с этим вопрос, который сразу же повисает в воздухе: а что есть российская армия? Все люди в погонах, что находятся в России в войсках общего назначения, — понятно. А те, что в Прибалтике? В Закавказье? В Германии и Монголии? В тех странах СНГ, которые пока не обзавелись собственными армиями и соглашаются стоять под общим для всех знаменем?

Желательно было бы как можно скорее (время и так упущено) определить статус всех частей и соединений, находящихся за пределами России, и уже после этого проводить следующий раунд переговоров с правительствами, которым не терпится выставить российского солдата за дверь. Словом, пора играть «Большой сбор», которого в армии явно жаждали.

Можно было бы еще долго продолжать перечень вопросов, которые придется решать руководству министерства обороны России. Несмотря на нашу вечную спешку, не станем, однако, торопиться без оглядки — и поспешим, и людей насмешим.

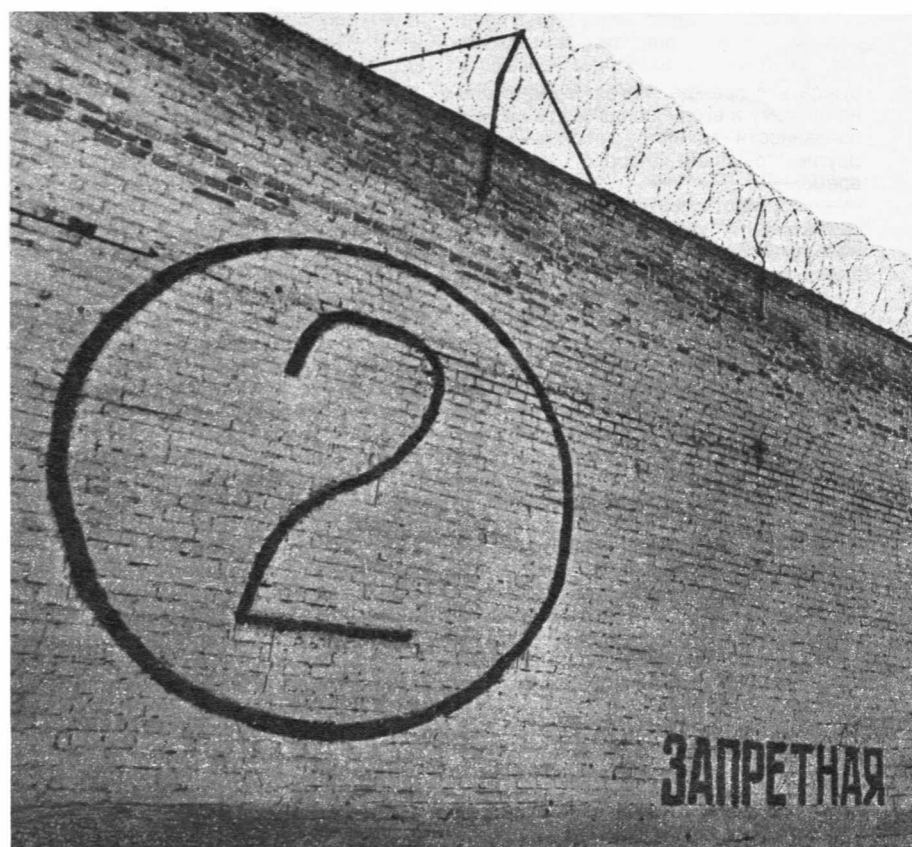
Будь долгожданный министр хоть семи пядей во лбу, всех проблем ему не решить, да и не положено — законодательную базу военного строительства вправе разработать только парламент. Сколько для этого понадобится времени, можно с весьма достоверной определенностью подсчитать, если, скажем, вспомнить недавний опыт Украины. А это нелишне — кто, например, в России знает, что концепция обороны и строительства Вооруженных Сил Украины была принята Верховным Советом республики уже 11 октября прошлого года? А до этого более месяца разрабатывалась Комиссией по вопросам обороны и государственной безопасности ВС, обсуждалась в Кабинете министров? Не думаю, что будет утомительным перечисление разделов этой концепции: 1) Условия и факторы, влияющие на строительство Вооруженных Сил Украины. 2) Основные принципы создания Вооруженных Сил Украины. 3) Органы военного управления. 4) Финансово-экономическое обеспечение. 5) Социальная защита военнослужащих.

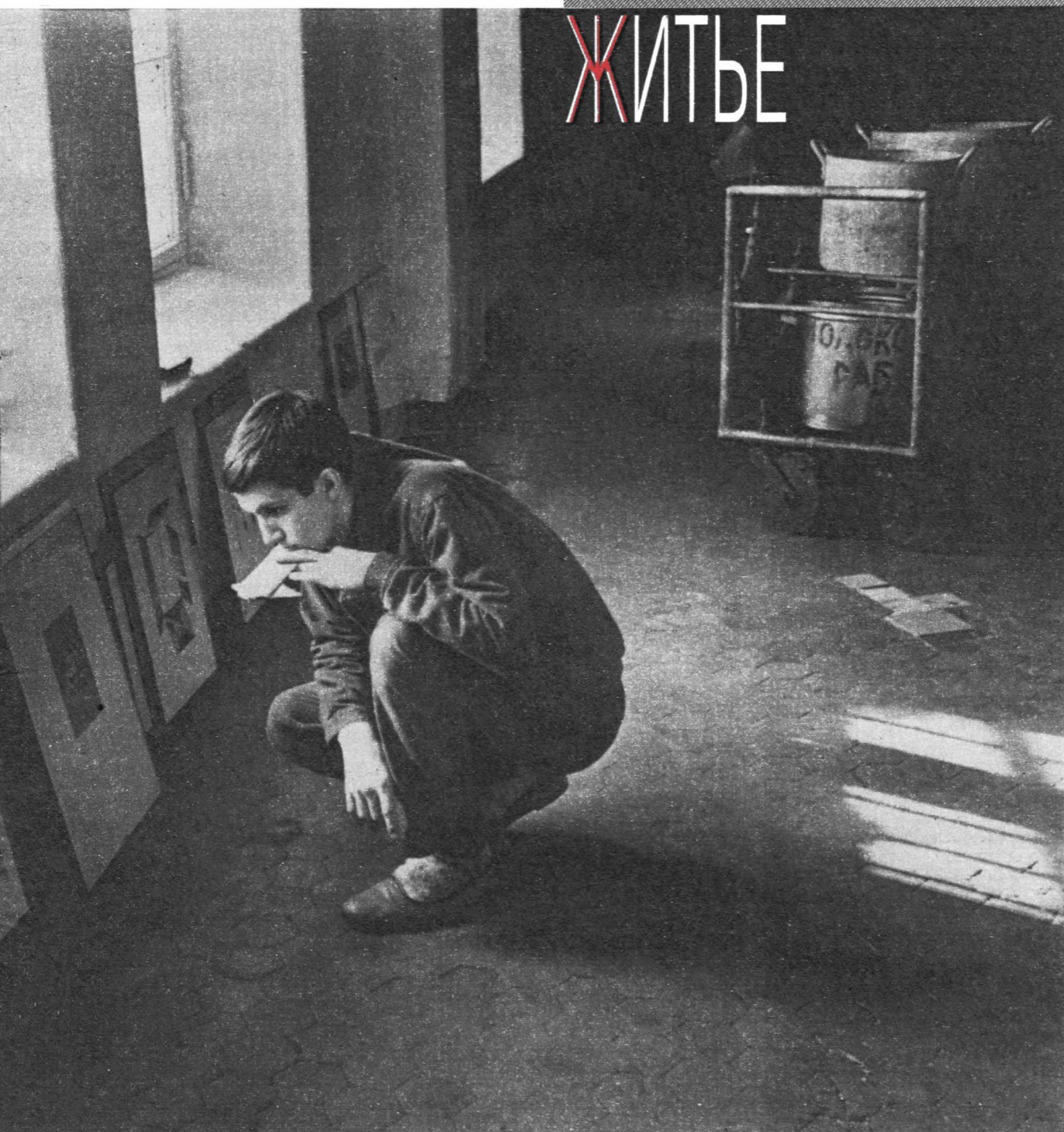
Но этого мало — 6 декабря того же года парламент принял и сразу ввел в действие Закон «О Вооруженных Силах Украины» и Закон «Об обороне Украины», а 20 декабря — Закон «О социальной и правовой защите военнослужащих и членов их семей».

Этот пакет документов я перечислил не только чтобы укорить российских парламентариев за медлительность, но и прикинуть, как уже обещал, время, которое понадобится для того, чтобы обрадовать воинов России такой же заботой о них. Так вот — раньше августа не управиться.

А на сегодняшний день все законодательное богатство министерства обороны России состоит из одного только Указа о его же создании. Президент назвал его «промежуточным» и портфель министра на первых порах придержал при себе.

Раз так, то с августом я в своем прогнозе явно поспешил и даже этому рад — месяц уж больно окаянный.

...Мое редакционное удостоверение осталось на столике у дежурного, и — щелк! — в тот же миг за моей спиной дверь захлопнулась, теперь не отомкнется, пока за специальным пультом не нажмут черную кнопку. Дверь перед моими глазами ошетилилась решеткой, но появляется молчаливый лейтенант с огромным — в жизни таких не видала — ключом и приглашает меня внутрь; мы идем, он останавливается перед третьей преградой. Поворот ключа. Короткая пробежка по холодному двору. Ступеньки. Коридор. «Отстойник» с синими ячейками и глазами. Лестница. И непередаваемый запах, в котором — пот, пыль, жареная рыба и еще что-то неясное — запах Мертвого дома. Невозможно поверить, что в каких-нибудь десятках метров отсюда гудит и газует перегруженная столичная магистраль. Как близок, оказывается, этот путь — из центра современного города в инобытие, в преисподнюю, дальше которой — пустота...

В преисподней пахло свежей краской. И походила она, сверкающая белизной стен, со сводчатым беленым потолком, на больницу. Так же стульчики рядком у подоконников, и телевизор на полке, и высыпавшие из неестественно вычурной резной двери с табличкой «столовая» несколько десятков молодых и немолодых мужиков в тапочках и почти пижамных темных брюках, проявившие к пришельцам вялое любопытство (и чего любопытствовать — на прошлой неделе немцы с телевидением приезжали, раньше еще кто-то). Прозвонил звонок, и как в ПТУ (коридор напоминал ПТУ тоже) мужиков построили и повели прочь. Коридор опустел. И, подойдя к приоткрытому окну, на котором, точно в магазине «Молодость», белела покрашенная решетка, я увидела вдруг линиялы балконы своего дома.

Комментарий к пейзажу

Надежда АЖГИХИНА
Марк ШТЕЙНБОК (фото)

Дети своей поры, мы всю жизнь ходим рядом с тюремными стенами. Рождаемся, взрослеем и умираем, и неизбежно ощущаем, подчас сами не замечая, это соседство. Даже если Бог миловал и никому не довелось — но, как говорится, «от сумы и от тюрьмы...». «Криминальное подсознание», ощущение близости и осязаемой реальности неволи — давняя, неизбывная черта мировосприятия нашего современника...

В. Комар, А. Меламид. БЕЗ НАЗВАНИЯ

Спешно переехав в новую квартиру (десять минут ходу от улицы Горького!), мы не сразу поняли, какое уникальное нам досталось соседство. Во дворе вполне ординарной восьмизатжки отделенный от подъездов чахлой растительностью располагался корпус тюрьмы. Да еще какой — знаменитой, описанной вдоль и поперек. «Зато здесь не крадут, — успокоила соседка, наблюдая разгрузку нашей мебели, — место тихое, привыкнете». И действительно, странное дело: двухэтажное желтенькое здание с зубчатой круглой башенкой, над которой поднимался домашний дымок, не раздражало, наоборот, казалось вполне уместным, каким-то старомосковским. Особую уютность придавала двору детская площадка, прилепившаяся к самой тюремной стене, куда дважды в день под присмотром дебой воспитательницы маршировали ребятишки. В другое время площадка запырялась на замок — садик был ведомственный, принадлежал МВД. В доме раньше жили тоже в основном сотрудники МВД, но потом монотонность их рядов пала, появились люди разные, вроде нас или нашего бывшего соседа по лестничной клетке Андрея Разина вместе с группой «Ласковый май»...

Так и жили бок о бок — двор и тюрьма, не замечая друг друга, не зная друг о друге (как проходил прогремевший на

— Примерно шестьсот человек у нас сверх норматива, — делится в коридоре, пахнущем свежей краской, подполковник Габайдуллин, второй человек в Бутырке. — Спят в камерах предварительного заключения по очереди — двое спят, третий ждет. Мы бы на дверях табличку повесили «Свободных мест нет». Конечно, за последние годы условия содержания заключенных изменились. Случалось, что мы первыми делали какое-нибудь исключение, а затем издавался циркуляр по министерству. Так, мы раньше других разрешили заключенным иметь в камере телевизоры, электробритвы, кипятильники. Белый коридор, где мы мирно разговариваем, — место, где живут осужденные (с подследственными контакт строго запрещен). Их здесь больше двухсот: двести мужчин и сорок две женщины...

Это воскресенье не совсем обычное. И не только для тех, кто отбывает сейчас свой срок.

Впервые за все существование тюрьмы, и за все годы бытования ИТУ в нашей стране, в Бутырке — выставка. Именно для нее красили просторный коридор и привозили, испрашивая разрешения по всем частям света у разъезжающих авторов, работы. Двенадцать наиболее известных художников, составивших славу советского нонконформистского искусства доперестроечной поры, представлены в этих стенах: Илья Кабаков, Иван Чуйков, Александр Меламид, Виталий Комар, Эрик Була-

всю страну бунт за уютной стеной? В какой камере сидел легендарный злодей Адылов?). Только дети двора точно знали, что нары стоят в два ряда, а место новенького «у параша», и то если повезет. И играли они неизменно в следователя и бандита, а позже, когда слово «мафия», как галка с городской помойки, закружило по двору, — в следователя и арестованного начальника. Как в фильме «Комментарий к прошению о помиловании», который Ина Туманян задумала тоже в нашем дворе. Туманян острым глазом режиссера заметила то, от чего мы отмахивались: что все мы на самом деле живем под тюремными стенами, что несурзанный двор — модель целого жизненного пространства, в котором господствует криминальная логика и криминальная нравственность, что мы здесь рождаемся, взрослеем и умираем и воспроизводим, осознанно или неосознанно, их стиль и смысл...

3

Дзержинский, один из знаменитейших узников тюрьмы — а сколько их всего было? — как известно, сидел большую часть заточения в одиночке. Маяковский, как свидетельствуют биографы, несмотря на малолетство, тоже. А ведь годы были для Бутырок густонаселенные — террористы, социалисты, да и рядовые уголовники...

тов, Ирина Нахова, Игорь Макаревич, Андрей Филиппов, В. Захаров, О. Васильев, В. Пивоваров, Д. А. Пригов. Сложное, концептуальное искусство (все работы — «музейного уровня»), так непохожее на нарочитый примитив, время от времени составляющий «культпрограмму» для советских заключенных.

И впервые за все время существования тюрьмы на вернисаж в эти коридоры пришли более ста посетителей «с воли», проводимых, как раньше и я, от пульта дежурного сквозь одиннадцать дверей — к несвободе...

4

«Уже несколько десятилетий, с «Портрета Дориана Грея», кажется, идет спор о том, должно ли искусство быть понятным народу или, наоборот, его должны стремиться понять, — говорит человек, придумавший и организовавший выставку в Бутырках (помогли ему «Московские новости» и банк «Столичный»), искусствовед Иосиф Бакштейн. — Государство, на руинах которого мы сегодня стоим, точнее руководители этого государства, придумали идею, согласно которой искусство должно принадлежать народу. Это очень глубокая мысль. Искусство всегда соотносит себя с обществом, с людьми. Платон изгнал из своего предполагаемого идеального государ-

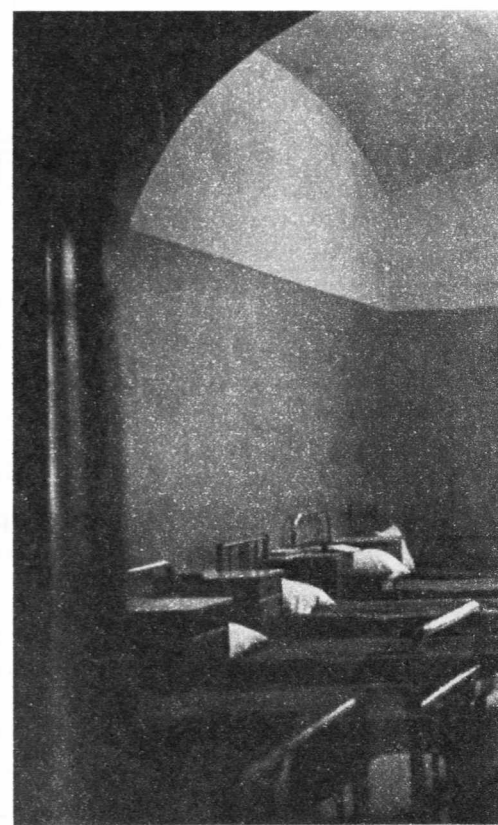

ства художников и поэтов, и правильно сделал, потому что искусство, как и любовь, свободно и не может быть орудием государства. Есть точка зрения, согласно которой общество делится на классы: начальников и подчиненных, эксплуататоров и эксплуатируемых. Художник исходит из того, что общество делится на людей, — и старается их объединить, повторяя слова философа: «Ищу человека!»

В наши дни искусство снова тяготеет к классовой позиции. Если раньше у нас официальное искусство принадлежало собственникам власти, теперь оно принадлежит собственникам вещей, становится коммерческим. Иными словами — буржуазным, но не в советском, а в первоначальном смысле. Против этого и была направлена наша выставка.

Московский концептуализм (не признававший и не признающий классового подхода) всегда придавал большое значение контексту, в котором воспринимается произведение, искал радикальный контекст.

Люди, которые здесь находятся, осуждены на изоляцию от общества, но не от искусства. И если они не могут прийти к искусству, искусство должно прийти к ним. В этом смысле художник подобен священнику. Очень долго общество не хотело вникать в проблемы, с которыми мы здесь столкнулись, боялось, считая этот мир потусторонним. Страх этот остался и сегодня. Но этот

Есть точка зрения, что общество делится на классы. Для художника общество состоит из людей.

Андрей Филиппов и его работа

страх надо преодолеть. Если это удалось — выставка достигла цели».

5

Три сотни взрослых людей смешались в необычном выставочном зале: искусствоведы, журналисты, депутаты и заключенные. И, как на всяком вернисаже, обсуждали, разговаривали у окон. Кто-то спрашивал о замысле «Водолея» Макаревича у Бакштейна, а кто-то хотел узнать о будущей амнистии у Галины Старовойтовой или просто сфотографироваться рядом с ней... Кстати, у акции в Бутырках был предшественник — концерт Федора Шаляпина в 1920 году, когда еще верилось, что «...тюрьмы сровняем с землей». С тех пор во многих странах к осужденным приезжают симфонические оркестры и театральные труппы, но не у нас. И, быть может, потому-то в странах стабильной демократии и процент правонарушений иной...

Мечтает ли подполковник Геннадий Николаевич Орешкин о концерте в подчиненном ему «Учреждении номер 2» — так и не решилась спросить. В прошлой жизни выпускник консерватории (тюремщиками, даже начальниками, становятся не сразу!), он знает, что нашему, даже образцовому изолятору до норвежской тюрьмы, где пожизненно заключенный, к примеру, бегаёт трусой и выезжает на презентацию соб-

ственной книги, — как до Луны. Но убежден, что о гуманизации мест заключения надо постоянно думать. Не только тюремщикам, но и всему обществу. Чтобы мы почувствовали себя не функциями в сложном общественном механизме, не «ворами» и «полицейскими», не «охранниками» и «конвойнными», а людьми.

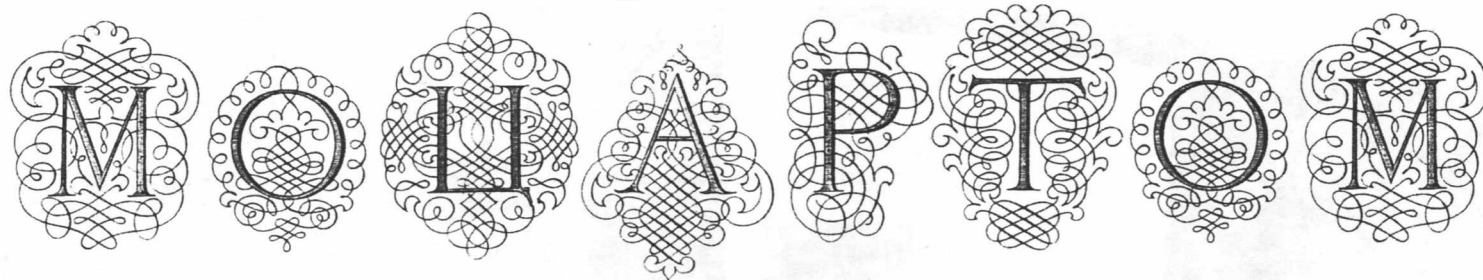
Увидим ли их в себе самих, в ближних, в тех, кто нарушил закон — именно закон, а не чью-то волю? Возможно ли это в горячке сегодняшних будней, среди озлобления нищей очереди, наступления дикого рынка, остолбенения культуры перед ним?

...Мы выходим на шумную и вечно серую Новослободскую улицу. За спиной захлопнулись двери, и не откроются, пока дежурный не нажмет на черную кнопку. В глаза бьют огни аляповатой рекламы кооперативного ресторана, фонари еще не зажглись. Как всегда.

«Самое значительное произведение искусства создается не на холсте или бумаге. Оно складывается из жестов и чувств, из поступков и обрывков разговоров, ибо оно — сама прожитая жизнь». Так полагал приверженец теории «искусства для искусства» Оскар Уайльд. Поймем ли это?

Или это поймут уже наши дети, складывающие кубики на городском дворе, под самыми окнами Мертвого дома? И тогда, может статься, пейзаж их жизни станет совсем иным...

Несколько встреч с покойным 2-НОМ

(ДНЕВНИК БАРОНА ГОТФРИДА ВАН СВИТЕНА)

ИЗ ДНЕВНИКА 1785—1786 годов.

«12 августа 1785 года. Вчера у меня был Сальери. Сначала он долго рассказывал о своих европейских успехах. Эту часть разговора я опускаю. Привожу конец нашей беседы.

Я: Скажите, а что вы думаете о Моцарте?

Сальери: Помилуйте, зачем мне о нем думать. Есть вещи, о которых думать куда приятнее. Например, певица госпожа З.

Я: Неужели в нашей опере осталась та, которая не стала жертвой вашего темперамента?... И все-таки — о Моцарте.

Сальери: Легко, изящно, грациозно. Публика это любит. Но вы?! Впрочем, барон, ваш вкус столь безукоризнен, что вас уже могут взволновать только самые примитивные вещи... Моцарт — прекрасный клавирист. Но когда исполнитель желает сам сочинять, одним исполнителем становится меньше и редко одним сочинителем больше... Так что при всем моем уважении к вам, барон, Моцарт — это... несерьезно. Хотя есть вещи, которые мне в нем симпатичны: щедр, умеет сорить деньгами, прекрасно острит.

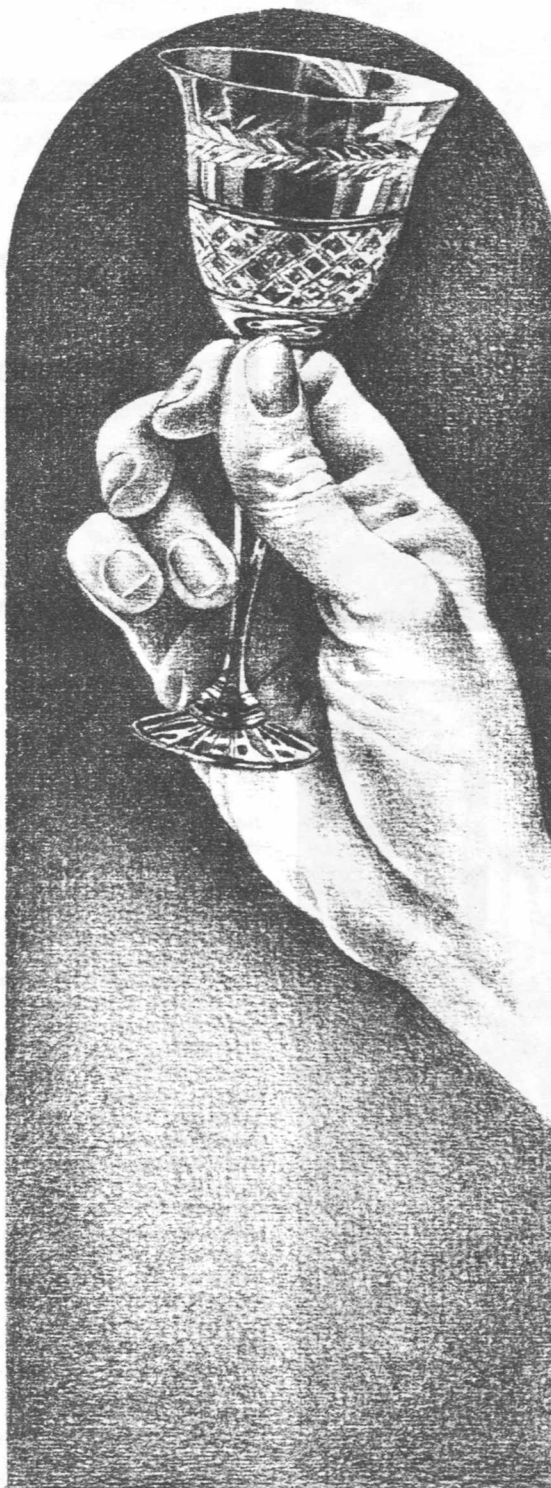
Я: Вас, например, он зовет «Музыкальный фаллос». Только поглубже.

Сальери: А вас — всегда изысканно: «такой же зануда, как все его накрахмаленные симфонии». И все-таки: Моцарт — это несерьезно.

Я: И все-таки: обучать принцессу музыке вы его не допустили.

Сальери: Ну можно ли допустить к принцессе человека с такими манерами? «Жопа» и «Выкуси» у него, как у нас с вами «Здравствуйте».

Теперь самое смешное: к концу вечера я сыграл Сальери несколько любимейших моих сочинений Моцарта. И выяснилось: он не слышал ни одного из них! Как все наши музыканты, Сальери избегает слушать чужую музыку. Но «накрахмаленные симфонии»? Моцарт, Моцарт... Это для меня — удар. Я близко сошелся с ним в последнее время. Наши встречи проходят в моем доме, который находится рядом с отелем «Цум Римише Кайзер»... Я много рассказывал ему о своей жизни: как, будучи послом в Берлине, сумел договориться с прусским королем. И когда они с русской императрицей поделили несчастную Польшу, мы тоже получили свой кусок пирога... Но разве в этом моя истинная заслуга перед потомством?... Она — в музыке. Вернувшись в Вену, я занимаю особое место в музыкальной жизни. Если я присутствую на концерте, все знатоки смотрят не на музыкантов, но на меня. Чтобы прочесть на моем лице: какое суждение они должны составить об услышанном. Да, конечно, не последнюю роль в этом играют мои титулы: директор придворной библиотеки, глава императорской комиссии по образованию. И, наконец, близок к императору. Но Моцарт... эта бесценная птица... мне казалось: уж он-то ценит во мне иное, понимает, что я свершаю ныне! Будучи послом в Берлине, я узнал великое «Берлинское искусство»... Забытого гения — Иоганна Себастьяна Баха! И весь этот год я знакомлю с ним Вену. Я осуществляю свою мечту: Моцарт — воплощение легкости, грации — введен мною — мною! — в мир вели-

кой и строгой немецкой музыки. И я гордился, когда он показал мне переписку с отцом. Не скрою, я даже переписал эти письма. Вот они:

«Любимейший из отцов! Все воскресенья я хожу к ван Свитену. Там ничего не играют, кроме Генделя и Баха. Исполнение в самом тесном кругу. Без слушателей, только знатоки». И вот испуганный ответ Леопольда: «Это увлечение, дорогой сын, может стать для тебя пагубным и увести тебя ох как далеко от вкусов нынешней публики».

Старый, опытный хитрец. И как прекрасно ответил ему Моцарт: «Барон знает не хуже вас и меня, что вкусы, к сожалению, все время меняются... Вот и получается, что настоящую духовную музыку надо отыскивать на чердаках и чуть ли не съеденную червями»...

«Барон знает»... И вот благодарность: «накрахмаленные симфонии»!.. Что ж, я прощаю ему.

ИЗ ДНЕВНИКА 1785—1786 годов.

В парадной зале придворной библиотеки я распорядился исполнять великие генделевские оратории. И Моцарт обработал некоторые из них. Гендель предстал в одежде Моцарта. Кто еще мог с таким вкусом облачить старика Генделя, чтобы он понравился и франту, и знатоку! Этот непостижимый человек умеет поглощать чужое, и оно тотчас становится его собственным.

Так случилось и с великим берлинским искусством. На беду Моцарта. И на счастье музыки. Ибо, как предполагал его отец: изменившийся Моцарт все менее нравится публике... Вчера он пришел ко мне. Передаю (вкратце) наш разговор.

Моцарт: Я должен посоветоваться с вами, барон. Я был у издателя, он долго ругал меня и просил сделать популярнее. Он прямо сказал: иначе ничего твоего я просто не смогу продать.

Я: И что же вы ответили?

Моцарт: Значит, я больше ничего не заработаю, черт меня побери!

Я обнял его — и в памяти зазвучали слова его отца: «Когда у него все в избытке — Бог покидает его музыку»... Что ж, до нынешнего 1786 года у него были немалые доходы. Но денег ему все равно не хватало, ибо тратил не считая. По моим сведениям, уже тогда случилось с ним страшное: он обратился к ростовщикам. Теперь его доходы начнут сокращаться и сокращаться. При его беспечности это значит: уже вскоре — беды и нищета! Что ж, мы видели великую музыку счастливого Моцарта. Впереди нас ждет величайшая музыка Моцарта трагического. О, как я жду ее!

ИЗ ДНЕВНИКА 1786—1787 годов.

Вчера я пришел к нему в дом. Он сидел за клавиром — спиной... Теперь я всегда вижу его спину. Он сказал мне: «Дорогой барон, я работаю, работаю, работаю, и нет денег... Работа пьет мозг и сушит мое тело. И все равно — нет денег!»

Теперь ежедневно он дает концерты... иногда дважды в день. Он объявляет бесконечные Академии. А ночами — сочиняет. Воистину — это музыкальная

лихорадка. Воспаленный мозг все время требует продолжения. И потому даже после концертов Моцарт часто импровизирует. Три дня назад после его Академии я стоял за кулисами, поджидая его. Он был на сцене. Я услышал его нежный тенор: он разговаривал со старым скрипачом из оркестра, который, видно, уже уходил со сцены.

— Вы наговорили мне столько хороших слов, maestro, позвольте и мне хоть немного отблагодарить вас. Если вы не торопитесь, я хотел бы сыграть для вас... — И он начал играть на темной сцене перед пустым залом. Я стоял, боясь пошевелиться. Это была импровизация. Она длилась добрый час. И клянусь, там, в темноте, он беседовал с Господом. Если бы мне было дозволено испросить у Творца земную радость, я попросил бы вновь вернуться в тот вечер. Наконец, мелодия оборвалась. Я слышал, как в темноте он стремительно вскочил. И сказал старому скрипачу:

— Теперь вы слышали настоящего Моцарта. Все остальное умеют и другие.

Я вышел из темноты со слезами на глазах. Мы обнялись. Мы оба были растроганы.

Вот полностью наш разговор, который в конце стал столь неожиданным:

Я: Однажды я показал вам свою Десятую симфонию. Она мне очень дорога. Я все надеюсь, что вы сыграете ее когда-нибудь.

Он промолчал. Он просто заговорил о своих бедах.

Моцарт: Меня беспокоит здоровье Штанци. У нее были неудачные роды. И не один. И врач велит отправить ее на курорт. Она хочет в Баден. Но у нас совершенно нет денег.

(После того как он отказался сыграть мою симфонию, он хотел, чтобы я одолжил ему денег. В этом он весь! «Накрахмаленные симфонии»!)

Я: Хорошо. Я дам, но очень немного. Вам известен мой принцип: я помогаю помалу, но многим.

Моцарт: А мне много и не надо, скоро у меня вновь будут деньги. Ко мне обратился Лоренцо Да Понте.

(Проклятье! Я знаю этого хитрющего венецианца: это итальянский еврей, который крестился, стал аббатом, что-то натворил и бежал из Италии. Он очень способный человек. По протекции Сальери император сделал его придворным поэтом... Он сочинил множество либретто для опер Сальери. И вот добрался до Моцарта.)

Моцарт: Он предложил мне написать оперу на его либретто. Я получу 100 дукатов.

(Неужели — выкарабкается? И вновь — веселый и легкомысленный Моцарт?)

Моцарт: И знаете, каков сюжет? «Свадьба Фигаро» Бомарше.

И вот тогда — в единый миг! — я понял всю мою будущую интригу.

Я: Дорогой Моцарт, это великолепная затея.

Моцарт: Но разрешит ли император? «Фигаро» запрещен и в Париже, и в Вене... правда, после невиданного успеха. (Последние слова он произнес лукаво.)

Я: Тем больший будет интерес у нашей публики. Публика — женщина, и ее особенно влечет запретное.

Моцарт: Да Понте клянется, что избежит в либретто всяких политических намеков.

Я: Но избежит ли вы? Вы — гений — простодуш, который помнит пинок ноги ничтожного аристократа?

Моцарт: Я могу сердиться в письмах, барон, могу ненавидеть в жизни, но когда начинаю слышать музыку... Впрочем, вы знаете лучше меня: злой Гендель, злой Бах — разве это возможно? Музыка есть молитва, а Бог — Любовь и Прощение... Нет, нет, это будет веселая опера-буфф, и, клянусь, все итальянцы умрут от зависти!

(Это он, конечно, о Сальери.)

Моцарт: Зная ваше доброе отношение, барон, Да Понте просил меня поговорить с вами. Император ценит ваши советы.

Я: Я уверен, дорогой Моцарт, моей помощи не потребуется. Император одобрит эту идею. Наш просвещенный монарх не раз говорил: «Предубеждение, фанатизм и рабство духа должны быть уничтожены». Он поклонник французских просветителей, ему будет приятно разрешить оперу на сюжет, запрещенный в Париже.

Он обрадовался как дитя. Он не знает: императоры часто говорят одно, когда думают совсем другое. Но я знаю.

ИЗ ДНЕВНИКА 1786—1787 годов.

Все случилось, как предполагал я.

На последней репетиции — предожуждение триумфа. После арии «Мальчик резвый» оркестранты вскочили, стучали смычками и кричали «Браво». Да, это восхитительная опера-буфф. Но на мой вкус это — прежний Моцарт. А я мечтаю о другом... Который только нарождается и рождению которого грозит помешать этот легкомысленный успех.

И потому вчера, когда император осведомился о моем впечатлении, я ответил вопросом:

— Ваше Величество, уже не говоря о том, как будут недовольны в Париже, надо ли в нашей спокойной благословенной стране насаждать развращающий французский дух? Не лучше ли нам почитать всех этих великих просветителей на расстоянии?

Вот почему, несмотря на успех, опера быстро исчезла со сцены...

Разговор за обедом.

Моцарт: Он — демон!

Я: Кто?

Моцарт: Демон всей моей жизни.

Я: Боже мой, о ком вы это?!

Моцарт: О Сальери!

И это он повторяет теперь разным людям. Истинный сын своего отца. И хотя ни разу впрямую они не столкнулись, о вражде Моцарта и Сальери знает вся Вена. Хотя на этот раз Моцарт прав. Болтун Сальери быстро подхватил и развил мой слух о недоброжелательстве императора. Он разнес его по дворцам, и Моцарта перестали приглашать.

Уже уходя, Моцарт сказал мне: «Боже мой! У меня совсем нет концертов. Осталось всего два ученика. А мне, как никогда, нужны деньги. Я прошу вас, барон, если услышите, что кому-то нужен хороший учитель...»

Как я люблю его таким!.. Началось, началось его истинное одиночество... путь в бессмертие...

На днях исполнялись написанные Моцартом струнные квартеты. На исполнении одного из них я печально вздохнул, и сидевший рядом со мной влиятельный критик, естественно, это заметил. Сегодня утром Моцарт был у меня. Наш разговор был очень занятен.

Но у этого мерзавца поистине гениальное чутье.

Говорят, что он масон и состоит в одной ложе с Моцартом.

Моцарт: Боже мой, что они обо мне пишут! Что они пишут: «Жаль, что Моцарт столь жаждет стать новатором... На цыпочках долго не устоишь...»

Я: Вы обращаете внимание на эти писания недоумков?

Моцарт: А вот что пишет обо мне дрянной итальяшка Санти: «Эти варвары, немцы, лишены всякого слуха, смеют предполагать, что они пишут музыку!» За этим говнюком, конечно, — Сальери.

(Замечу: издатели уже отказываются от его сочинений, и он все больше становился образцом не самого хорошего тона.)

Моцарт: Вчера, барон, я объявил свою Академию. Я разослал подписные листы. Они вернулись пустыми. Точнее, на них было только одно имя.

Я: Одно? Но, согласитесь, оно стоит многих.

Моцарт: Да, да. Ваше имя, дражайший барон. Боже мой, что бы я делал без вас.

Но его заботили деньги. И на лице его была мука. Я дал ему, но немного. И прибавил: «Я закончил вчера свою Одиннадцатую симфонию...»

Но он молча взял деньги и торопливо откланялся. Таков характер этого человека!

29 декабря 1786 года.

Я вижу с Моцартом редко. На Рождество 1786 года он уехал в Прагу, где, говорят, с великим успехом идет его «Фигаро». Чтобы поболее узнать о Моцарте, я отправился сегодня к его либреттисту Да Понте.

Я застал его дома. Он сочинял. На столе — бутылка токайского, открытая табакерка с испанским табаком. На коленях — юная красота, которая при моем появлении бросилась прочь из комнаты. Он хвастливо показал мне письма Моцарта. Вот их содержание:

«В Праге ни о чем другом не говорят, не играют, не поют, не танцуют, кроме нашего «Фигаро»! «Фигаро» всюду! «Фигаро — здесь, Фигаро — там». «Бесконечные балы... Ты, конечно, представляешь меня влюбленным за всеми красавицами? Представь — лучше плетущимся. У меня нет сил танцевать и любезничать, потому что я смертельно устал из-за своей работы, и к тому же ты знаешь мою застенчивость».

Да Понте сказал, что успех «Фигаро» блистательный — и директор Пражской оперы Бондини заплатил Моцарту 100 дукатов за будущую оперу. Оказалось, либретто к этой опере и писал сейчас этот поэт и прощелыга. Помогая себе вином и красоткой! Будущая опера называется соответственно всей обстановке — «Дон Жуан»... Итак, опять? Опять — опера-буфф? И опять прежний Моцарт?

Сегодня беседовал с господином Ланге, мужем Алоизии, урожденной Вебер. Он рассказал, что Моцарт в Праге дописывает своего «Дон Жуана». По слухам, живет в чьем-то имени. И в саду пишет оперу. Вокруг идет веселая попойка, играют в кегли... Рассказал о бесконечных певчих из местной оперы, которые охотно помогают Моцарту входить в образ Дон Жуана. Моцарт, Моцарт!.. Забавная деталь: Бондини вызвал в Прагу некоего итальянца Джакомо Казанову, который в молодости отличился большими удачами в охоте на женщин. И этот старый ловелас исправил Моцарту либретто «Дон Жуана». О, Боже!

«В Праге — огромный успех «Дон Жуана». А у нас в Вене не торопятся. Все это время в опере исполняли «Тарара» Сальери. (Отмечу — с неизменным успехом.) И вот вчера — долгожданная премьера Моцарта.

Я пошел в театр, чтобы стать свидетелем: «Дон Жуан» провалился. Наши тупоголовые венцы ждали повторения «Фигаро». Они пришли поразвлекаться веселыми похождениями наказанного небом ловеласа. Но «Дон Жуан» не слишком веселит. Это лихорадочное напряжение. Устрашающее неистовство музыки. И это явление Командора... Железный ритм... Дыхание предвечного... Я был не прав... Рождается новый Моцарт... Я счастлив.

Моцарт встретил провал, к моему изумлению, насмешливо. Он сказал только одну фразу: «Ну что ж, дадим им время разжевать».

Наконец-то мы увиделись с Моцартом. После пражских успехов император назначил его камермузыкантом с обязанностью сочинять музыку для придворных маскарадов.

Наша беседа:

Моцарт: 800 флоринов за музыку для маскарадов. Слишком мало за то, что я мог бы сделать, и слишком много за то, что я буду делать.

Я: И все-таки — это радость. Я поздравляю вас с долгожданным зачислением на придворную службу.

Моцарт: Нужно было умереть бедняге Глюку, чтобы мечта покойного отца наконец-то осуществилась. (Добавлю: «наилучший из отцов» скончался в прошлом году и теперь он — один на один со своей судьбой.)

Моцарт: Если бы вы знали, в каком я сейчас положении. Такого и врагу не пожелаешь.

Да, несмотря на жалование, он весь в долгах... Но я не дал ему денег. Все-таки у него — жалование. Замечу: он ко многим теперь обращается с одними и теми же словами. На днях его почитатель — купец Пухберг показал мне его послание: «Боже, в каком я положении! Такого и врагу не пожелаешь. Если вы, наилучший из друзей, не поможете мне, я погибну вместе с бедной больной женой и ребенком». И т. д. Как все художественные натур, он несколько преувеличивает — и нищету свою, и ее болезни. Кстати, сей «наилучший из друзей» дал ему деньги. На эти деньги Констанца отправилась сейчас на курорт. Кажется, она там поправилась слишком быстро. И, видно, веберовский темперамент сыграл с ней злую шутку.

Он пожаловался мне, что какой-то его знакомый, который вообще-то относится к женщинам с большим уважением, написал из Бадена о Констанце отвратительные дерзости. Но, видимо, и она тоже кое-что узнала. Во всяком случае, в письме, которое он при мне сочинял, он ей писал в начале: «Я не хочу, чтобы ты поступала так подло!..»

А в конце: «Не мучь ни себя, ни меня излишней ревностью! Умоляю! И ты увидишь, какими довольными мы станем! Лишь умное ровное поведение женщины может возложить узы на мужчину. Пойми это!» О, Моцарт!

ИЗ ДНЕВНИКА 1790 года.

Итак, умер дорогой император, и на престол взошел Леопольд II. Наш новый повелитель в отличие от прежних Габсбургов отнюдь не знаток музыки.

Хотя недурно играет на лире. Как всегда при новом царствовании, все прежние фавориты тотчас потеряли места.

Уже утром Моцарт появился в моем доме. Он был так взволнован, что забыл о приветствии. Наш разговор (кратко):

Моцарт: Неужели это правда? Неужели Сальери...

Я: Совершеннейшая правда. Новый император сказал: «Этот Сальери невыносимый эгоист. Он хочет, чтобы в моем театре ставились только его оперы и в них пели только его любовницы». Вчера наш Сальери ушел в отставку. На его место назначен молодой Йозеф Вайгель.

Моцарт: Значит, я могу рассчитывать на место Второго Капельмейстера? Я написал прошение, дорогой барон. У меня большие надежды. Я предчувствую! Неужели я стою у врат своего счастья? Вы не представляете, как мне нужны сейчас деньги. Это жалование спасет меня. Вы передадите мое прошение, барон? Я здесь упоминаю: Сальери совершенно пренебрегал церковной музыкой. Я же...

Он еще что-то лихорадочно говорил... Я взялся передать его прошение.

И хотя мне жаль Моцарта, но во имя музыки... Короче. Передавая прошение императору, я сопроводил его необходимым комментарием.

ИЗ ДНЕВНИКА 1790 года.

Итак, он не получил место Второго Капельмейстера. Но вместо того, чтобы покориться судьбе, этот безумец продал все бывшее в доме серебро и на свой страх и риск отправился во Франкфурт-на-Майне. Там свершалась коронация. И хотя Моцарта на нее не приглашали, он решил попытаться счастья у нового императора и заодно заработать деньги во время путешествия. Как он хочет вырваться в прежнюю жизнь! Сегодня я навещил Констанцу. Эта баллаболка охотно мне показала все последние письма мужа.

Вот что он писал ей:

«Моя любимая. Мы великолепно отобедали под божевственную застольную музыку. Райское гостеприимство и восхитительное мозельское пиво. Какую великолепную жизнь мы проведем, когда я вернусь. Я мечтаю работать. Так работать, чтоб мы никогда более не попали в столь фатальное положение».

(Замечу: он сочиняет сейчас, не гнушаясь самым мелким заработком. Он написал ей, что сочинил музыкальную пьесу для часов какого-то мастера!..)

«О, если бы это были большие часы и аппарат звучал как орган! Но инструмент состоит из маленьких дудочек... Ах, моя милая, это хвастовство, что в имперских городах хорошо зарабатывают. Люди здесь еще большие крохоборы, чем в Вене».)

Констанца пожаловалась мне, что сначала он писал ей дважды в день, но через некоторое время... письма прекратились. Она вздохнула и сказала мне: — Я слишком хорошо знаю своего супруга. Он опять... не смог устоять. Мой бедный... Я тотчас написала ему сердитое письмо...

Длиннейшее послание, полученное в ответ, она с гордостью зачала мне, периодически покрывая его поцелуями.

Вот что писал ей Моцарт:

«Ты сомневаешься в моем желании писать тебе и ты меня этим очень мучаешь. Ты должна все-таки знать меня лучше. Люби меня вполночь, как я люблю тебя — и я буду счастлив... Когда я писал предыдущую страницу, у меня упало несколько слезинок на бумагу. Но позабавимся: лови! Не видишь? Вокруг летает удивительно много моих поцелуйчиков! Что за черт! Я вижу еще множество! Х-ха! Три поймал. Они — прелестны!».

— Вы видите, как он раскаивается, — сказала она вздохнув. — ... Нет, на него нельзя сердиться.

И покрыв в очередной раз поцелуями грязную бумагу, она продолжила чтение его письма:

«Боже мой, как я стремлюсь к тебе. Я совсем не могу оставаться в одиночестве. Надеюсь между 9 и 10 июня снова почувствовать тебя в своих объятиях. Я придумал нам новые имена: я — Пунктити, моя собака — Шаманатски, ты будешь — Шабле Пумфа... Ха-ха-ха!»

Все — напрасно! Он неисправим!

ИЗ ДНЕВНИКА. 1791 год, май.

Мне стало известно: около Моцарта появился еще один гениальный проходимец — Иоганн Шиканедер. Он директор театра, он актер, режиссер и т. д. и еще величайший распутник. Все, что наживает, тотчас расточает. Но у этого мерзавца гениальное чутье. Он поистине человек театра. Говорят, что он масон и состоит в одной ложе с Моцартом. На днях Моцарт сообщил мне, что этот Шиканедер заказал ему волшебную оперу.

Констанца — в очередной раз в Бадене на очередные деньги купца Пухберга, и Моцарт поселился в театре Шиканедера. Сегодня я решил его навестить.

Театр находится во Фрайхаузе. Это длинная трехэтажная постройка с бесчисленными лестницами и дворами. Театр — в шестом дворе. Там прелестный сад и садовый домик, где я и нашел Моцарта. Весь город уже наполнен слухами о самой бурной жизни, которую устроил Моцарту Шиканедер. Называют певичку из театра — мадам Герль. Но я застал Моцарта за чистым столом, заваленным партитурой. Никаких следов распутства или попойки. Напротив, было видно, что он сочинял всю ночь.

Вернувшись домой как обычно, я записал весь наш разговор.

Моцарт: Я безумно скучаю по Штанци, барон, и я поехал в Баден. Пока она принимала ванны, я решил сделать ей сюрприз. Я попытался влезть в ее окно, чтобы встретить ее в доме... Лезу и чувствую — меня хватают за пятку. Оказывается, какой-то офицер увидел мои упражнения и решил, что я вор. Он пытался заколоть меня шпагой, он никак не мог поверить, что я лез в окно к собственной жене.

Он залился смехом.

Я попытался вернуть его к музыке.

Я: Итак, вы пишете волшебную оперу. Весьма легкомысленный жанр.

Моцарт: Зато 200 дукатов. Это поистине находка в моем бедственном положении...

Он сыграл мне песенку из будущей оперы. И я понял: он опять вернулся в оперу-буфф. Опять! Будто не было «Дон Жуана»! Он увидел, что мне не понравилось. И сказал:

— Ну что ж, моя совесть чиста. Я сразу предупредил Шиканедера: если вас постигнет беда, я не виновен. Я никогда не писал волшебных опер.

После чего он вновь решил меня порадовать рассказом о любви к жене: он захотел непременно прочесть свое последнее письмо к Штанци. Пока он читал его нежным своим тенором, я немного задремал. И проснулся, когда он дочитывал последние строки:

«Будь здорова! И радостна. Ибо только если я уверен, что у тебя нет ни в чем недостатка — мои труды мне приятны. Желаю тебе самого хорошего и, главное, веселого. Не забудь воспользоваться твоим застольным шутом...»

(Замечу: шутом он называет боготворившего его музыканта господина Зюсмайера, которого послал помогать беременной Констанце. Он обожает превращать в шутов любящих его людей.)

«Почаще думай обо мне, люби меня вечно, как я люблю тебя, и будь вечно моей, Штанца, как я буду вечно твоим... Штукамер-паппер... Шнип-шнап-шнелпер-спай, ха-ха-ха и прочие дурачества... Это еще не все. Дай шути Зюсмайеру пощечину и скажи при этом, что ты хотела убить муху... Ха... ха-ха. Лови. Би-би-би. Три поцелуйчика подлетают к тебе, сладкие, как сахар».

Он сидел по уши в долгах и хохотал. И тогда я окончательно понял: я идиот. Деньги, нищета... на самом деле не затрагивают его глубоко. Решить, что нищета сможет помочь ему родить поистине строгую музыку? Какая глупость. Все эти ужасные слова, которые он пишет мне и купцу Пухбергу... все это только снаружи. Внутри он по-прежнему остается веселым и легким Моцартом. И вот тогда, говоря языком моего отца — лейб-медика, мне и пришло в голову «сильнодействующее средство».

*Сейчас, когда
слава Моцарта
растет с каждым днем,
у Сальери бывают
странные нервные
припадки.*

*Я даже слышал, что
порой, пугая домашних,
он вопит, что убил
Моцарта.
Ну что ж — хоть один
из нас — признался!*

ИЗ ДНЕВНИКА. 16 сентября 1791 года.

В 6 часов пополудни ко мне явился Моцарт. Он вернулся недавно из Праги, где состоялась премьера его новой оперы. (Нет-нет, это не волшебная опера, которую ему заказал Шиканедер.) Это заказ чешских сословий по случаю коронации нашего императора Леопольда чешским королем. Я слышал, что эта новая опера провалилась в Праге. Императрица назвала ее «немецким свинством». Вот запись нашей беседы.

Я: Рад вас обнять, мой дорогой Моцарт. Вы выглядите усталым.

Он хотел что-то ответить, но сильно закашлялся.

Моцарт: Простите, после возвращения из Праги я все время болею. И принимаю лекарства.

Я: Я так надеялся повидать премьеру волшебной оперы.

Моцарт: Мне пришлось все отложить. В доме совершенно нету денег. А тут Господь послал нам сына. И вдруг счастье: пришел этот заказ из Праги. Господь опять не оставил нас.

Он вновь закашлялся.

Моцарт: Заказ не терпел отлагательств. Я подумал: если вдруг умру — у Констанцы ничего нет! Один долги. А тут сразу 200 дукатов! И я писал оперу в карете, в гостинице... спешил, спешил успеть к торжествам... всю жизнь, дорогой барон, я спешу... 200 дукатов! Но сразу столько расходов! Констанца опять уехала в Баден на воды, а я не могу жить один. И вот теперь я опять спешу... заканчиваю «Волшебную флейту»... так мы пока называли оперу... может быть, придумаю название получше... Но меня очень беспокоит, барон, совсем иная работа. Мне пришлось ее также отложить из-за пражских торжеств.

Он был бледен — ни кровинки.

Моцарт: Это случилось в июле. Мы готовились ко сну, когда пришел этот человек. Это был худой, очень высокий мужчина... в сером плаще, несмотря на душный вечер. Он принес мне письмо без подписи. В письме было множество лестных слов по моему адресу. В конце было три вопроса: не хочу ли я написать музыку погребальной мессы? За какой срок и за какую цену? Я уже как-то говорил вам: я и сам мечтал потрудиться в церковной музыке. Но это письмо отчего-то меня взволновало. Штанца удивилась моим колебаниям. И я согласился. Но потребовал 100 дукатов и не связывать меня сроком. Если быть искренним, я поставил эти условия в надежде, что аноним откажется. Я не могу объяснить, почему этот заказ так меня встревожил. Но вскоре серый господин явился вновь, передал 100 дукатов и согласился на все мои условия. С какой-то странной улыбкой он предупредил: не следует трудиться и узнавать имя заказчика, ибо узнать все равно не удастся... Хотя я не был связан никаким сроком, я тотчас начал трудиться. Я работал день и ночь, я отодвинул даже волшебную оперу. И в этот момент последовал заказ из Праги. И я вынужден был оставить Реквием. В Праге я провалился.

Я: Ну что вы, милый Моцарт, просто трудно было слушать серьезную оперу во время таких торжеств.

Моцарт: Нет, нет, я провалился. Это моя первая неудача в Праге. И я не сомневаюсь: это наказание за то, что отодвинул Реквием. Когда мы с Констанцей уезжали в Прагу и уже сажались в карету, я увидел руку на ее плече. Это был он!.. Серый незнакомец. Он спросил: «Как дела с Реквиемом?» Я извинился, объяснил обстоятельства. Обещал взяться сразу по возвращении. И вот — опять не удается. Шиканедер требует завершения «Волшебной флейты». Но все равно: он — со мной.

Он был невменяем. Он бормотал: «Я ясно вижу его во снах. Он торопит. Негодует. И знайте, барон: мне все больше кажется, что это не просто Реквием. Это Реквием для меня самого».

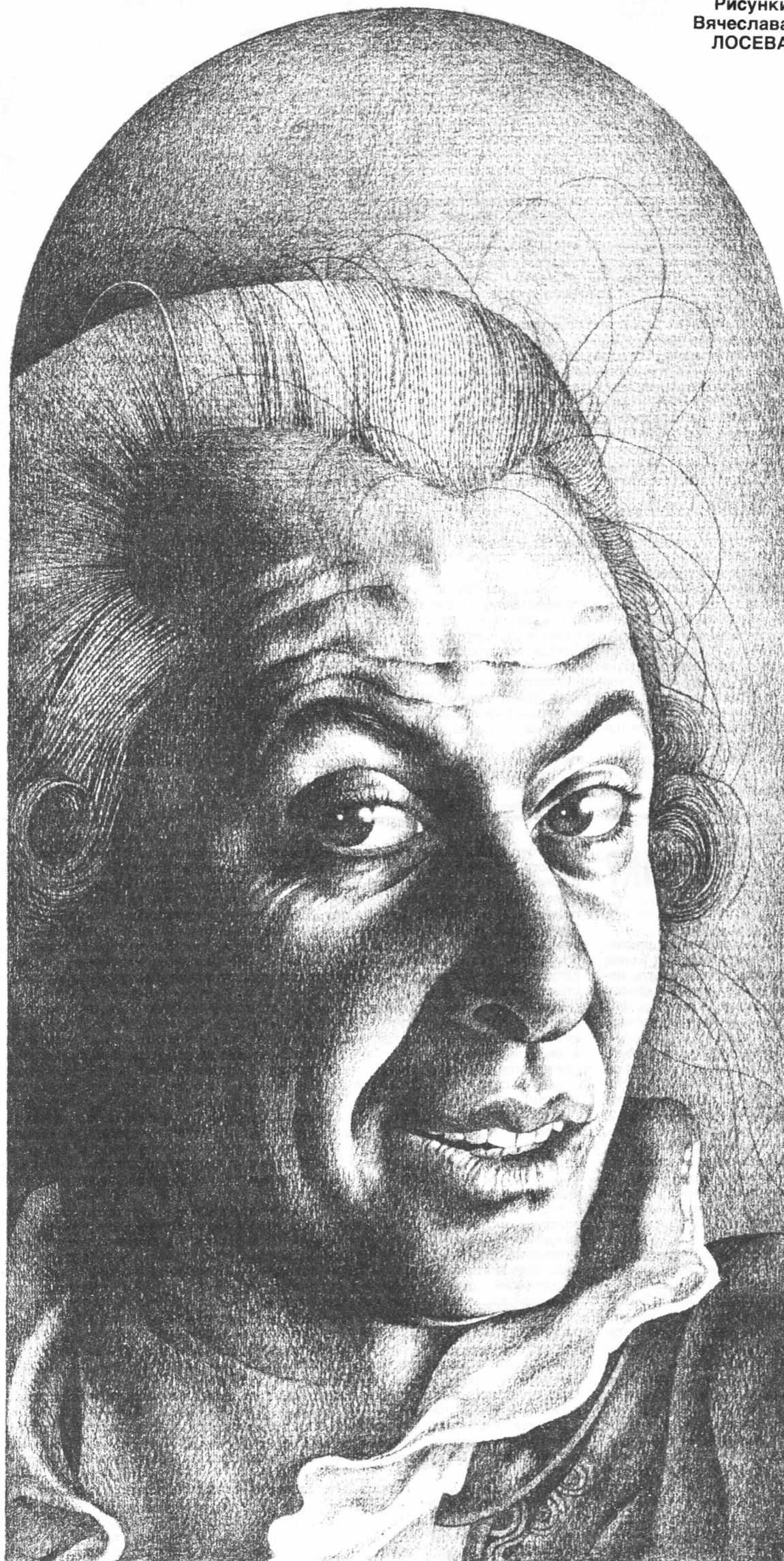
Да, впервые я видел его до конца серьезным. Ибо он... он уже был охвачен грядущей смертью. А я... я — ощущением того великого, что он создаст. Создаст — благодаря мне!

Мое разъяснение

Все началось в доме моего давнего знакомого графа фон Вальзег цу Штуппах. Граф — отличный флейтист. Он держит прекрасный оркестр. Но у него слабость: он мечтает прослыть композитором, хотя ленится сочинять. Он предпочитает тайно заказывать музыку хорошим композиторам. Недавно умерла его жена, Царство ей Небесное. И вот когда я приехал засвидетельствовать соболезнование, граф обмолвился, что желает сочинить Реквием по случаю ее кончины.

Я: Это достойная мысль, граф. Я с нетерпением буду ждать вашего сочинения. В церковной музыке мало кто может с вами соперничать... Ну разве что... Моцарт.

По его глазам я понял: он внял моему совету. В это время в комнату вошел его служащий, господин Лойтгем... Я знаю этого господина: это он обычно выполняет подобные деликатные поручения. Он

длинный как жердь и худой как смерть. Вечно серой одежде. Я легко представил, что случится, когда он явится к впечатлительнейшему Моцарту и закажет Реквием. Да. Я не ошибся!

ИЗ ДНЕВНИКА. 14 октября 1791 года.

Я продолжаю пожинать плоды. На днях был на премьере «Волшебной флейты». Зал переполнен. Моцарт ввел в мою ложу Сальери и его любовницу — певицу госпожу Кавальери. Сальери как всегда начал рассказывать о своих триумфах. Я давно примирился: жрецы искусства с интересом могут говорить только о себе. В кульминации рассказа, к счастью, погас свет и заиграли увертюру. Опера прошла великолепно. Даже Сальери был растроган и впервые забыл говорить о себе. Когда вошел Моцарт, Сальери его обнял. Привожу их знаменательный разговор:

Сальери: Опера достойна исполняться, дорогой Моцарт, перед величайшим из монархов. Это — «опероне».

(То есть — оперище.)

Сальери: Я обнимаю вас, великолепно вы, великолепно певцы, великолепно все!

(От себя добавлю: в течение действия я все думал — неужели это то, что совсем недавно он играл мне? Вот уж поистине волшебная опера, так в ней все волшебным образом преобразилось! Вместо оперы-буфф родился этот фантастический слиток возвышенной печали и сверкающего смеха. И какой вкус! Гений — это вкус.)

Сальери: Какая прекрасная идея: одеть пустячную сказку в философские масонские одежды. Масонские символы в опере прекрасны.

Один я знал: не в масонских символах дело. За оперой маячила тень Реквиема. Сладкий привкус смерти. О нет, не масоны! Моя выдумка родила сегодняшнее чудо.

ИЗ ДНЕВНИКА. 17 ноября 1791 года.

Только что от меня ушла Констанца. Вот запись этой очень важной беседы.

Констанца: Я не знаю, что делать! Я схожу с ума. Уже три недели, как я вернулась из Бадена и нашла его совершенно изменившимся. Он не выходит из дома. И сидит, и сидит над этим проклятым Реквиемом.

(Я не мог сдержать лихорадочных вопросов: «Ну как?! Как?!»)

Констанца: Реквием почти закончен, но я принуждена отобрать его у Моцарта.

Наверное, я поблуднел.

Я: Вы... сошли с ума?!

Она была удивлена моим волнением.

Потом сказала: «Прочтите это письмо. Я нашла его на столе. Он написал его Да Понте».

Я начал читать... Это — длинное письмо, где были действительно страшные строки:

«Я не могу отогнать от глаз образ неизвестного. Постоянно вижу его перед собой. Он меня умоляет, торопит и с нетерпением требует мою работу. По всему чувствую, что бьет мой час. Я кончил прежде, чем воспользовался моим талантом. Жизнь была так прекрасна, карьера начиналась при таких счастливых предзнаменованиях!.. Я понял, передо мной моя погребальная песнь».

— Он и мне написал столь же ужасное, — сказала она, когда я закончил это письмо. И она прочла мне вслух несчастным голосом: «Я не могу тебе объяснить, дорогая, мое ощущение. Это некая пустота, она причиняет мне почти боль... Какая-то тоска, которую никак не утишишь. Она никогда не пройдет и будет расти изо дня в день».

— Мне страшно! — сказала она всхлипывая. — Вчера мы гуляли по Пратеру, и он вдруг заплакал, как ребенок. И сказал: «Я слишком хорошо понимаю: я долго не протяну. Конечно, мне дали яд. И я не могу отделаться от этой мысли».

Я: И кто же ему дал яд?

Констанца: Он говорит — Сальери. Он привез Сальери на премьеру, и потом они ужинали вместе.

Я: Что за чепуха!

Констанца: Он невменяем, господин ван Свитен. И поэтому я отобрала у него Реквием. И помогло: он немедленно успокоился. Прошло уже две недели без Реквиема... Слава Богу, здоровье его улучшилось. Он сумел закончить масонскую кантату и даже ее продирижировал... но вчера он опять потребовал назад Реквием. Я пришла спросить у вас совета, барон: как отвлечь его от этой ужасной мысли?

Я был в ужасе: неужели эта глупая курица не даст завершить? Лишит меня величайшего наслаждения? И музыке — величайшего творения?

Я: Дорогая Констанца, конечно, вы можете не возвращать ему Реквием. Но тогда вам следует подумать: как вернуть взятые 100 дукатов?

Я хорошо ее знал.

Она почти закричала: «О, нет! Нет! В доме совершеннейшая пустота. Поверьте, ни флорина! Все продано!.. — И добавила нетвердо: — А может быть, вернуть ему Реквием?.. Он уже окреп. И вчера сам смеялся над своими бреднями об отравлении...»

ИЗ ДНЕВНИКА. 1 декабря 1791 года.

10 дней назад она вернула ему Реквием. Помню, я навесил его на следующий же день. Он отплясывал с Констанцей.

Танцуя, он прокричал мне: «Не удивляйтесь, барон! У нас закончились дрова, и мы сейчас танцуем попросту, чтобы согреться! Ха! Ха! Ха!»

В тот день он вернулся к работе, и все последующие дни он работал, работал, работал над Реквиемом. Над нашим Реквиемом. Правда, через несколько дней такой работы он слег в постель. И больше уже не встает.

ИЗ ДНЕВНИКА. 5 декабря 1791 года. Утро.

Только что вернулся от покойного. Всю ночь я не покидал его комнаты и трудился рядом с телом. После разбора его писем я решил подступить к партитуре Реквиема. К главному! Как я откладывал, как я боялся разочарования, но медлить более было нельзя, рассвет начался за окнами. И я взял в руки партитуру... Свершилось! Свершилось! Какая красота... Божественная красота... Если в «Дон Жуане» он содрогнулся от грядущей встречи с предвечным, здесь он сам к ней стремится... Тот мир — вершина человеческих стремлений. Страшный Суд и Милосердие Божие — цель жизни. Дух вечности — это и есть Реквием. Я плакал. Какая трагедия, что он не закончен. На люпित्रе я прочел его распоряжения Зюсмайеру, как завершить Реквием после его смерти. А под этими распоряжениями я нашел три письма. Это были письма самого Моцарта. Одно было написано после смерти матери, другое — по дате — перед смертью его отца...

Вот они:
«9 июля 1778 года. Моя мать умерла. В моих печальных обстоятельствах я утешаюсь тремя вещами: совершенным смирением, с которым я предаюсь Воле Божьей, столь легкой и прекрасной ее смертью и тем, сколь счастлива она стала спустя мгновение. Насколько она счастливее, чем мы. В этот момент я пожелал отправиться в путь вместе с ней. И с сего желания, и с сего страстного моего стремления раз-

вилось и третье мое утешение: она не потеряна для нас, мы свидимся еще с нею».

«Дражайший отец! Смерть — истинная и конечная цель нашей жизни. За последние два года я столь близко познакомился с этим подлинно лучшим другом человека, что ее образ не только не несет для меня теперь ничего ужасающего, но, напротив, в нем все успокаивающее и утешительное. И я благодарю Господа за то, что даровал мне эту счастливую возможность познать смерть, как ключ к нашему блаженству. Я теперь никогда не ложусь спать, не подумав, что, может быть, и меня... как я ни молод... на другой день более не будет. И все-таки никто не может сказать, чтобы в обществе я был бы угрюмым или печальным. За блаженство сие я каждый день благодарю Творца».

Я стоял неподвижно над этими письмами. Так вот что он перечитывал, когда писал Реквием!

Так вот что тайлось под его веселой маской. Значит, этот суетливый человечек в дурновкусных камзолах все понимал?

И я начал читать его третье письмо.

«Я всегда помню о Боге и сознаю Его всемогущество, и страшусь Его гнева. Но я сознаю Его любовь и сострадание и милосердие к своим творениям. Он никогда не покинет своих слуг... И если что свершится по Его воле — то, значит, и по моей...»

Я упал на колени и молился, и просил: «Господи! Господи! Прости меня!»

Уже уходя из комнаты на исходе ночи, я... столкнул его маску, и она разбилась...

Теперь остались только звуки.

ИЗ ДНЕВНИКА. 6 декабря 1791 года.

Сегодня в 3 часа пополудни мы собрались в Крестовой капелле в соборе Святого Стефана. Здесь состоялось отпевание Моцарта. Кроме меня, были его ученик Зюсмайер, несколько музыкантов. И Сальери. Мне не хотелось идти вместе с этой толпой к кладбищу, и по окончании отпевания я сказал:

— Видимо, сегодня будет снег с дождем.

Этого было достаточно, чтобы все эти господа охотно отправились по домам. Хотя было очень тепло: 3 градуса и при полном безветрии. На оплаченных мной погребальных дрогах гроб в одиночестве отправился по Гроссе Шуллерштрассе на кладбище.

Сальери провожал меня домой. Вот он, наш разговор.

Сальери: Вдова не пришла.

Я: Она лежит дома почти без чувств.

Сальери: С какой охотой все они разошлись. Я: Видимо, грустно смотреть, как гения отправят в могилу для бедных.

Сальери: Если бы я знал... Почему вдова не обратилась ко мне?! Я охотно дал бы денег.

Я: Это говорят теперь все. Но втайне радуются, что не обратилась. Кстати, Сальери, почему вы сами не обратились к вдове? Вы ведь знали, что он нищий.

Сальери: А вы?

Я: Я скуп.

Сальери: Как быстро закончилась жизнь, начавшаяся так блестяще.

Я: Ну что вы, Сальери. Все у него только начинается. Теперь и вы... и я... и император, и все мы только и будем слышать: МОЦАРТ! Теперь все мы лишь его современники. Люди обожают убить, потом славить. Но они не захотят признать... никогда не захотят, что они... что мы все — убили его. Нет-нет, обязательно отыщут одного виноватого... И я все думаю: кого они изберут этим преступником, этим бессмертно виноватым? И я понял.

Сальери: Кого же?

Я: Вас. Он ведь вас не любил. Так не любил, что даже жене пожаловался, что вы его отравили.

Сальери: Какая глупость!

Я: Отчего же? Ведь вы травил его, Сальери. Вы не давали ему поступить на придворную службу. А где травил, там и отравили. Какая разница. Ведь вы поэтому пришли на отпевание. Замолить грех. Но поздно, милейший.

Мне нравилось пугать этого самовлюбленного и, в сущности, доброго глупца.

ДОБАВЛЕНИЕ ИЗ ДНЕВНИКА 1801 года.

Сальери воспринял слишком всерьез все, что я когда-то ему сказал. Сейчас, когда мое предсказание сбылось, когда слава Моцарта растет с каждым днем, у Сальери бывают странные нервные припадки. Я даже слышал, что порой, пугая домашних, он вопит, что убил Моцарта.

Ну что ж — хоть один из нас — признался!

ИЗ ДНЕВНИКА 1792 года. Февраль, 17-е.

Сегодня в Вене в зале Яна по поручению госпожи Констанцы Моцарт я, Готфрид ван Свитен, с большим успехом исполнил Реквием Вольфганга Амадея Моцарта.

Все права на повесть принадлежат автору.

МОЖЕТ, ТЫ ЖИВ, СЫНОК?

Наш сын, Сергей Викторович Бондаренко, 1972 г. р., был призван в армию в декабре 1990 года. Сначала «учебка» в г. Алуксне (Латвия), с мая по конец июля 1991 года служил в ВВС Читинского гарнизона (в/ч 32/942). Часть небольшая: около 30 человек, из них (в момент прибытия Сергея) 25 узбеков и 5 русских, при этом 20 старослужащих и 5 отслуживших полсрока. Мы тревожились за сына, он писал, что его, единственного новобранца, избивают, подвергают оскорблениям и унижениям.

Переживая за Сергея, 6 августа позвонили в часть узнать, как у него дела. Представьте наше состояние, когда мы услышали, что еще 30 июля он самовольно покинул часть.

11 августа прилетели в Читу и пробыли там почти месяц, до 2 сентября, в поисках сына. Командир части майор Кайшев хорошо отзывался о Сергее, уверяя, что ничего особенного не произошло и что он найдется. Там же, в Чите, военный дознаватель (следователь) сообщил о якобы оставленных Сергеем записках, в которых он объяснял свой побег. Зам. военного прокурора Карпов и следователь Герасимов подтвердили наличие этих записок, однако не показали их, несмотря на наши просьбы. Причиной побега, как они сообщили, послужили невыносимые условия службы, созданные пятью солдатами-узбеками. Нас заверили, что будет объявлен розыск. Впоследствии оказалось, что розыск объявлен не был.

Вернувшись домой фактически ни с чем, мы дали запрос в Читу, требуя выслать фотокопии записок сына. Ответа не последовало. В октябре я, мать Сергея, приехала в Москву на съезд солдатских матерей и вместе с делегацией солдатских матерей Украины была принята министром обороны Е. И. Шапошниковым. От имени маршала Шапошникова был сделан запрос в Читу о судьбе сына с требованием выслать фотокопии. Мы жили надеждой: если уж сам маршал потребовал... В ноябре был получен ответ, в котором рядовой Бондаренко характеризовался положительно. Однако указывалась уже новая версия побега: сын якобы испугался наказания за пропажу консервов со склада, где он служил в последнее время. О фотокопиях — ни слова...

Срочно 14 ноября был сделан запрос через Главную военную прокуратуру (27 декабря Читинская военная прокуратура уведомила всего лишь о приобщении запроса к материалам дела). Одновременно при содействии Комитета по делам военнослужащих и членов их семей (тогда еще при Президенте СССР) был запрошен штаб ВВС в Чите. 15 ноября по телефону из Комитета сообщили, что, по предварительным данным штаба ВВС, Сергей покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна казармы еще в АВГУСТЕ 1991 года, то есть когда мы были в части. И вот 25 ноября военный прокурор лично сообщил нам, что сын покончил жизнь самоубийством еще 30 ИЮЛЯ.

По новой версии сын выбросился при свидетелях из окна не казармы,

а жилого дома рядом с частью. Невозможно поверить, что к моменту нашего первого приезда (11 августа) командование, военная прокуратура не знали о трагическом случае, происшедшем в двух шагах от части. Как расценить, что вызванный к месту происшествия военный следователь Бирюзов отказался признать в погибшем, на котором была военная форма, военнослужащего? Бирюзов ввел к тому же в заблуждение гражданского следователя ложным утверждением, что номера на одежде и обуви солдат должны совпадать с номером части, а не с номером военного билета. Впоследствии военпрокуратура Читы объяснила это вопиющее некомпетентное утверждение халатностью Бирюзова.

Нет сил описать, что пережили, и все страшные подробности, в результате которых выяснилось, что Сережа был захоронен 10 сентября как неопознанное лицо, то есть спустя несколько дней после нашего отъезда из части и безуспешных поисков. Захоронили совершенно разложившиеся останки, так как гражданский следователь, приняв и отложив «спихнутое» ему Бирюзовым дело, отбыл в отпуск. А в морге — якобы из-за аварии — не действовали холодильные установки.

В октябре происходит «состыковка» гражданского и военного следствия: командир части Кайшев опознает сына по фотографии тела; уже устанавливается, что номер на одежде и обуви соответствует номеру военного билета; производится эксгумация, констатируется совпадение роста (195 см) останков. После этого нас вызвали в Читу, познакомили с материалами следствия и предложили забрать останки.

Из-за многочисленных противоречий и неувязок, из-за вранья, которым спасали честь мундира, мы утратили доверие к следственным органам и командованию части. Мы потребовали проведения независимой повторной экспертизы останков, потребовали возбудить уголовное дело против солдат, действия которых довели Сергея до самоубийства (если вообще следствие не установит факт убийства и сокрытия его должностными лицами).

По сей день следствие не закончилось. Оно может тянуться бесконечно, потому что военные берегут свою «честь», а следственные органы не заинтересованы признать грубейшее нарушение уголовно-процессуальных норм. Мы потеряли сына. Сережа ушел служить крепким и здоровым, он был (и сегодня не можем поверить, что был) чистым парнем. Довели, что сам выбросился? Убили «старика» из-за банки тушенки?

Мы измучились, бега я по инстанциям. Всех страшных подробностей, когда вместо тела предлагают скелет (да еще не доказано, что это скелет нашего мальчика), не описать — нет сил. Мы хотим, чтобы останки Сергея, именно Сергея, а не другого человека, были перезахоронены на родине. Обещали, что их нам перешлют (ужасно, как посылку, как письмо) в январе. Но вот уже март...

Услышь, Господь, и помоги нам. Если так врут и военные, и гражданские власти, может, ты жив, сынок?

И. М. БОНДАРЕНКО, В. П. БОНДАРЕНКО,
родители Сергея
Горловка Донецкой области

Весной прошлого года в Ижевске появился человек-«невидимка», поднявший на ноги всю местную милицию. Последствия его преступлений кругами расходятся по стране до сих пор. Кругами, похожими на мишени.

А тогда в техническом институте издевательски дерзостно была ограблена оружейная лаборатория. Сомнений, что это совершил кто-то из своих, институтских, почти не оставалось, — посторонний не мог пройти двойную систему охраны и знать принципы работы сигнализации. Но откуда среди них, проверенных-перепроверенных, взялся профессионально опытному вору?

Восстанавливая по деталям картину преступления, розыскники невольно дивились изворотливости ума, хладнокровию и уверенности в себе матерого взломщика.

В смежном с лабораторией помещении находился женский туалет. Накануне «невидимка» засорил унитаз, перекрыл воду, а потом дверь с заранее снятой внешней ручкой забил толстыми гвоздями (имитация — вбиты откусенные шляпки). Все подготовив, приклеил табличку «Закрыто на ремонт» и с вечера заперся изнутри. Еще раньше, простучав, он нашел место под раковиной, где стену после прокладки труб заделали в полкирпича. Дождавшись, когда все разойдутся, легко пробил небольшую дыру.

Но была техническая трудность, с которой он справиться не мог, — один из приборов сигнализации фиксировал малейшее движение в запертой лаборатории.

Что ж, не сладить технически, так не попробовать ли — психологически?

Нырнув в пролом, он набросил на излучатель припасенную тряпку, закрыв «обзор», и стал ждать.

Вот затопала по коридору примчавшаяся по тревоге спецгруппа. Вот недоуменно переговариваются: «Здесь все в порядке. А у тебя?» — «Тоже не тронуть ничего. Может, там мышь пробежала, от нее сигнал?» — «Ладно, отбой тогда...»

Больше ему ничего не мешало. Вскрыв металлические шкафы, он со знанием дела отобрал 5 опытных и экспериментальных пистолетов-пулеметов, 3 автомата последних модификаций с насадкой для бесшумной стрельбы, 2 пистолета Марголина (предпочитаемые наемными убийцами), пистолет Макарова и кольт. Да еще боеприпасы.

И бесследно исчез, подбросив улики, которые повели расследование неверным путем.

Рассказывая о дознании, Владимир Сегал, начальник управления уголовного розыска МВД Удмуртии, не скрывал, что тогда «невидимка» их всех переиграл. Раз за разом они вытягивали пустую сеть. И «заводились» еще больше, получая информацию, что оружие распродается и вот-вот «заговорит».

«3аговорило» оно осенью, и опять там же, в институте, в подвальном помещении учебного тира.

Когда стрелявшего наконец арестовали, тот, привязанный на место преступления, поведал, как все происходило, обстоятельно и подробно, до мелочей.

13.40. Пора! Удача отворачивается от слабых. А он осторожен и предусмотрителен. Точность выверенных расчетов его никогда не подводила. Наперед и сейчас продуман «распорядок действий».

Напружиненный, внутренне подготовленный, он сунул за пояс пистолет Марголина с навинченным глушителем и спустился по лестнице в тир.

На нижней ступеньке все-таки сунул руку в карман, примерил в ладони газовый баллончик — может, и обойдется без крови.

Бесшумно пройти полутемным коридором не удалось — споткнулся о разбросанные арматурины.

Учебный мастер кричал у себя в конторке в телефонную трубку: «...нету лампы, так найдите свечу! Сварщик опять тут на стрельбище все пережег», — нажал на рычаг, отпустил, собираясь набрать другой номер. Хмуро спросил подходящего:

— Ты к кому?

Ответом был выстрел в упор.

Брезгливо вынул пальцем ключи и прошел в оружейку. Запутался в связке — не сразу сообразил, какой бородкой в какую замочную скважину сунуть.

Что за черт, в коридоре — шаги?

Выглянул — сварщик. У трупы потоптался, назад побежал.

С двух выстрелов уложил.

Взлетел по лестнице к двери — да, плохо закрыта была. Запер опять.

Вернулся, оглядя лежащих, в оружейную комнату.

Открыв один сейф, со вторым замучился. Вставил ключ, крутанул, поднажал... Заклинило наглухо. Ни туда, ни сюда. Достал монтировку, приладил...

— Эй! — послышалось сзади. — Ты что это тут?

Откуда взялся преподаватель, сообщать некогда. А пистолет — на верхней крышке первого сейфа. Нужно выиграть полсекунды.

— Чего, чего... — вяло отозвался, сделав шаг к открытой дверце. — Ограбить решил, да заело.

Цапнул рукоять, извернулся, нажал на курок.

Пуля вонзилась в носогубную складку. Вторая — шатающемуся — в висок.

Как же он появился? Через другую дверь, что ль, вошел?

Нет, хватит на сегодня судьбу испытывать.

Покидав в сумку инструмент, револьверы, пробивающие бронежилет, пистолеты и патроны из сейфа, метнулся к выходу.

А наверху кто-то ломится, барабанит. Четвертый?

— Заснулы вы там? — досадливый крик. — Свечку ему принеси, а открыть не догадается.

Опять побухал ногой. Сплюнул, ушел.

14.15. Путь открыт...

Участвовавший в расследовании полковник милиции Юрий Каргов, с которым я ездил на вызов (другого времени поговорить у него не было), вспомнил еще, что спросил, не боялся ли тот возмездия. «Я не сомневался в своем превосходстве над вами», — после паузы услышал ответ.

Во время гражданской панихиды, а потом и на траурном митинге проклятий в адрес бессильной милиции посылались не меньше, чем на голову разгуливающего на свободе монстра.

Но оперативно-следственные действия уже развернулись в небывалом масштабе.

Почти 700 специалистов отрабатывали различные версии, опрашивали и проверяли тысячи людей.

По описаниям, собранным от жителей прилегающих к институту домов, гуляющих с детьми мамаш, наблюдательных пенсионеров, получили расплывчатые приметы тех, кого видели у тира в те роковые полчаса. Черты лица, рост, полнота, одежда, что было в руках... Составили и размножили фотороботы.

Одна из подергиваемых, потихоньку вытягиваемых ниточек привела к группе, занимающейся восточными видами единоборств.

Те еще оказались «единоборцы»...

У сыщиков есть свои секреты, о которых бесполезно расспрашивать. Вот и заместитель начальника оперативно-розыскного бюро удмуртского МВД Виктор Вычужанин вместо ответа на многие вопросы только загадочно улыбался и разводил руками. Придется ограничиться констатацией фактов.

К концу третьей недели недели круглосуточной работы вышли на «единоборцев», через несколько дней установили, что это разбойная банда, и выявили ее закомспирированные связи. Стололы, выкраденные в лаборатории и тире, через их руки распространились по городу и далеко за его пределы.

А когда вычислили, что разыскиваемые «невидимка» и убийца — одно и то же лицо и кто именно, — оторопели. Не может быть! Родители — известные и уважаемые люди. Сам — прекрасный семьянин и счастливый отец. Кристальная биография. Неутомимый активист. Всеобщий любимец. Студент-отличник с видами на «красный» диплом. И ведь проверяли дважды — оказался вне подозрений.

Надо заставить «раскрыться».

И придумали акцию «разборки», узнав, что пермская группировка, смертельно обиженная «единоборцами», собирается сводить с ними счеты.

Роль пермяков взял на себя спецназ. Заезжим мстителем местная уголовка подготовила жестокий отлуп. К полудню в назначенном месте в лесу собрались все «паханы». Боевики разошлись по секторам обстрела. Двенадцать человек обеспечивали прикрытие.

Разведка по радиации сообщила — едут. Потом — что машины с пермскими номерами вошли в поворот и дорога за ними заблокирована развернувшимся КамАЗом, не уйдут.

Все по плану. Ловушка захлопнулась.

Вышли встречать.

А через минуту были положены и боевики, и охрана, и главарь.

Получив уличающие показания, поехали брать «невидимку».

В одном из кабинетов республиканского МВД перед ним разложили изъятые при обысках вещественные доказательства, акты проведенных экспертиз, документальные свидетельства.

Тонкий аналитик, он не стал от всего отпираться или уходить в глухую молчанку. Чистосердечное (экая казуистика!) признание и содействие расследованию оставляли единственный шанс уйти от неминуемой «вышки».

Спокойно, иногда чему-то усмекаясь, он рассказывал, как готовил и совершал задуманное. Да, был идейным и правотворным, пока не открылась изнанка действительности. Все прежние ценности оказались ложными. Честным приличного места здесь нет. Власть над жизнью у тех, кто силен и умен. Вот только кровь проливать не хотел. Но не смог вовремя отступить.

Он говорил и говорил, словно исповедовался, облегчая душу.

Выговорившись, надолго замолчал.

А сейчас от всего отказывается.

Сколько таких «невидимок» наращивает капитал на «огнестреле», точно не известно. Но желающих много. С чего это вдруг в отделы кадров повалила неожиданно молодежь, просясь на работу сборщиками на конвейер, охранниками или учениками слесаря-оружейника?

За последний год столица Удмуртии — монополист по выпуску АКМов — у всех на глазах стала превращаться в крупнейший центр нелегальной торговли оружием, один из наиболее криминогенно опасных городов.

Каждый день из тех, что я был в Ижевске, сотрудники милиции проводили облавы на плодящиеся группировки, изымая за раз по 2—3 ствола. И каждый день поступали сообщения о хищении то ящика пистолетов, то партии ружей, то автоматов, то об обнаружении подпольного цеха по их сборке.

Сейчас все гостиницы здесь переполнены посланцами из «горячих» точек и регионов с самым высоким уровнем преступности. Это и поставщики «наркотов», и посредники, и «купцы», перепродающие сюда захваченные при нападениях частные автомобили.

Цена соблазнительна — на черном рынке за три «калашниковых» дают «Жигули»-девятку. Преступный оружейный бизнес омутом всасывает все новых и новых людей.

Уголовная среда наращивает силы быстрее, чем правоохранительная. Каналы утечки «самопалов» из заводских цехов расширяются. Как их перекрыть, я не знаю. Но знаю, что если оружие бесконтрольно, оно будет стрелять из-за угла. Стрелять в нас словно по живым мишеням.

И мы это позволим?

Тир, где убивают

Эмили ДИКИНСОН

БАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ

Я УМЕРЛА ЗА КРАСОТУ

Я умерла за Красоту.
Но лишь плитой закрыли прах,
Как умерший за Правду был
Положен рядом — в двух шагах.

— За что ты здесь? — он прошептал.
— За Красоту, — сказала я.
— А я за Правду — что одно
И то же — значит — мы родня —

Так мы шептались дотемна
Сквозь стены двух родных могил —
Покуда Мох не тронул Губ
И наши Имена — не скрыл.

АУКЦИОН РАЗЛУКИ

Аукцион Разлуки —
Жестокий ритуал —
Как будто в крест вогнали гвоздь —
И молоток упал.

Его товар — Пустыня.
Обычная цена —
Две человеческих Души —
А иногда — одна —

НИЩЕТА

Два раза я теряла все —
Вот так же, как теперь —
Два раза — нищей и босой —
Стучала в Божью Дверь.

И дважды — с Неба — мой урон
Был возмещен сполна —
Грabitель мой! Банкир — Отец!
Я вновь разорена.

СМЕРТЬ ЦВЕТКА

Так обреченно под удар
Суровых зимних Сил
Подставил голову Цветок
И — обезглавлен был.

Лихой Убийца мчится прочь —
А Солнышко с высот,
Оглядывая Божий Мир,
И глазом не сморгнет.

ПАСМУРНОЕ УТРО

На небе — муть, под небом — хмурь,
Просвета не видать.
Снег на дворе все не решит —
Идти или перестать —

И Ветер — жалуясь — бубнит
Все утро — ах да ох —
Природу можно — как и нас —
Порой застать врасплох.

НЕТОПЫРЬ

В своем морщинистом Плаще
Он пылен, как Поля,
И Песен не слышал никто
Из уст Нетопыря.

Философ и Анахорет —
Он в сумерках раскрыл
Замысловатый Зонтик свой
Из двух шершавых Крыл!

С каких слетел он вещей Сфер —
С каких волшебных Гор —
Какие Чары древние
В нем дремлют до сих пор? —

Лишь Мастер, сделавший его,
Все знает до конца —
Поверьте — благоволит
Чуждества Творца.

Я УМЕРЛА ЗА КРАСОТУ

Сто тридцать лет назад, в апреле 1862 года, критик Томас Хиггинсон получил робкое письмо от неизвестной молодой женщины. Оно начиналось так: «Мистер Хиггинсон, если вы не слишком заняты, ответьте, пожалуйста, есть ли в моих стихах что-нибудь живое?» Критик прочел стихи, нашел их весьма оригинальными, хотя и далекими от совершенства, и даже взял на себя труд кое-что поправить и «пригладить». Вряд ли он понял, что произошло чудо, — случай познакомил его с величайшей за все времена поэтессой Соединенных Штатов — Эмили Дикинсон (1830—1886).

«Любовь Камен с враждой Фортуны — одно...» — писал Баратынский. Мы знаем трагические судьбы поэтов и, сострадая им, в глубине души ощущаем справедливость этой несправедливости. Должно быть, такой великий — и уходящий далеко за границы жизни — дар не может быть получен просто так, но лишь в обмен на что-то существенное здесь, на земле. Судьба будто бы обделила Эмили Дикинсон — ни своей семьей, ни положения в обществе, ни крохи славы — никто даже не знал, что после первых малоудачных попыток напечататься она продолжала писать стихи; сестра была удивлена, обнаружив после ее смерти рукопись, содержащую почти тысячу стихотворений.

Она практически ни разу не уезжала из своего родного городка Амхерста, а после 30 лет постепенно перестала даже выходить из дома. Что сделало ее затворницей — ранняя ли смерть любимого человека, самоуглубленный склад характера или ранимость? Мы можем лишь гадать, прикасаясь — в стихах — к безмерной нежности и щедрости этой души.

Поэзия Э. Дикинсон настолько опередила свое время, что лишь в середине XX века был вполне осознан масштаб этой фигуры; лишь в 1955 году появилось полное и неискаженное собрание ее стихов. На фоне обстоятельных поэм Генри Лонгфелло и эпического размаха Уолта Уитмена эти короткие — редко больше 12 строк — и негромкие стихи поражают своей емкостью, лирической дерзостью и удивительно доверчивой интонацией.

«Это мое письмо Миру, который никогда не писал мне — простые новости, которые поведает Природа — нежно и величаво. Ее послание передаю в незримые мне руки — Из любви к ней — милые земляки — думайте с нежностью — обо мне».

Я дал дословный, прозаический перевод, чтобы подчеркнуть, как трудно уложить его в русские стихи — каждое слово важно, даже каждое тире — задолго до Цветаевой Эмили Дикинсон стала употреблять тире «не по грамматике», а как некий музыкальный интонационный знак. К странностям ее стиля относятся и заглавные буквы, с которых она начинает все главные слова, и нарочито неточные рифмы. Исчерпывающе передать ее стихотворение нельзя — возможно лишь совместиться какой-то общей гранью. Вот почему к Эмили Дикинсон обращаются и еще будут обращаться все новые поколения переводчиков.

Григорий КРУЖКОВ

ВОТ ВСЕ, ЧТО Я МОГУ ВАМ ДАТЬ

Вот все, что я могу вам дать,
Лишь это — и печаль,
Лишь это — и в придачу Луг,
И луговую даль.

Пересчитайте еще раз,
Чтоб мне не быть в долгу, —
Печаль — и Луг — и этих Пчел,
Жужжащих на Лугу.

Перевод Андрея КОВАЛЕНКО

ГОЛОД

Я голодала много лет,
И вот мой час настал —
Дрожащею рукой взяла
С чудным вином Бокал.

Как ели там, в чужих домах,
Видала я тайком —
Но не мечтала никогда
О Пиршестве таком.

Как вкусно пахнет свежий хлеб!
А с Птицами давно ль
В лесной столовой на земле
Делили мы хлеб-соль?

Зачем так много? Тошно мне.
Мне это все не впрок.
Я здесь — как Лютик луговой,
Посаженный в Горшок.

Где Голод мой — я поняла —
Он мучит только тех,
Кто там, за окнами, стоит...
Войди — и он утих.

НИКТО

Я — Никто. А ты — кто?
Тоже, как я, Никто?
Тогда нас двое —
тише!

Чтоб Кто-нибудь не услышал.

Как скучно быть Кем-нибудь —

И как нескромно к тому же —
Выклавывать Имя свое — весь
Июль —
На радость родимой Луже.

ЗНАК ДОБЛЕСТИ — ОТКРЫТЫЙ БОЙ...

Знак Доблести — открытый Бой.
Почетней и трудней
Душою ополчиться
На Конный строй Скорбей.

Ты побеждаешь — Мир молчит —
Ты пал — и ты забыт —
И Родина над павшим,
Склоняясь, не скорбит.

Но верю, что за Гробом
Незримо для живых
Шеренги Ангелов пройдут
В Доспехах Снеговых.

ЗНОЙ

Огромным Морем летний Зной
Плескался у ворот,
Покачиваясь на Волнах,
Плыл необъятный Флот —

За Адмирала — Мотылек —
За Кормчего — Комар —
А за веселых Моряков —
Весь необъятный Мир.

Перевод Татьяны ГРИНГОЛЬЦ

РАССВЕТ

Рассвет бледнее, чем вчера,
Орех набрал загар,
Круглее щеки Ягоды,
Шиповник загулял.

У Тополя — веселый Шарф,
У Поля — красный Плащ.
А мне — какую выбрать Шаль
Для загрустивших плеч?

СВЕТ ПРОИСХОДИТ ИЗНУТРИ

Свет происходит изнутри,
Хоть в Лампу Масло льют.
Необязателен Фитиль —
Но фосфоричен Труд.

Бывает — Слугам недосуг,
Но золотится Свет —
Забыв, что Раб давно ушел,
Забыв, что Масла нет.

НЕ Я САМА ИСКАЛА СМЕРТЬ

Не я сама искала Смерть —
Так вышло, что она
Остановила Экипаж
У моего Окна.

Мы ехали не торопясь —
В наставшей тишине —
Ей было некуда спешить —
Тем более — и мне —

Мы миновали Школу, где
Ленились Школяры —
И Поле, где сверкала Рожь —
И Солнце у Горы —

И бедный Домик, что торчал
Как Бугорок Земли —
Мы ехали уже Века —
А мне казалось — Дни —

И Вечность ощущала я,
И было ясно — к Ней
Обращено мое Лицо
И Головы Коней.
Перевод Татьяны СТАМОВОЙ

Знаменитый английский пират Джон Рэхэм, завершивший свою карьеру в 1720 году в петле на Ямайке, был бы, наверное, приятно удивлен, узнав, что родословное древо Рэхэмов не зачахнет у подножия его виселицы. И особенно польстило бы этому честолюбивому человеку известие о том, что один из его далеких потомков покроет фамилию Рэхэм славой значительно более громкой, чем слава корсара.

Путь к этой славе начался 19 сентября 1867 года в Лондоне, в доме номер 210 по Южной Ламберт роуд, где в тот день в семье старшего клерка департамента юстиции родился четвертый ребенок. Мальчика назвали Артур.

Лондонец, точнее, чистый кокни. Он должен был родиться слабым — такова уж печальная наследственность его матери Анны. Должен был получить образование, что позволял бюджет и требовало мировоззрение отца. Наконец, он должен был стать джентльменом и поступить на службу в государственный департамент — дань семейной традиции.

Все случилось именно так. Окончив школу с наградой за успехи в алгебре, Артур в 1885 году поступил в Вестминстерскую пожарную часть на должность младшего клерка и занялся серьезным делом страхования. Единственное, что смущало Рэхэма-старшего, была тяга сына к рисованию, непонятно откуда взявшийся в аккуратной чиновничьей семье недуг творчества.

Опасения отца подтвердились довольно быстро. Артур поступил в вечернюю школу изящных искусств. Жизнь юного Рэхэма разделилась надвое. Днем в синем костюме и галстуке в бело-голубую полоску он от-

Иллюстрация к эпосе Т. Мэлори «Смерть Артура». 1902.

АРТУР РЭХЭМ

Иллюстрация
к сказке Ш. Перро
«Золушка».
1919

правлялся на службу, а вечером с папкой рисунков под мышкой спешил в компанию богемных студентов.

Уже в 1888 году первые графические работы Артура появляются на выставке в Королевской академии художеств. До признания еще очень далеко, но червь сомнения в правильности избранного пути начинает разжевывать душу юного страхового агента. В 1891 году Артур решает на опасный для карьеры чиновника шаг — он начинает продавать свои рисунки газетам. Сперва в одну, через некоторое время еще в две. Так проходит год. День на службе, вечер в мастерской. Наконец художник побеждает чиновника и Рэхэм покидает государственную службу. Покидает без сожаления и навсегда.

Первые годы вольной жизни дались ему нелегко. Небольшой нерегулярный доход, получаемый от газет

за рисованные репортажи, с трудом позволял сводить концы с концами. Позднее, будучи уже знаменитым, Рэхэм вспоминал об этом времени как о самом тяжелом в своей жизни. Только в 27 лет он получает свой первый заказ на оформление путеводителя по Америке. Работа удалась, и до конца 90-х Артур успевает проиллюстрировать еще восемь книг. Одни из них получались лучше, другие хуже, но ни в одной не было еще и намека на будущего Артура Рэхэма, мастера фантастической сказки, знатока жизни троллей и эльфов. Перерождение произошло в 1900 году.

Как и во всякой романтической истории — а история иллюстратора сказок просто обязана быть такой, — поворот сюжета связан с появлением прекрасной дамы. Ее звали Элен Старки. В ту пору она была уже известным портретистом и, как правильно заметила исследовательница

Шабаш
ведьм.
1930-е
годы

творчества Рэхэма Сюзан Мейер, столь же возвышенна, сколь приземлен Артур, столь же романтична, сколь он расчетлив.

Элен разбудила в Рэхэме сказочника, влюбленный клерк-художник превратился в весельчака, спортсмена-теннисиста, фантаста. Первый же заказ на оформление сказок братьев Гримм, возникший вскоре после знакомства Артура и Элен, приносит Рэхэму оглушительный успех. На протяжении десяти лет книгу переиздают трижды, и каждое издание является читателю в новом обличье, ибо Рэхэм постоянно дополняет и редактирует свои рисунки. Вершиной этой гриммовской эпопеи становится издание 1909 года с девяносто пятью цветными и черно-белыми иллюстрациями.

После успеха «Волшебных сказок» предложения следуют одно за другим. В 1905 году Рэхэм оформляет

легенду В. Ирвинга о Рипе Ван Винкле. В 1906-м Дж. Барри уговаривает Артура проиллюстрировать его историю о Питере Пэне. Следующий год проходит под знаком «Алисы в Стране Чудес». Иллюстрации Рэхэма отдельными листами появляются в витринах самых престижных лондонских галерей. Библиофилы охотно раскупают подарочные малотиражные издания с акварелями Рэхэма. Цены на его графику растут с невероятной быстротой, но Артур, прошедший хорошую школу трудолюбия

John Rackham

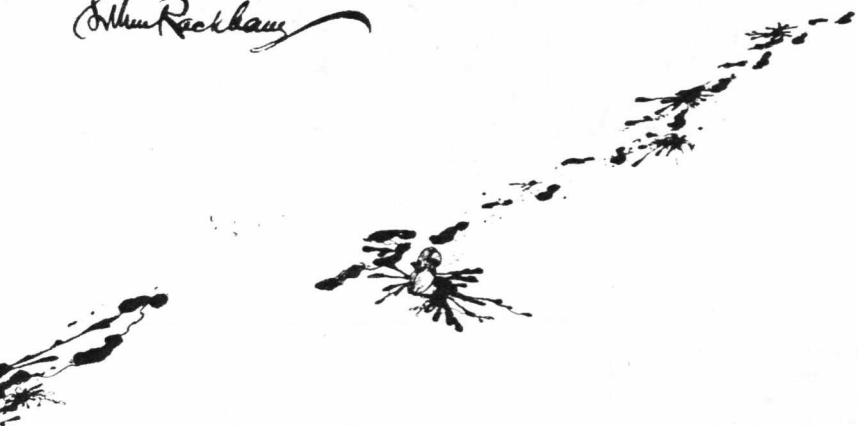

Иллюстрация
к сказке Л. Кэрролла
«Алиса в Стране Чудес».
1907

Иллюстрация
к сказке Ш. Перро
«Золушка».
1919

Иллюстрация
к сказке Дж. Барри
«Питер Пэн
в Кенсингтонских
садах».
1906.
Деталь

Иллюстрация к сказке братьев Гримм «Братец и сестричка». 1917

и аскетизма, продолжает работать без остановки, не упуская ни одного заказа, словно боится потерять неожиданно открывшийся дар. Он женится на Элен, покупает роскошный дом в Хэмпстеде — престижном лондонском районе, путешествует, забираясь в самые отдаленные уголки Европы. Жизнь, столь сумрачно тянувшаяся до встречи со Старки, начинает раскручиваться как пружина, застытая лишь ненадолго в 1912-м — год смерти отца.

Период с 1900 по 1915 год — самый счастливый в жизни Артура. Женитьба, рождение дочери, слава и благополучие кружат голову, но, несмотря на внешний блеск, жизнь Рэхэма остается жизнью ремесленника. Внимательный глаз, изучающий его рисунки, быстро обнаружит секрет мастерства. Выдумка и артистизм покоятся на крепком каркасе тщательно выверенных линий, на годах отработанных движениях и цветовых сочетаниях, на той самой базе, что водилась в дни работы в «Вестминстер газетт» и «Пэл Мэл Баджетт». Он никогда не рисует набело. Каждая акварель, каждый рисунок пером проверен предварительной студией, на полях которой можно встретить легкие цветные удары кистью — пробы цвета. Даже самые фантастические композиции он создает, опираясь на работу с натуры, подолгу выбирая модель, наряжая ее согласно эпохе или сюжету. Артист, пробужденный к жизни Элен, так и не может оторваться от земли, по которой ходил когда-то страховой чиновник Рэхэм, увлеченный рисованием. Возвращенный викторианским джентльменом, Артур и на вершине славы не отступает от семейных традиций. Он не курит, он мало и просто ест, он посвящает досуг спорту и путешествиям, любит свой дом, семью и уважает работу.

На пороге первой мировой войны дела Рэхэма начинают несколько ухудшаться. Спад книгопроизводства еще не достиг своего пика, однако заказов постепенно становится все меньше. Возмущенный приближением тяжелых времен, Артур отправляет жену и дочь в провинцию, а сам с истинно британским спокойствием начинает готовиться к военному времени. В первые же дни войны он вступает в Хэмпстедское ополчение, внимательно изучает способы обращения с оружием и военный устав. Из мира искусства он с легкостью переходит в мир казармы и остается в нем вплоть до победы.

В 1918 году, перешагнув пятидесятилетний рубеж, Артур Рэхэм все еще в расцвете сил. В это время он создает одну из лучших своих графических работ — к «Сказке о спящей красавице» и «Сказке о Золушке». Однако коммерческий успех его произведений в Англии уже не тот. Центр притяжения перемещается за океан. В 1920 и 1922 годах Рэхэм экспонирует свои рисунки в Нью-Йорке и сразу же получает предложения от издателей Соединенных Штатов.

В 1936 году на пороге своего семидесятилетия мастер берется за иллюстрирование волшебной истории Кенета Грэма «Ветер в ивняке». Работа над акварелями идет тяжело. Только летом 1939 года уже тяжелобольной, прикованный к постели художник завершает свой труд. Его дочь вспоминала позднее, как однажды утром она, войдя в спальню к отцу, застала Артура с почти законченным листом в руках. «Слава Богу — это последний», — произнес он. Через несколько недель Артур Рэхэм умер.

Публикуя ниже документ, вышедший из-под пера нашего корреспондента, мы отдаем себе отчет в некоторой своей бестактности. Где это видано, чтобы журналист вторгался в секретную переписку высших чиновников государства? Оправдание только одно — происходила эта переписка больше года назад и ныне адресаты как политические фигуры уже не существуют. Однако сохранились уже в новом российском правительстве посты, сходные с теми, которые занимали герои документа, и на эти посты пришли новые люди. Не исключено, что их вдруг начнут одолевать те же сомнения. Зачем же повторять давно пройденное?

КТО ЗАКАЗЫВАЕТ МУЗЫКУ ПРЕССЕ?

ЗАКРЫТОЕ
ПИСЬМО
ЖУРНАЛИСТА
БЫВШИМ
НАЧАЛЬНИКАМ
ОТ ИДЕОЛОГИИ

СЕКРЕТНО

Товарищам М. Ф. НЕНАШЕВУ
и И. Д. ЛАПТЕВУ.

Уважаемые товарищи!

В вашей переписке вы очень заинтересованно поднимали вопрос о ситуации, сложившейся в сфере печати и средств массовой информации. Инициатива здесь принадлежала Вам, Михаил Федорович.

Буквально накануне новогодних праздников, 28.12.1990 года, когда вся страна уже, как правило, не работает и занимается беготней по магазинам, Вы сели за секретное послание Председателю Верховного Совета СССР. Видимо, грядущий год вызывал у Вас, главы Госкомпечати СССР, дурные предчувствия (не без оснований, прямо скажем!), и Вы хотели призвать руководство к бдительности.

«Важнейшая особенность ситуации, — отмечаете Вы, — возрастание в огромных масштабах общественного влияния печати, радио и телевидения». Совершенно справедливое замечание. Уже где-где, а в средствах массовой информации прорыв все-таки произошел. Пишущей братии разрешили приблизиться к вождьленному лакомству с пьянящим названием «гласность». Согласитесь, журналистов нельзя упрекнуть в том, что они с жадностью набросились на этот заповедный пирог и вмиг его проглотили. Сперва они робко откусывали от него маленькие кусочки и подозрительно озирались по сторонам: не будет ли чего за это? Очень постепенно и осторожно они смелели и начинали отрезать порции побольше.

И вот, когда газетчики перестали, наконец, вздрагивать от собственной смелой мысли, Вы, тов. Ненашев, вполне обоснованно «забеспокоились». «Боль-

шая часть периодических изданий, не принадлежащих партии и государству, после регистрации оказываются предоставленными сами себе и никаких связей с органами регистрации не имеют, — сетуете Вы, Михаил Федорович. — В деятельности газет и журналов отчетливо проявляется идеологическая и политическая поляризация, для известной части из них все более заметно отсутствие объективного подхода в освещении происходящих событий, безудержная критика инакомыслящих из «противоположного лагеря», неразборчивость в выборе средств, погоня за сенсацией. Составление во вседозволенности способствовало появлению огромного количества материалов и информации антикоммунистической направленности...»

Не могу пройти мимо этого растерянного заявления. А чего иного вы, товарищи, ожидали? Неужели, подерживая красивые лозунги о гласности и перестройке, вы не догадывались, что выпускаете джину из бутылки?

Сначала совершили непростительную ошибку с подпиской, разрешив каждому получать дома те издания, которые ему нравятся. И что? Безвозвратно ушли в прошлое благословенные времена, когда один экземпляр «Огонька» разыгрывался на предприятии между двумя-тремя отделами. Теперь идейно вредная пресса беспрепятственно стала проникать в каждую семью. Дальше — больше. Главные редакторы популярных периодических изданий начали демонстрировать невиданную доселе строптивость, все больше игнорируя замечания высокопоставленных чинов из ЦК КПСС.

Попытки снять кое-кого из главных не увенчались успехом. В конце концов иные редакционные коллективы заявили о желании стать независимыми.

И этот печальный итог вполне закономерен, товарищи. Время вами было безнадежно упущено. И хотя после дра-

ки кулаками не машут, хочу привести вам пример идейной бдительности.

Я имею в виду деятельность бывшего председателя Комитета государственной безопасности СССР В. Федорчука. Как прозорливо подмечал он опасные настроения в обществе, грозящие обернуться далеко идущими последствиями! Взять хотя бы его скромную информацию, посланную в ЦК КПСС 19.07.1982 года.

«По поступающим в Комитет госбезопасности СССР данным, — писал тов. В. Федорчук, — в последнее время нередко наблюдаются элементы негативного поведения отдельных категорий зрителей из числа советских граждан, присутствующих на различных международных мероприятиях в области культуры и искусства.

9 июля этого года в Большом зале Московской государственной консерватории состоялось торжественное закрытие VII Международного конкурса имени П. И. Чайковского, в ходе которого были официально подведены его итоги, а также дан заключительный концерт лауреатов. В процессе награждения победителей со стороны большинства зрителей открыто проявилась демонстративная тенденция к явно завышенной оценке некоторых зарубежных исполнителей, и прежде всего представителей США и Великобритании, встреча которых сопровождалась продолжительными аплодисментами, доходившими порой до вызывающей нарочитости... В то же время вручение наград советским исполнителям, занявшим более высокие места, проходило в обстановке не более чем обычных приветствий. Так, пианист из Великобритании Донохоу П. после своего номера неоднократно вызывался на сцену и был буквально усыпан цветами. По мнению ряда присутствующих, такая реакция на его выступление не в полной мере соответствовала объективности, а была создана искусственно».

РАССЛЕДОВАНИЕ

Из КНСС

Тов. Иваниско В.А.

Иваниско
Владимир Андреевич!

Посылаю Вам две копии
Презентации, на мой взгляд,
заинтересовавшие вас вопросы,
связанные с отношениями
между государством
и средствами массовой ин-
формации. Хотелось бы
знать Ваше мнение.

А. Мухомов
28.7.91.

Однако вернемся к письму.

Не без обиды Вы, тов. Ненашев, подчеркиваете: «Некоторыми редакциями газет и журналов последовательно внедряется в сознание советских людей представление о прессе как о четвертой власти в стране, полностью независимой и никем не управляемой и не регулируемой. Трудящиеся, общественность страны выражают серьезную тревогу и озабоченность этими новыми явлениями, все более настойчиво выдвигают требования о государственном и правовом регулировании деятельности печати и других средств массовой информации».

И опять хочется сказать: «Сами виноваты, товарищи!» Да, советские люди действительно привыкли за долгие десятилетия, что во всех газетах пишут примерно одно и то же. Было известно и то, что любой критический материал печатался только с ведома соответствующей инстанции. И читатели, и журналисты считали это в порядке вещей, полагая, что по-другому просто не бывает. Зачем же вы позволили просочиться в нашу действительность расклеванному влиянию Запада? Почему не пресекли в зародыше подстрекательские разговоры о якобы свободной и независимой журналистике в других странах, которой не возбраняется ругать даже своих президентов?

И вот результат: журналисты перестали быть, как прежде, смиренными и управляемыми и возмнили о себе невесть что. Но давайте положим руку на сердце сознаем, что пресса на самом деле обладает реальной властью в любом обществе. И при умелом с ней обращении можно манипулировать общественным мнением, что, собственно, и демонстрировала нам коммунистическая печать целых семь десятилетий. Это ведь только нынешние руководители перестали брать сие в расчет и грубо дают на прессу вместо того, чтобы приласкать ее и приручить.

Впрочем, здесь я допускаю некоторую неточность. Одно компетентное ведомство задумывалось над данным вопросом. Когда в 1988 году на пост председателя КГБ СССР был назначен В. Крючков, он немедленно начал активную работу по внедрению во все сферы нашей жизни своих работников. За прессой он приглядывал особо, справедливо опасаясь, что та может угрожать монополии на информацию, которая всегда принадлежала органам госбезопасности. Специальным приказом от 2.11.1990 года шеф советских спецслужб дал указание своим подчиненным как можно шире устанавливать контакты и «осуществлять индивидуальную работу» с ведущими журналистами, а также продвигать в средства массовой информации нужные оценки.

Вы, Михаил Федорович, как руководитель Госкомпечати СССР тоже предлагаете весьма конструктивные меры. В частности, ратуете за укрепление государственного управления средствами массовой информации путем создания Министерства печати и информации СССР. Важнейшей функцией нового ведомства станет, по Вашему мнению, «методическая и информационная помощь редакциям» (расшифровывать, надеюсь, не надо?), а в случае неповиновения — экспертиза и закрытие негодного издания.

Приятно отметить, что Ваша тревога не осталась не услышанной. На письмо оперативно откликнулся спикер палаты Совета Союза Верховного Совета СССР.

В своей секретной записке на имя председателя парламента тов. Лукьянова А. И. Вы, Иван Дмитриевич, проявили трезвый подход и деловитость.

«По сути дела т. Ненашев еще раз обращается к вопросу о механизмах влияния на общественное мнение, — констатируете Вы и развиваете свою мысль дальше: — Самоочевидно, что сегодня такие механизмы складываются в основном стихийно, они стали все чаще использоваться отдельными груп-

пами или объединениями для деформации массовых настроений, для придания им болезненного, конфронтационного оттенка. Мы как будто не замечаем парадоксального обстоятельства: государственные телевидение и радиовещание, газеты и журналы, обозреватели и публицисты, получающие зарплату из государственных касс, научные сотрудники разного рода бюджетных НИИ — все они громят государство и общество, которым вроде бы должны служить. Вот уж воистину — «тот, кто платит, не умеет заказывать музыку».

Как точно, как честно сказано, товарищи! Давно пора было научиться называть вещи своими именами. Вы, тов. Лаптев, понимаете, что одними благими призывами ничего не добьешься. Вы выдвигаете ряд конкретных экономических мер по воздействию на распоясавшиеся средства массовой информации, а именно: централизованное распределение бумажных ресурсов (мудро, очень мудро, надо «подкармливать» своих), строгий контроль за валютными ассигнованиями на закупку полиграфического оборудования и аудиовидеотехники, на содержание корреспондентских служб за рубежом и на командировки.

Согласитесь, при таких условиях пресса быстро разберется, кто платит за музыку, и начнет, не капризничая, играть то, что ей заказывают.

Однако Вы, Иван Дмитриевич, идете в своих рассуждениях дальше. Вас сильно беспокоит судьба государственных органов, которые в условиях разнузданной гласности оказались по-сиротски незащищенными. «В этом контексте, — пишете Вы, — вероятно, следовало бы подумать об открытии, в противовес растущему числу неформальных периодических изданий, новых газет и журналов, отражающих официальную, проправительственную точку зрения».

Но поскольку открыто, что называется, в лоб, такие деликатные вещи не делаются, Вы, Иван Дмитриевич, предлагаете обратиться к опыту западных стран и содержать такие издания через ассоциации, компании или акционерные общества, близкие к органам власти. Поистине гениальный выход из положения, дающий неограниченную свободу для маневров! И пусть озадаченный читатель ломает голову, как это удастся новой, никому не известной газете выходить за небольшую цену на отличной бумаге массовым тиражом и не прогорать при этом.

Ваш государственный ум спикера парламента простирается и на местную прессу, которая, без сомнения, является властительницей настроений нашей глубинки. «Особое внимание — сверхвнимание! — следовало бы уделить местным органам массовой информации. Им нужна очень ощутимая поддержка, и они будут с теми, кто такую поддержку окажет». Можно ли выразиться более изящно и в то же время доходчиво?

Наконец, последний взгляд Вы, тов. Лаптев, бросаете в сторону молодой журналистской поросли. Вы замечаете: «Важно также установить определенный контроль за подготовкой кадров на факультетах журналистики вузов страны, их обучением и распределением. Этот контроль сейчас почти отсутствует». Что верно, то верно. Молодежь нынче взяла моду писать абсолютно раскованно, невзирая на лица. Если ее вовремя не приструнить, в стране появится, чего доброго, новая генерация независимых журналистов, вовсе не знакомых с политической цензурой.

Теперь самое время пояснить суть и значение данной переписки, дабы неискующим в политике людям не покалось, что Вы занимаетесь очередным бюрократическим сотрясанием воздуха. Пустяк знают, что руководители Вашего ранга не станут попусту изводить бумагу. Январь 1991 года — момент действительно очень ответственный: только-только принят Закон о печати, в результате чего замечательная своей об-

текаемостью «гласность» грозит перерасти в крайне нежелательную свободу слова. И это в то время, когда страна содрогнулась от событий в Вильнюсе, когда повсюду идут панические разговоры о росте цен, голоде и скором военном перевороте. Особенно много выступают демократы, которых уже успели прозвать «так называемыми».

В первой половине января прошлого года в столице проходила четвертая сессия Верховного Совета СССР, за которой следила вся страна. Как упустить такую подходящую возможность? Сей вопрос без труда прочитывается меж строк означенной переписки. Можно только догадываться о масштабах развернувшейся бурной организационной работы — среди депутатов на сессии распространяется перечень изданий экстремистского характера, в который попадают даже «Известия». Разумеется, находятся возмущенные депутаты, которые от имени трудящихся требуют пресечь подстрекательские выступления независимой прессы, а свободу слова заменить на «плюрализм мнений».

Сенсацией стало выступление Президента в последний день сессии. Помните? Совершенно неожиданно для присутствующих он, явно взвинченный накаленной обстановкой в обществе, бросил в зал историческое предложение: поскольку в ближайшие месяцы народ ждут суровые испытания, не следует ли приостановить действие Закона о печати? Перекрывая недоуменный ропот кое-кого из участников сессии, Президент тут же пояснил, что данная мера предлагается из самых лучших побуждений — с целью достижения объективности в освещении событий в стране. А как иначе? Объективной у нас всегда считалась только та информация, что устраивала начальство.

В тот миг вы, товарищи, могли бы совершенно заслуженно поздравить друг друга с победой.

Но, к сожалению, развращенная вседозволенностью интеллигенция устроила по поводу оброненной Президентом фразы настоящий скандал. Тому пришлось ретироваться, поручив, впрочем, Президиуму Верховного Совета СССР разобратся с прессой.

Но этим дело не кончилось. Председатель советского парламента (великий тактик политической борьбы!) подколол вместе адресованные ему ваши сообщения и присвоил собственную, написанную от руки записочку: «ЦК КПСС, тов. Ивашко В. А. Уважаемый Владимир Антонович! Посылаю Вам два очень тревожных, на мой взгляд, документа по вопросам, связанным с отношениями между государством и средствами массовой информации. Хотелось бы узнать Ваше мнение. А. Лукьянов. 29.1.91».

Разумеется, подтекст записки ясен всем. Какое мнение может быть у заместителя Генерального секретаря ЦК КПСС, особенно в те дни, когда всякий, кому не лень, обсуждает неудавшуюся попытку Генсека пресечь гласность? Опять-таки остается только предполагать, сколько посланцев партии срочно полетели во все концы страны, чтобы организовать собрания рабочих коллективов, выступающих в поддержку таких любимых народом газет, как «Красная звезда» и «Советская Россия», и осуждающих всякие там «Комсомольские правды», «Огоньки», «Московские новости» и прочие искажающие действительность издания.

До августовских событий оставалось мучительных семь месяцев. Вам, товарищи, еще многое предстояло сказать и написать в защиту коммунистического режима, но спасти его все-таки не удалось.

Не подумайте, что так раздражавшая вас независимая пресса зажила в новых условиях легко и свободно.

По-прежнему очень многие хотят заказывать ей свою музыку. Но это уже тема другого разговора.

Людмила САЛЬНИКОВА,
специальный корреспондент
журнала «Огонек»

ОГОНЕК

ОГРЕ

РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ОГОНЕК»,
МАЛОЕ
ПРЕДПРИЯТИЕ
«ОГРЕ»
ПРИГЛАШАЮТ
К
СОТРУДНИЧЕСТВУ
ГРАМОТНЫХ,
ОБРАЗОВАННЫХ
И
ЭНЕРГИЧНЫХ
ЛЮДЕЙ
В КАЧЕСТВЕ
РЕКЛАМНЫХ
АГЕНТОВ.

ТЕЛЕФОНЫ:
928-97-22
(с 8 до 17 час.),
212-12-00
(круглосуточно).

ОГРЕ

«ОГРЕ»
—
ЭТО
НЕОБХОДИМОЕ
ЗВЕНО
В ЦЕПИ
ДЕЛОВЫХ
ОТНОШЕНИЙ.

АКЦИЯ

Мы рады, что предложение создать народное предприятие, сделанное в прошлом выпуске Бизнес-клуба, заинтересовало читателей. Уже через несколько дней после выхода 11-го номера журнала, в котором было объявлено об этой акции, стало ясно, что вопрос, куда вложить деньги, интересует многих.

Мы уже можем сообщить вам более конкретную информацию о создаваемом акционерном обществе. Идею поддержал «Инкомбанк», который станет соучредителем будущего народного предприятия, а также готов оказать помощь в регистрации общества и распространении акций. По взаимной договоренности вклад «Огонька» и «Инкомбанка» как соучредителей не должен превышать 10 процентов от уставного капитала. Мы исходили из того, что любой крупный вкладчик имеет слишком много возможностей влиять на политику фирмы, что не соответствует характеру народного предприятия. Основ-

ной нашей задачей является создание общества, которое не только даст вам возможность получить доход, но и будет инвестировать наиболее нуждающиеся в денежных средствах отрасли производства, в первую очередь необходимые сейчас стране (строительство, производство товаров народного потребления, сельское хозяйство и так далее). Вместе с экспертами консультационно-аналитической фирмы «Агентство АСТА» специалисты «Инкомбанка» приступили к работе по определению наиболее эффективных сфер приложения капитала. Для тех, кто не читал первый выпуск Бизнес-клуба, повторим: желающие стать совладельцами будущего предприятия должны написать нам письма, в которых следует указать свой почтовый адрес, а также приблизительную сумму, которую вы хотели бы вложить в дело.

Контактный телефон группы «АКЦИЯ»: 250-51-45.

Экономическая жизнь страны, не исключено, в ближайшие годы будет все ухудшаться. Но лично твоя жизнь может измениться к лучшему уже завтра.

М. МАЦКОВСКИЙ,
генеральный директор Международного центра
общечеловеческих ценностей

ГРУППОВОЙ ПОРТРЕТ МОСКОВСКИЙ предприниматель

У руководства московской альтернативной экономики стоят в основном (90 процентов) мужчины. В то же время в отличие от государственного сектора это достаточно молодые люди — трети из них от 30 до 39 лет и 8 процентов — моложе 30 лет, 38 процентов — в возрасте 40—50 лет и лишь 22 процента — старше 50 лет.

72 процента из числа опрошенных руководителей нового бизнеса имеют высшее образование, четверть — без высшего образования, 2,4 процента имеют ученую степень. В основном это люди семейные, лишь 7 процентов не имеют детей.

Почти половина из них — 46 процентов — пришли в альтернативную экономику с промышленных предприятий и из отраслевых НИИ, 15 процентов — из министерств и ве-

домств; остальные — из других учреждений, в том числе всего 2,4 процента — из партийного и комсомольского аппарата. Как правило, большая часть продолжает заниматься тем же делом, что и прежде, даже на той же самой территории, но на другой хозяйственной основе — председатели общепитовских кооперативов в основном пришли из общепита, медицинских — из медицинских госучреждений, промышленники — из государственного сектора, и так далее. Однако обнаружились и довольно неожиданные «превращения». Так, один из опрошенных пришел из Московской патриархии, другой — из органов КГБ, третий — после заключения, отметив при этом, что «пришел из теневой экономики».

КАНДИДАТЫ

ПОДПОЛЫЩИК ПОНЕВОЛЕ

Днем я — аспирант-медик, со всеми вытекающими отсюда последствиями: сторублевой стипендией, приплюсованной к ней павловской «компенсацией» и полной финансовой несостоятельностью. У меня жена и грудной ребенок, пособие, которое им полагается, — еще примерно столько же. Спрашивается, могу я позволить себе не подрабатывать?

Платные курсы массажа я окончил еще студентом. Пользовал домашних, своего ребенка, детей друзей. Потом понял, что подобный заработок — форменный Клондайк. На массаж при детских поликлиниках — многомесячные очереди.

Да, я мог бы пойти в медицинский кооператив (или организовать свой), мог бы взять патент на индивидуальную трудовую деятельность. И в том, и в другом случае часть денег я кому-то отдаю. В кооперативах половина заработка врачей, а то и больше, идет в общий котел, а из оставшейся суммы вычитаются налоги. Следовательно, часть времени в кооперативе предстоит работать бесплатно. А его, этого времени, у меня и так в обрез. Зарегистрировавшись в муниципальной комиссии как индивидуальный, я опять-таки должен платить налог. Я посчитал, что тогда для приличного заработка я должен лечить не меньше четырнадцати больных в месяц, меньше просто бессмысленно. Это уже кабала, в этом случае я должен буду круглые сутки вкалывать. Поэтому единственно возможной для меня оказалась подпольная деятельность. Тут, нетрудно догадаться, свои сложности. Можно, конечно, развесить объявления на окрестных столбах. Но кто поведет своего ребенка к неизвестному частнику без рекомендации? Поэтому я стал

искать «выход» на участкового врача. Если он порекомендует меня как специалиста (а я ведь действительно им являюсь), для родителей это будет какой-то гарантией. Неожиданно для себя я выяснил, что как раз поблизости работает моя бывшая однокурсница. Она сразу заинтересовалась моим предложением и, больше того, объяснила, что пошла работать в поликлинику не ради грошовой зарплаты, а именно в расчете на прибыль от подобного посредничества. Мы договорились на десяти процентах комиссионных, и я начал работать. Очень скоро моя компаньонка решила, что десяти процентов ей мало, и потребовала двадцать, то есть пятую часть моих доходов. Почти столько же я отдавал бы, легально работая в кооперативе. Но это-то ладно. «Работодательница» всерьез настаивала на проведении максимального количества сеансов даже для тех детей, которым было бы достаточно вдвое меньше. Уклоняясь от уплаты налогов, я, по правде говоря, не испытываю особенных угрызений совести, но обманывать пациентов — это уж последнее дело. Я отказался. Кстати, этот случай лишь раз показал мне, что кооперативная деятельность в медицине — дело довольно сомнительное. Слишком многое тут зависит от личной порядочности партнеров.

А потом мне, наконец, повезло настоящему. Участковый педиатр, узнав, что я делаю массаж своему сыну, попросила разрешения направлять ко мне нуждающихся. Согласие приняла с такой благодарностью, как будто я делал одолжение не ее пациентам, а ей самой. В финансовую сторону вообще вникать не стала. Теперь я постоянно посещаю одного-двух больных. Звонков гораздо больше, но многих отпугивает цена — пятьдесят рублей за сеанс. Возможно, это дорого, ну, а сколько стоит сегодня стрижка в парикмахерской? Перспективы пока туманные — может быть, когда-нибудь я и рискну открыть свою медицинскую фирму, но это скорее всего будет семейным предприятием (жена у меня тоже медик).

Владимир ГОЛИКОВ

ТЕСТ

проверьте себя: СТОИТ ЛИ ИДТИ на риск

Предлагаем вниманию читателей одну из американских систем самопроверки деловых качеств бизнесмена, взятую из газеты «Бизнес для всех». В таблице по вертикали перечислены ведущие качества человека. По горизонтали — градация этих качеств. Оценка идет по четырехбалльной системе. Нужно подобрать для

себя соответствующую графу и записать оценку. Просуммировав баллы, вы получите цифру, характеризующую ваши предпринимательские способности. Сумма 25—28 баллов говорит о том, что у вас задатки выдающегося бизнесмена. Два следующих диапазона — 21—24 и 17—20 баллов — характеризуют ваши способности как «очень хорошие» и просто «хорошие». Сумма 13—16 баллов говорит о том, что у вас средний предпринимательский талант. Если же вы набрали лишь 12 баллов или меньше того, то стоит крепко подумать, следует ли вам заниматься бизнесом.

Нехватку тех или иных качеств у начинающего бизнесмена создадут тесты рекомендуют компенсировать за счет гармоничного подбора команды партнеров. Не очень скорому в решениях предпринимателю лучше всего кооперироваться с более динамичными коллегами. Собственный недостаток коммуникабельности можно восполнить за счет подбора суперобщительного помощника. Словом, имеется много вариантов формирования оптимальной предпринимательской команды.

налоги пока не платим

Первое наше дело — производственный кооператив по литью пластмасс, который мы с друзьями открыли при одном подмосковном заводе. Просуществовал он год, потом развалился — не та была квалификация, да и амбиций через край — мы все с высшим (или почти высшим) образованием, казалось, все знаем лучше всех.

Приятель устроил на станцию технического обслуживания автомобилей. Поначалу я был счастлив. Ведь впервые в жизни мог каждый день класть в карман заработанные сто рублей. Но — двенадцатичасовой рабочий день, подъем в шесть утра, вечно нетрезвые коллеги, что в общем-то заразительно. Через полгода я решил, что незачем работать «на дядю», я могу тем же самым заниматься у себя в гараже.

МНЕНИЕ ЭКСПЕРТА

Владимир ПОЛЯК,
директор
малого научного
предприятия
«Экодис»
(экономические и
юридические
консультации)

Я совершенно согласен с позицией частного-врача, который предпочитает оставаться на нелегальном положении. При данной системе налогов ему регистрироваться невыгодно и бессмысленно. Если у него нет коммерческой жилки, для чего ему заводить собственное дело? К тому же здесь речь идет не о бизнесе, а о том, чтобы обеспечить себе прожиточный минимум.

Недавний Закон о налоге на прибыль лишает его всех льгот, которыми, по

Первые клиенты пришли ко мне со станции, потом порекомендовали друзьям и знакомым, потом рекомендация цеплялась за рекомендацию, и от клиентов уже не было отбоя.

Очень скоро ко мне присоединился бывший однокурсник, потом один парень из нашего развалившегося кооператива (смешно — раньше он переживал из-за пятнышка на рубашке, а рубашки он носил только белые, а теперь уже полгода, как у нас ни у кого руки не отмываются). Со станции ребята к нам приходили, просились, мы никому не отказывали, но они долго не задерживались. Автосервисная привычка — взять побольше, сделать поменьше. А мы себе, кстати, пока денег почти не оставляем. Все идет в общую кассу, на развитие. Правда, касса — понятие условное. На самом деле это просто пакет с деньгами, который мы храним в сейфе в гараже. Денег у нас в пакете наличных и вложенных в инструменты — 57 тысяч. Есть еще долларов семьсот — мы их не тратим, только если понадобится какая-нибудь импортная железка, которую на рубли не купишь.

По субботам объезжаем рынки и магазины, покупаем заранее запчасти, все, что может понадобиться. Чтобы клиент мог приехать и просто сказать, что ему нужно, а не метаться по всему

городу в поисках какой-то мелкой детали. Потом, когда у нас появилось достаточно денег, купили сварочный аппарат — как раз подвернулся недорого. Теперь мы можем ремонтировать не только ходовую часть и электрооборудование, но и заваривать кузова. А это уже более дорогие заказы, такие вещи обычно случаются с подержанными иномарками.

Сейчас у нас появились дорогие профессиональные инструменты, которые в автосервисе не всегда найдешь. Нужна еще куча приспособлений, которые требуются для настоящей квалифицированной работы и которых у нас пока нет. Сейчас, если кому-то в дом нужно что-то купить — пылесос там, диван, мы целый совет собираем: обсуждаем, можем ли позволить покупку. На стене в гараже висит график — кто сколько денег взял из общей кассы. Потом возвращаем. Сейчас все деньги надо пускать на развитие дела. Пока мы занимаемся нелегальным бизнесом, то есть патент на ИТД не брали. По причине вполне банальной — во-первых, комиссии замучают, отчеты, финансовые проверки. А, во-вторых, если честно, много ли у нас денег, чтобы отдать сейчас все положенные налоги? Вот когда выйдем на более серьезный уровень, придется легализоваться.

Юрий ВЕРНИК

идею, он должен бы пользоваться. Ведь это врач, а не спекулянт какой-нибудь, его бы надо поощрять. На нелегальном положении он может себя чувствовать вполне спокойно, только клиенту надо подбирать проверенную. Для того чтобы поймать такого частного, нужно несколько свидетелей, которые напишут заявления, дадут показания... Сейчас пугают всех налоговой полицией — но даже если таковая будет, она все равно вряд ли его поймают. Даже если заработает декларация о доходах, — ну, он укажет в ней свою стипендию, если уличат — скажет, делал массаж друзьям. В самом худшем случае, если все-таки его поймают, ему грозит уплата всех налогов (но для этого надо установить общую сумму доходов, а это затруднительно) плюс он заплатит на такую же сумму штраф. Правда, за неоднократное грубое нарушение и так далее предусмотрен срок до трех лет, но это уж совсем маловероятно.

Другое дело — автосервис. Во-первых, там больше рискуют. Все-таки связаны с гораздо большим кругом людей, с поставщиками, и к тому же в общем-то заинтересованы в рекламе своего дела. У них есть помещение. Их легче

поймать, и им будет труднее отвертеться. Да и смысла особого в их подпольном положении нет. Наша фирма зарегистрировала довольно много автостерских, и они не жалуются на свою судьбу. Грамотному человеку уклониться от налогов не так уж сложно. Тем более у этих ребят и так все деньги пока идут на развитие, а то, что идет на развитие, вроде бы не должно облагаться налогом. «Вроде бы» — потому, что окончательно этот вопрос пока еще не решен. Но все равно — лучше заплатить грамотному бухгалтеру, чем бессмысленно рисковать. Зарегистрировавшись, они будут чувствовать себя спокойнее, больше того — у них появится больше возможностей для развития дела. Можно будет попросить кредит в банке — трудно, но можно.

Кроме того, вот сейчас они все дружат и действуют заодно. Ну, а вдруг партнеры рассорятся? Если сейчас клиент им не заплатит — что делать, грозит монтировкой? Да хотя бы просто для солидности лучше зарегистрироваться.

Конечно, обладывать налогами малый бизнес — безумие со стороны правительства. Но это уже другой вопрос.

будьте МОИМ «мешком»!

Знаете ли вы, что такое «ездить мешком»? Это очень просто и приятно. Главное — найти иностранного гражданина, которому нужен такой «мешок». Заработать денег и бесплатно посмотреть мир можно благодаря одной особенностью: есть на свете такие специальные страны, из которых, если посещаешь их впервые, можно вывезти все, что угодно, без всякой пошлины. Но только один раз. К их числу относятся, например, Сингапур. Наниматель «мешка» оплачивает ему проезд и проживание, дает денег на покупки, информирует, что, сколько и где именно нужно купить. Приобрести что-либо для себя «мешок», естественно, может только за свой счет. Посмотрев, к примеру, тот же Сингапур и купив все, что просили (как правило, компьютеры и аппаратуру), вы возвращаетесь на родину, отдаете все это иностранцу, который плюс к уже полученному удовольствию еще и отстегивает вам определенный процент. Почему он считает, что это выгоднее, чем самому платить пошлину, — кто его знает. Наверное, пошлина очень велика. Или он просто устал от поездок...

Это одна из разновидностей так называемого «манки-бизнеса». Для не говорящих по-английски читателей поясняем: «манки» — обезьяна. То есть бизнес, не требующий напряжения интеллекта и каких-то особых знаний. К тому же заработать таким способом можно совсем немного. Насколько закономерно это явление для зарождающейся рыночной экономики? Стоит ли с ним бороться? Может быть, это неизбежный этап развития? Обсудить это и рассказать об известных нам разновидностях «манки-бизнеса» мы собираемся в следующем выпуске Бизнес-клуба.

ИЗ ДОСЬЕ БИЗНЕС-КЛУБА

Как отмечалось на заседании правительства Москвы, людей, уклоняющихся от налогов, становится все больше. В 1991 году выявлено более 5 тысяч случаев нарушения налогового законодательства. По оценкам экспертов, за первый квартал нынешнего года в казну попадает не более 65 процентов от всех возможных налоговых поступлений.

Статистические данные, полученные на основе исследования сумм индивидуальных вкладов в сберегательные банки к началу нынешнего года, показывают, что хроническим отсутствием денег страдает подавляющее большинство наших сограждан. Так, у тридцати процентов населения денежных сбережений нет вовсе. 29 процентов имеют на сберкнижках до одной тысячи рублей, 28,5 процента — от 1 до 5 тысяч. Владельцев таких крупных сумм, как 5—10 тысяч рублей, всего лишь девять процентов. От 10 до 50 тысяч хранят в сбербанках 2 процента, а более 50 тысяч имеют лишь полтора процента.

Раздел подготовила
Светлана БАВРА.

	1	2	3	4
Предприимчивость	Нуждается в под- талкивании	Выполняет только самое необходимое	Изобретателен в выполнении зада- ний	Идет дальше задан- ного
Взаимоотношения с коллега- ми и партнерами	Холоден, избегает общения	Нередко создает конфликтные си- туации	Ровный в поведе- нии	Стремится к контак- там
Способность к лидерству	Нужен наставник	Может работать са- мостоятельно	Склонен командо- вать	Внушает доверие подчиненным
Отношение к делу	Старается избегать поручений	Делает все с край- ней неохотой	Выполняет пору- ченное, но с оговор- ками	Надежный исполни- тель и партнер
Административный талант	Неважный органи- затор	Способен к реше- нию управленче- ских задач среднего уровня	Хороший админи- стратор	Железная последо- вательность в оцен- ке подбора кадров
Динамичность	Сплошные сомне- ния и колебания	Скорый на руку, но нередко ошибаю- щийся	Основательность и осмотрительность	Быстрота и безоши- бочность
Настойчивость	Крайняя вялость при движении к цели	Способен добывать своего, но без особого упорства	Инициативен	Не останавливается ни перед какими трудностями

Итого:

Завтра об этом станут говорить все.
Вспомните, что впервые эту информацию
вы получили из «Огонька».

ПОЛИТИКА

123 МИЛЛИОНА ЛИШНИХ ЛЮДЕЙ, о которых знают лишь трое

Александр МИНКИН

Горбачев и Ельцин встретились с глазу на глаз 21 декабря. Они проговорили 6 часов (по другим сообщениям — 8). Это знают все.

О чем они говорили, не знает никто. Но все заметили, что Ельцин вышел после конфиденциальной беседы очень огорченным и как бы ошарашенным.

Сведения, сообщаемые ниже, являются абсолютной тайной и известны чрезвычайно ограниченному кругу лиц. В полной мере тайной владеют сегодня три-четыре человека (один из них сейчас находится в предварительном заключении). Еще около 30 человек располагают

этой информацией в значительном объеме, но далеко не всей.

Я отчетливо понимаю, что разглашение этих абсолютно секретных данных официальные инстанции сочтут государственным преступлением. Но сегодня ситуация в стране такова, что мое понимание гражданского долга в данном случае расхожется, к сожалению, и с Уголовным кодексом, и с Законом о средствах массовой информации, и с Конституцией (СССР? РСФСР? РФ?).

Я уверен, что нет никаких шансов на выход страны из кризиса без полной информации о реальном положении дел. Можно ли рассчитывать на успех реформ, если даже Гайдар не знает истинной ситуации?

Народ привык к многочасовым очередям, к постоянным нехваткам всего: еды, водки, одежды, квартир, билетов на поезда и самолеты...

Газеты постоянно (кроме последнего года) сообщали о «неуклонном росте», а дефицит обострялся.

И никто не предполагал, что, помимо вранья газет и ЦСУ, есть куда более материальная причина всеобщего дефицита.

Причина эта называется просто: ЛИШНИЕ ЛЮДИ.

В СССР (СНГ) не 280 000 000 населения, а около 400 000 000. Вот тайна, которая может привести в состояние шока человека и менее эмоционального, чем Ельцин. Вспомним его странное выступление на всероссийском офицерском собрании, необъяснимый (так и необъясненный) отказ от встречи с японским министром иностранных дел, таинственное исчезновение на двое суток... и неожиданное появление на борту крейсера, с абсолютно неубедительной аргументацией: мол, перед встречей с Бушем необходимо позвать руку черноморцам. Необходимо? — так пожим в Кремле.

Понятно, что, производя и закупая всяческие товары «на душу населения», невозможно удовлетворить спрос, если этих душ на 120 миллионов больше.

Единственный документ, который мне удалось увидеть и который на-

зывал точное количество лишних людей, приводил число 123 370 000.

История этих лишних людей (гражданами их назвать невозможно) начинается в годы ежовщины — т. е. в годы первых гигантских посадок. Хотя первые лагеря для лиц, «снятых с учета», появились почти сразу после революции, в 1918 году.

В последние недели средства массовой информации не раз упоминали Арзамас-16 — тайный город ядерщиков. Недавно туда даже свозили американцев. Но никто не задумался, почему тайный город имеет такое необычное название. Объясняется это тем, что делалось все возможное, дабы избежать малейшего намека на существование секретных поселений.

Принятая (и общеизвестная) система секретности позволяла воспринимать названия, подобные Арзамасу-16, как названия «почтовых ящиков», т. е. военных заводов или КБ.

На самом деле каждый Арзамас (а их не 16, а 27) представляет собой город с населением более 100 000 человек. Так же обстоит дело и с многочисленными «Челябинсками». В отдельных публикациях упоминался Челябинск-70. Настоящее количество Челябинских чуть менее 90 (по другим сведениям — 93).

Кроме того, существуют огромные, нигде не обозначенные поселения в Средней Азии и Казахстане.

Все они характеризуются следующими сходными качествами. Отсутствие на картах, в почтовых справочниках, статистических сборниках. Никогда не охватываются ни официальной переписью, ни голосованием на выборах. Дороги, ведущие в эти города, перекрыты обычно самым тщательным образом. Наиболее распространен следующий способ: дорога (шоссе, ж. д. и пр.) упирается не в запрещающий знак (который, разумеется, не может остановить почти никого), а в ворота какой-либо воинской части. Только проехав через в/ч, т. е. как минимум через два контроля на въезде и вы-

езде, можно попасть на дорогу в секретный город.

Одеваются жители этих городов в соответствии с климатом, но чрезвычайно однообразно. Питание их тоже однообразно и скудно (за исключением научных работников, руководителей и их семей).

Психические заболевания встречаются на 18—25 процентов чаще, чем в обычных городах. Но число самоубийств, как ни странно, существенно меньше.

Население тайных городов растет значительно быстрее, чем в среднем по стране. Объясняется это главным образом двумя причинами. Первая — это, так сказать, миграция с односторонним движением: въезд возможен, выезд — нет. Вторая причина — практически полностью исключены криминальные аборты, а уровень венерических заболеваний весьма незначителен. Аборты вообще относительно редки за счет строгости морали, свойственной замкнутым общинам.

Кто всерьез заслуживает жалости среди этих лишних людей — это одаренные дети. Их музыкальные и актерские способности не имеют достойного развития; таланты глоснут в отсутствие как высококлассных учителей, так и из-за невозможности попасть на профессиональную сцену.

Крик здесь (как и нигде) не можешь. Это даже нельзя назвать преступлением режима. Это просто чудовищная историческая деталь чудовищного XX века.

К каким эксцессам приведет обновление этой информации, трудно предугадать. Но я утешаю себя тем, что граждане, населяющие СНГ, перестанут наконец задавать себе, друзьям, газетам и правительству осточертевшие вопросы:

Почему нет квартир?

Почему нет водки?

Почему не хватает досок, кирпича, цемента?..

Хватает. Точнее, хватило бы на 280 миллионов. Но тогда «лишние» 123 миллиона умерли бы от голода под открытым небом.

КУЛЬТУРА

ТАЙНЫЙ ФИЛЬМ ЛЮКА ГОДАРА

Джек Николсон в роли Янаева

В ночь, когда в Москве при огромном стечении публики закончилась Неделя фильмов Жан-Люка Годара, а среди журналистов распространился слух, что знаменитый режиссер уже отбыл на родину, и те, кому он согласился дать интервью, метались в поисках представителей французской стороны, в маленьком просмотровом зале состоялся за-

крытый просмотр никому не известного фильма, нахождение которого в Москве тщательно скрывалось. Состав приглашенных на закрытый просмотр многим показался бы весьма неожиданным. Несколько директоров коммерческих банков, крупнейший в стране кинопрокатчик Таги-заде, сотрудники российского МИДа, известные юристы, крупные

чины МБРФ (бывшего КГБ). Не оказалось среди приглашенных никого из кинематографистов, ни одного журналиста.

Что же происходило за закрытыми дверями, что снял Жан-Люк, который, представив картину и заявив, что она только что завершена, что съемки ее держались в тайне и у нее пока даже нет названия, сразу после просмотра забрал коробки с пленкой и немедленно уехал в Шереметьево, так и не встретившись ни с кем из представителей печати?

Как сообщил нам один из участников загадочного просмотра, Годар преподнес избранному подлинную сенсацию. Новый его фильм посвящен жизни кремлевской верхушки, ныне известной как ГКЧП. Два с половиной часа из трехчасового фильма занимают сцены оргий, устраиваемых Янаевым, роль которого

в фильме исполняет самый высокооплачиваемый в мире актер, американец Джек Николсон. За участие в этом фильме Николсон получил гонорар в 15 миллионов долларов. Фильм финансировали несколько крупных американских и советских компаний, названия которых Годар называть отказался. Известно также, что за право проката фильма боролись несколько крупнейших фирм, среди которых одна наша, возглавляемая Таги-заде. Но он вышел из игры, когда в нее вступила голливудская ассоциация кинопроизводителей. Называлась чудовищная сумма, якобы ею предложенная, сумма, в которую трудно поверить, — три миллиарда долларов.

Даже сочетание Годар — Николсон — ГКЧП вряд ли было бы способно настолько расшевелить западных финансовых воротил, поскольку невероятно, что даже

Обнародование этих записей может вызвать крупный политический скандал, результат которого способен повлечь за собой отставку правительства.

БЫЛ

БЕДНАЯ ЛИЗА

Мать знаменитой певицы Мадонны живет в России

Владимир ЧЕРНОВ

Эту старую нищенку, которая про-
сит на Савеловском вокзале возле
будки «Союзпечать», знают все мес-
тные алкаши, лоточники, продавцы
газет и пассажиры, приезжающие на
работу электричками. Ее зовут тетя
Паша. Она всегда здесь, среди раз-
мякших снежных заносов, фонтанов
слякоти из-под машинных колес.
«Тетя Паша! — кричат ей постоян-
ные клиенты, пробегая мимо и тыча
в ее коричневую ладошку мятый
рубль. — Иди в переход, погрейся!»
«Не-а, — смеется тетя Паша своими
металлическими зубами, — мне тут
с народом не холодно». Нищая жен-
щина неопределенного возраста —
примета нашей жизни. «Пелагея
Степановна, — назвалась мне она,
когда спросил, — а фамилия — Чи-
кина». И спрятала за спину свою
сложенную лодочкой ладошку. «Я

сама из Марьиной рощи, — рассказа-
ла мне тетя Паша. — А сюда еду
потому, что многое связано у меня
с Савеловским вокзалом. Мужа от-
сюда увезли на Колыму. Когда вер-
нулся в 56-м, стал снова сцепщиком
работать. Пил, конечно. Вот и при-
давило его вагоном во время сцеп-
ки. По-французски говорил, научили
в лагере, и любил читать роман
«Бедная Лиза». Когда родилась доч-
ка, Лизой назвал».

Мечтали они, чтобы выросла Лиза
счастливой. Но где ж! Тетя Паша
с Лизы пылинки сдувала, и в школу
та всегда чистенько ходила, все
у нее заштопано, залатано, опрятно.
И училась хорошо, была пионеркой.
Но все до шестого класса. Подруги
сбили Лизу с правильной дороги,
савеловские девочки, торговавшие
собой за три рубля. И однажды
Лиза, недотрога, пионерка, пошла
с ними, а наутро, плача, принесла
в дом свои первые пятнадцать руб-
лей.

Недолго проработала она на Са-
веловском, скоро стала ходить
в центр, появились у нее и наряды,
и белье. Когда тетя Паша узнала,
что Лиза гуляет с иностранцами,
впервые подняла на дочь руку.
И тут тихая Лиза запела ей в лицо,
пьяная, размазывая помаду, запела
свою любимую песню: «Мой папаша
был дворник, а мамаша барыня! Да
будь ты граф или подзаборник, вы
одинаково мне родня! Люблю я бе-
лое, люблю я красное, нет-нет, не
знаю, а-а-а... вино!» И упала рука
матери. А потом появился Нгамба,
студент из университета Лумумбы,
из самой черной Африки, заходил
даже в дом, капиталист. «Воротит
нос от нашего», — заметила тетя
Паша, когда гость вынул из чашки
какой-то волос. Но Лизе было уже
все равно, лишь бы за границу: хоть
в Антарктиду, за пингвина замуж!

Увез Нгамба Лизу. И исчезла она
где-то в джунглях Африки. Подруга ее,
Райка, которую еще раньше увезли,
написала своей матери письмо, что
белым девушкам в Африке плохо,
негры их сначала держат как жен,
а потом продают в публичные дома.
«Тут много нас, русских, — писала
Райка из публичного дома. — Но
Лизка, может, и пробьется. Клиенты
у нее хорошие — солдаты с амери-
канской базы, платят зелеными».
Больше от Райки писем не было:
умерла Райка от укуса страшной
африканской мухи.

Последнее время тетя Паша все
прибавляла. А нищему человеку
болеть нельзя. Ему зарплата не
идет. Если подают хорошо, вечером
можно и полечиться: Тофик за чет-
вертную стакан красненького всегда
нальет. А если не подают...

Не увидев тетю Пашу на привыч-
ном месте, я подошел к Тофику.
«Совсем плохая стала старушка, —
сказал Тофик. — С утра в долг ле-
карств ей налил, сейчас в пере-
ход ушла, там сидит, очень плохо,
ц-ц-ц!» В переходе я увидел тетю
Пашу на коленях перед длинным ря-
дом журналов и газет эротического
содержания, она неотрывно смотре-

ла на голую женщину, напечатанную
во весь лист. Продавец свысока
смотрел на нее, пьяненькую, пол-
завшую перед ним. «Тетя Паша! —
крикнул я. — Не унижайся! Я куплю
тебе эту женщину!» Я дал продавцу
десять рублей, и он подтолкнул но-
гой тете Паше «Советский экран»
№ 1, 1992 г. «Лизка это моя! — по-
казала мне тетя Паша картинку с гор-
достью и нежностью. — Нашлась!»

Да, это была она. Теперь ее звали
Луиза Вероника Чикконе. Но была
она по-прежнему хороша. Там, на
Западе, пораженные ее русской кра-
сотой американцы стали называть
ее Мадонной. Интервью с ней, зна-
менитейшей из секс-бомб, я прочи-
тал тете Паше. «Шон был един-
ственным мужчиной, которого я слу-
шалась. Когда я выходила из кино-
театра, где шла его последняя кар-
тина, то буквально кипела от ярости.
Шон играет там со своей новой
партнершей, и всякий раз, как она
лезла его целовать, мне хотелось
крикнуть: «Пошла вон, сука!» «Она,
Лизка! — сказала тетя Паша. — Вся
в отца. А про меня там ничего нет?»
«Про тебя? Да вот: «Я потеряла
мать еще в юности. Для меня самый
волнующий эпизод фильма тот, где
я навеещаю могилу матери». Тетя
Паша заплакала: «Живая ведь я».
«Тетя Паша, это в кино!..» Но она не
слышала. Горе старушки было так
велико, что мне пришлось прово-
дить ее в Марьину рощу, где она
приняла еще порцию лекарства,
и когда руки ее перестали дрожать,
достала из сундука старый семей-
ный альбом, где я увидел Лизу еще
ребенком. Знала бы тетя Паша,
сколько отвалили бы за этот альбом
на Западе.

Я не стал расстраивать тетю
Пашу, пусть остается у нее послед-
нее утешение. Но мне хочется сего-
дня спросить купающуюся в роско-
ши Мадонну: «Знаешь ли ты, Лиза
Чикина, что в далеком СНГ на Са-
веловском вокзале стоит твоя стар-
енькая мать с протянутой рукой?
Может, совесть у тебя наконец прос-
нется?»

огромный предполагаемый спрос на
этот фильм сможет окупить затраты
на его покупку. Однако в этой исто-
рии есть одно обстоятельство, кото-
рое, скорее всего, и сыграло решаю-
щую роль в появлении вышеназван-
ной суммы, им легко объясняются
и скрывавшиеся ото всех съемки,
и закрытый просмотр, и странный
состав на нем присутствовавших.

Дело в том, что летом прошлого
года на Запад попала видеозапись,
которую несколько лет скрытой ка-
мерой делал бывший секретарь
Янаева, офицер КГБ. На нескольких
кассетах запечатлены те оргии, ко-
торые бывший вице-президент
устраивал еще со времени своего
пребывания в Комитете молодеж-
ных организаций, который он пре-
вратил в скрытый публичный дом,
за что и был в свое время изгнан
оттуда, до последних пор, когда,
неожиданно всплыв на поверхность

политической жизни, он начал
устроить пьяные оргии на Ленин-
ских горах в одной из тамошних пра-
вительственных дач. Секретарь
Янаева, оказавшись на Западе, по-
просил политического убежища, но
бывшими работниками КГБ запад-
ные разведслужбы ныне не интере-
суются, и участь беглеца была бы
плачевна, если бы он не заявил об
имеющемся у него скандальном ви-
деоматериале. Просмотревшие кас-
сеты киновизнемены тут же купили
их у него за два миллиона долларов.
Получив деньги, офицер скрылся,
и только недавно обнаружилось, что
он живет теперь в Мексике. Убедив-
шись, что КГБ им больше не интере-
суется, он купил спортивный зал,
где открыл школу рукопашной борь-
бы, в которой сам и преподает, обу-
чая любителей экзотики «секрет-
ных приемов КГБ». Одним из таких
приемов является изобретенный

следователями еще во времена Бе-
рии удар: чашкой ладони по уху
и лицу подследственного, воздей-
ствуя одновременно на барабанную
перепонку и лицевой нерв. Получив-
ший удар испытывает чудовищную
боль и вскоре теряет сознание, при
этом следов от удара не остается.
Этот удар входил в арсенал прие-
мов при допросах «с пристрастием».

Особенность созданного Годаром
фильма в том, что в него он вклю-
чил большие куски подлинных ви-
деозаписей. Игровой материал
искусно сочетается с документаль-
ным. Причем, как утверждают ви-
деовидеофильм, на документальных
кадрах ясно видны многие из ныне
здравствующих политических дея-
телей, и тех, кто сегодня находится
у власти, и тех, кто благополучно
оставил ее совсем недавно. Обна-
родование этих записей может вы-
звать крупный политический скан-

дал, результат которого способен
повлечь за собой отставку прави-
тельства, потерю доверия к руко-
водству как внутри страны, так и на
Западе. Именно поэтому МИД Рос-
сии после просмотра обратился
к правительству Франции с требова-
нием сделать все возможное, чтобы
предотвратить показ последнего го-
даровского фильма, тем более про-
дажу его. Во всяком случае, до
окончания судебного процесса над
членами ГКЧП. Однако адвокаты уз-
ников «Матросской тишины», также
присутствовавшие среди приглашен-
ных на просмотр, потребовали дать
им возможность ознакомиться
с полной видеозаписью уже сейчас,
утверждая, что это необходимо для
выяснения истины на суде.

Судьба скандального фильма
остается темной. Увидим ли мы его?

А. Б.

1 АПРЕЛЯ — ДЕНЬ СМЕХА.
ЖЕЛАЕМ НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ ВСЕГДА СОХРАНЯТЬ ЧУВСТВО ЮМОРА!

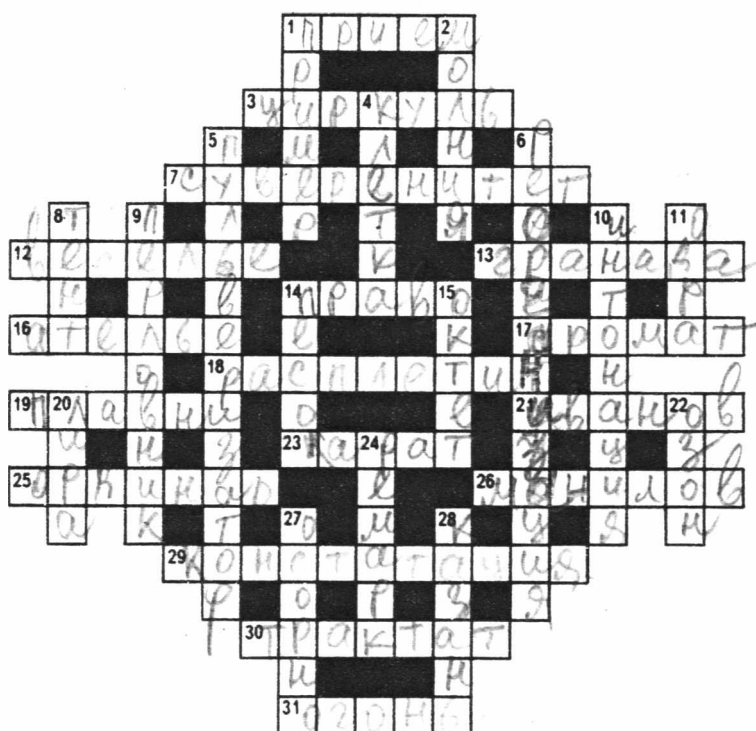
★ **ПО ГОРИЗОНТАЛИ:** 1. Собрание приглашенных официальных лиц. 3. Чертежный инструмент. 7. Независимость государства. 12. Беззаботно-радостное настроение. 13. Город в Испании. 14. Узаконенная возможность осуществления, свобода действия. 16. Мастерская по шитью одежды. 17. Душистый, приятный запах. 18. Ученый в области радиотехники и электроники, академик, Герой Социалистического Труда. 19. Заросли тростника, осоки в поймах крупных рек. 21. Советский спортсмен, трехкратный чемпион Олимпийских игр по академической гребле. 23. Мера веса драгоценных камней. 25. Средний многолетний уровень в водоемах. 26. Персонаж произведения Н. В. Гоголя «Мертвые души». 29. Сообщение о точно установленном факте, явлении. 30. Международный договор. 31. Роман А. Барбюса.

★ **ПО ВЕРТИКАЛИ:** 1. Действие, служащее образцом для подражания. 2. Гигантский разряд атмосферного электричества. 4. Единица строения и жизнедеятельности организма. 5. Прибор для разбрызгивания жидкостей. 6. Преобразование, изменение структуры и функций организации, учреждения. 8. Парусиновый навес для защиты от солнца, дождя. 9. Декоративный многолетний злак. 10. Манера произношения, отражающая чувства говорящего. 11. Европейская река, впадающая в Балтийское море. 14. Рыхлая горная порода, применяемая в строительстве. 15. Музыкальный ансамбль. 20. Северное созвездие. 22. Разновидность кислорода. 24. Немецкий писатель, антифашист. 27. Административный центр провинции в Чили. 28. Стихотворение В. В. Маяковского.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД В № 12—13

★ **ПО ГОРИЗОНТАЛИ:** 1. Ренклод. 4. Бородка. 7. Касабланка. 8. Фокус. 9. Лобан. 12. Гербовика. 15. Агапа. 16. «Март». 17. Уголь. 18. Смета. 19. Купер. 22. Шуруп. 23. Леда. 24. Ягуар. 26. Электровоз. 27. Пудра. 29. Лазер. 30. Гимнастика. 31. Австрия. 32. Аксаков.

★ **ПО ВЕРТИКАЛИ:** 1. Росомаха. 2. Кекс. 3. Диафрагма. 4. Благодарь. 5. Опол. 6. Ансамбль. 10. Севастополь. 11. Аккумулятор. 13. Таймура. 14. Кожедуб. 20. Глоксиния. 21. Вагонетка. 22. Шкатулка. 25. Рахметов. 28. Агат. 29. Лава.

«Консул» и его шестьдесят агентов и представителей во всех республиках СНГ и двадцати государствах Европы, Америки и Азии готовы помочь реализовать Ваши талант и знание!

КОНСУЛ

информация о специалистах
по различным направлениям науки и техники.

Заявки для регистрации в банке данных направляйте по адресу:
125867, ГСП, г. Москва, А-137, ул. «Правды», 24.
ФИРМА «КОНСУЛ». Факс: 200-22-91. Телекс: 111165.

РИНАКО

Российское инвестиционное акционерное общество

предлагает
заинтересованным организациям
и предприятиям, владеющим свободным
производственным и интеллектуальным
потенциалом:

- совместную реализацию крупномасштабных инвестиционных проектов;
- услуги по приватизации государственных и муниципальных предприятий посредством создания акционерных обществ открытого типа.

РИНАКО рассматривает предложения по созданию региональных представительств на территории России и за ее пределами.

РИНАКО — надежный партнер на пути к процветанию!

Телефоны: (095) 936-75-46,
936-75-47, 936-75-49
Телефакс: (095) 936-75-45

золотая броня

Женское тело, женская красота, женственность как элемент эстетики стали... стали тем, чем они стали сегодня. Стали товаром, частью рекламного «имиджа», стали навязчивым кошмаром дня. Нормально?

Со скрежетом зубным признаем: ну, в общем, да, нормально, так везде и всюду, есть такая вполне обоснованная традиция в мировой культуре, только очень уж безудержно и грубо эта традиция сейчас эксплуатируется, но об этом скучно говорить. Поговорим о другом.

Фотохудожник Виктор Грицюк, использующий для создания своих композиции сложную, смешанную технику, мягко, но бесповоротно уходит от стереотипа «вечной женственности». Внутренний смысл этих образов, воплощаемых в столь привычные линии и женские формы, — космическая холодность (но все-таки не холод), романтическая агрессивность (но все-таки не агрессия), жесткость выбора (но все-таки не жестокость).

Конечно, о двоящейся бессмертной сути женского начала задумывались и раньше. Особенно поэты. Поэтому и звучит, повторяясь, эта грустная тема и в стихах знаменитых стихотворцев прошлого, и молодых поэтов.

*Как будто соринка попала под веко,
Сместив очертанья спокойного дня —
Зачем на исходе двадцатого века
Даная нужна золотая броня?*

*И все же душа моя с этим согласна
В надежде, что дождь с олимпийских высот
Случайную поту пустого соблазна,
Возвысив до мифа, от фальши спасет.*

Петр ПРИБЫЛОВ

●
... Не ведаю, восстать иль покориться,
Нет смелости ни умереть, ни жить...
Мне близок бог — но не могу молиться,
Хочу любви — и не могу любить.

Я к солнцу, к солнцу руки простираю,
Я вижу полог бледных облаков...
Мне кажется, что истину я знаю —
И только для нее не знаю слов.

Зинаида ГИППИУС

●
Я из дворцов, из замков,
из лесов.
Я из деревьев, неба и воды.
Я — соль веков,
Я — жертвенника дым,
Что только вверх —
До самых облаков.

Я — птица белая,
Поющая зимой,
Я — рысь проворная,

Крадущаяся в чашу.
Морской сирены сладкий
голос мой
И речи верескова меда слаще.

Мне нужно больше,
Чем мне может дать
Вся нищая земля.
Мне можно больше,
Чем вся благодать,
Которую раздариваю я.

Екатерина ФИЛАТОВА

... И в час, когда меня
с врагинею
Сомкнуло бранное кольцо,—
Я вдруг увидел над пустыней
Ее стеклянное лицо.

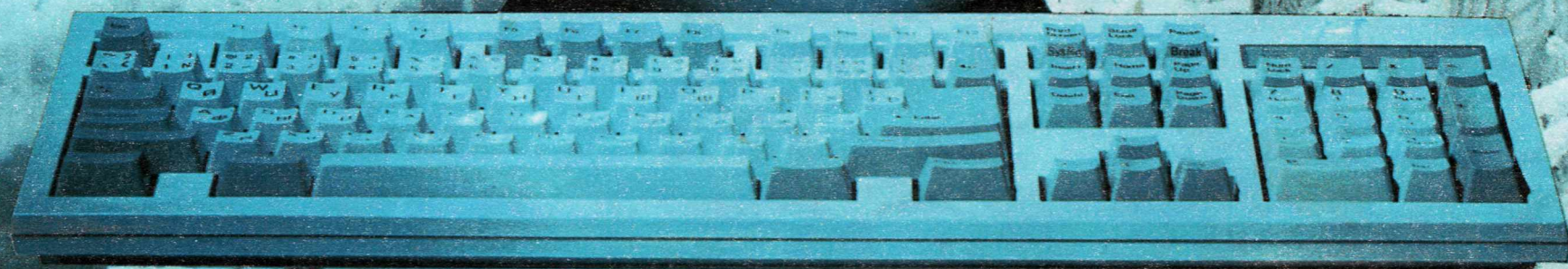
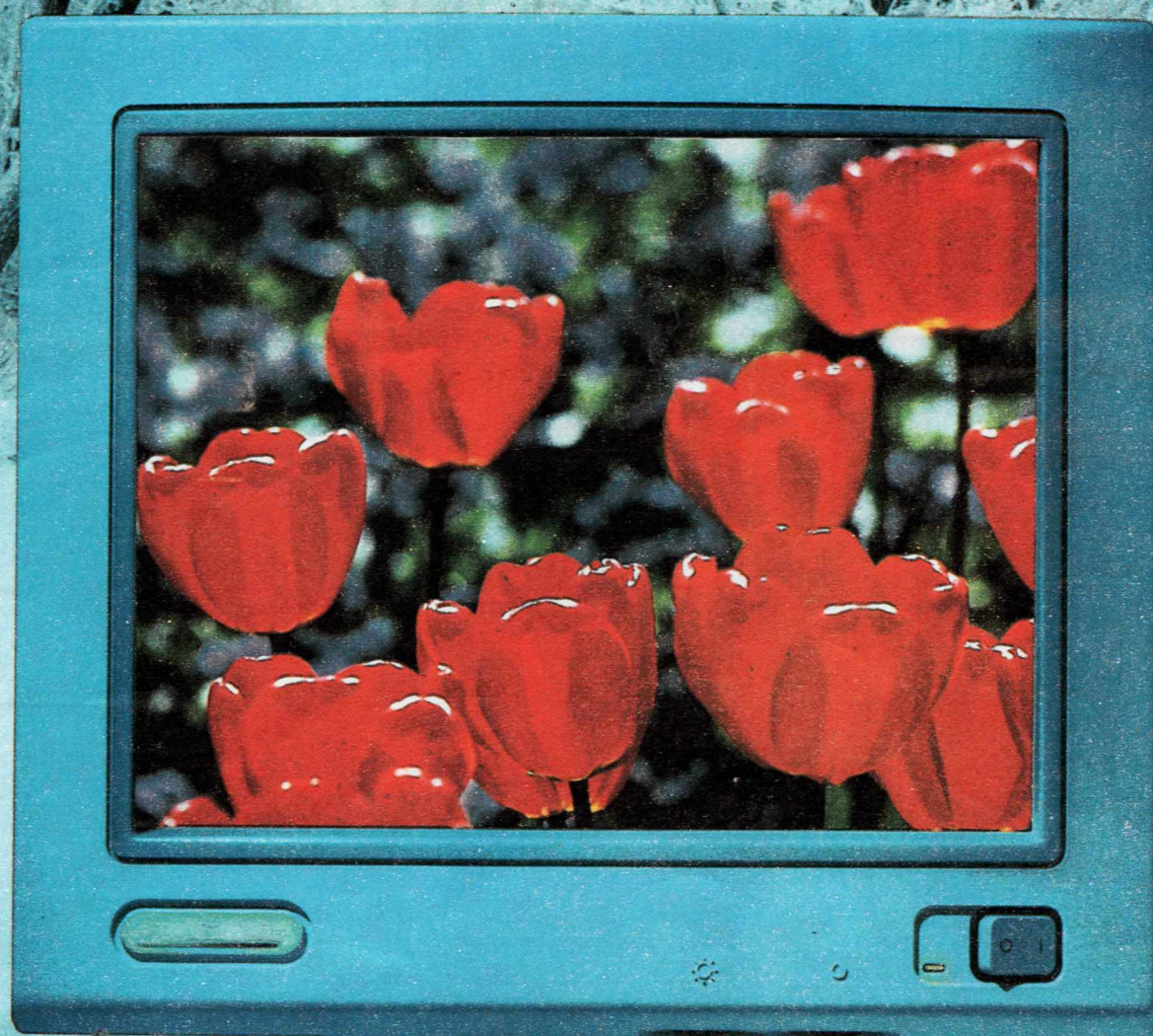
Когда, гремя, с небес сводили
Огонь мечи и шла гроза —
Меня топтали в вихрях пыли
Смерчам подобные глаза...

Владислав ХОДАСЕВИЧ

kami

Качество
и надежное партнерство

Индекс 70663